ISSN 2072-7607

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Научный журнал

Выпуск 1 (64)

Рязань 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 г. Реестровая запись СМИ **ПИ № ФС77-72456**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Я. М. Колкер, главный редактор, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Е. С. Устинова, заместитель главного редактора, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

С. Ю. Потапова, д-р филол. наук, проф. (центр немецкого языка — партнер Гёте-Института, Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль),

В. Н. Степанов, д-р филол. наук, проф. (Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н. А. Ахренова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна),

В. Н. Бабаян, д-р филол. наук, доц. (Ярославское высшее военное училище ПВО),

Ван Цзиньлин, д-р филол. наук, проф. (Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай),

А. Н. Гордей, д-р филол. наук, проф. (Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь),

Г.-Г. Дрёссигер, д-р филол. наук, проф. (Каунасский филиал Вильнюсского университета, Литва),

С. Т. Золян, д-р филол. наук, проф. (Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия; Институт философии и права Национальной академии Армении, Ереван, Армения),

А. А. Колесников, д-р пед. наук, доц. (Московский городской педагогический университет, Москва),

Т. Я. Кузнецова, д-р филол. наук, проф. (Северный государственный медицинский университет, Архангельск),

С. А. Ламзин, д-р пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Е. Г. Логинова, д-р филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Л. Н. Лунькова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна),

Альберто Манко, д-р филол. наук, доц. (Университет L'Orientale, Неаполь, Италия),

Е. Л. Марьяновская, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Л. А. Милованова, д-р пед. наук, проф. (Московский городской педагогический университет, Москва),

А. Д. Петренко, д-р филол. наук, проф. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь),

И. М. Петрова, д-р филол. наук, доц. (Московский городской педагогический университет, Москва),

А. М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск),

А. А. Решетова, д-р филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Т. С. Серова, д-р пед. наук, проф. (Пермский государственный технический университет, Пермь),

О. В. Соколова, д-р филол. наук, старший научный сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

В. В. Фещенко, д-р филол. наук, старший научный сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

Д. М. Храбскова, канд. филол. наук, доц. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь),

О. Г. Чупрына, д-р филол. наук, проф. (Московский городской педагогический университет; Московский педагогический государственный университет, Москва),

И. М. Шеина, канд. филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань).

Журнал выходит 4 раза в год.

С 01.12.2015 г. **входит в перечень российских рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес и телефон редакции: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46;
тел.: (4912) 21-57-23, e.ustinova@365.rsu.edu.ru

Ссылка на журнал «Иностранные языки в высшей школе» обязательна.
Редакция не всегда разделяет мнение авторов.

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.
Подписной индекс издания № 55170 в каталоге «Объединенный каталог Пресса России»

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина», 2023

© «Иностранные языки в высшей школе», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I
Слово в языке и в тексте:
лингвориторическая и лингводидактическая перспективы

Ветрова Э. С.
Повтор как средство речевого воздействия на адресата
в устном политическом дискурсе английского и русского языков 5

Запруднова А. А.
Методические рекомендации по профилактике частотных ошибок у обучающихся
в письменных заданиях с развернутым ответом ЕГЭ по китайскому языку 16

Колбанова Н. Н., Кошкин А. П.
Структурные особенности и предикативная тактика
редуплицированных прилагательных в китайском языке..... 29

Кошкин А. П.
Синтаксические и семантические особенности отдельных близких по смыслу
прилагательных в китайском языке 37

Филиппова И. Н., Вековищева С. Н.
Псевдоэвфемия в межкультурной диахронической передаче
художественной литературы (на материале детективов А. Кристи) 44

Раздел II
Проблемы терминоведения в межъязыковом аспекте

Кузнецова Т. Я., Воробьева О. И., Заиченко Л. С.
Сопоставительное исследование двухэлементных медицинских терминов
(на материале латинского, русского, немецкого и французского языков) 53

Решетнёва У. Н.
Становление терминологического аппарата категории эвиденциальности
в китайском языкознании 59

Раздел III
Перевод и переводоведение

Лобанов С. В.
Текстуры как средство достижения адекватности перевода 68

Потапова С. Ю.
Военный переводчик в истории российского переводоведения 78

Романовская Е. В.
Определение фасцинационной и фактуальной доминанты в переводе
художественного текста (на примере китайской классической поэзии) 86

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами 97

TABLE OF CONTENTS

Part I
The word as a linguistic and textual unit

Vetrova, Elvira
Repetition as a means of speech influence on the addressee in English and Russian oral political discourse 5

Zaprudnova, Anastasiia
Methodological recommendations for the prevention of the most frequent errors in writing tasks of Russia's Unified State Exam in Chinese 16

Kolbanova, Natalia; Koshkin, Andrey
Structural features and predicative tactics of reduplicated adjectives in Chinese 29

Koshkin, Andrey
Syntactic and semantic features of some nearly synonymous adjectives in the Chinese Language 37

Filippova, Irina; Vekovishcheva, Svetlana
Pseudo-euphemia in the intercultural diachronic transmission of fiction (based on A. Christie's detective stories) 44

Part II
Terminology studies from a cross-linguistic perspective

Kuznetsova, Tatiana; Vorobyova, Olga; Zaichenko, Larisa
Comparative research of two-element medical terms (in Latin, Russian, German and French) 53

Reshetneva, Ulyana
Formation of the terminology of the evidentiality category in Chinese linguistics 59

Part III
Translation and Translatology

Lobanov, Sergey
Textures as a means to achieve adequacy in translation 68

Potapova, Svetlana
Military translators throughout the history of Russian translation studies 78

Romanovskaya, Elena
Determination of fascinative and factual dominant element in literary text translation (the case of Chinese classical poetry) 86

Requirements to the papers submitted (in Russian) * 97

* Available in English at: http://fljournal.rsu.edu.ru/en/technical-requirements

РАЗДЕЛ I

СЛОВО В ЯЗЫКЕ И В ТЕКСТЕ: ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКАЯ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВЫ

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 5–15.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;1(64):5–15.

Научная статья
УДК 81’42
DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.001

Повтор как средство речевого воздействия на адресата в устном политическом дискурсе английского и русского языков

Эльвира Сабировна Ветрова
Донецкий национальный университет, Донецк, Россия
e.vetrova@donnu.ru

Аннотация. В статье осуществляется сопоставительный анализ прагматических функций повтора в устной политической коммуникации. На материале записей политических ток-шоу и текстов публичных выступлений американских и российских политиков рассматриваются различные виды повторов, определяется их роль в достижении эффективности политического диалога. Новизна исследования заключается в том, что повтор впервые исследуется не только как средство синтаксической организации фразы и прием художественной выразительности, а в первую очередь как эффективный способ речевого воздействия на адресата, определяющий прагматическую направленность публичных выступлений американских и российских политиков. В научный оборот вводится новый языковой материал, отобранный автором путем сплошной выборки из устных жанров англоязычной и русскоязычной политической коммуникации последнего десятилетия. В результате анализа установлено, что в политическом дискурсе обоих языков используется большое количество разноуровневых и разноструктурных повторов, которые в рамках главной функции — функции убеждающего воздействия — реализуют ряд дополнительных коммуникативных задач: выделяют и уточняют основную мысль; акцентируют внимание адресата на важной информации и способствуют ее запоминанию; повышают степень эмоциональной выразительности высказывания. Особое внимание уделяется выявлению общего и различного в построении и использовании повторов в англоязычных и русскоязычных политических текстах. Исследование показало, что в англоязычном политическом дискурсе преобладают лексико-синтаксические повторы, тогда как в русскоязычном политическом дискурсе чаще используются самые простые по структуре лексические повторы. Это свидетельствует о том, что русскоязычная политическая коммуникация в ее устной форме тяготеет к упрощению синтаксической структуры высказываний, поскольку нацелена на реализацию прежде всего информативно-выделительной и уточняющей функций. Англоязычная политическая коммуникация имеет более пафосный, театрализованный характер и ставит перед собой задачу не просто проинформировать о том или ином событии, а дать ему оценку, более глубоко проанализировать проблемную ситуацию, что влечет за собой усложнение синтаксических структур.

Ключевые слова: политическая коммуникация, речевые средства, лексический повтор, лексико-синтаксический повтор, полиптотон, анафора, хиазм, анадиплосис.

Для цитирования: Ветрова Э. С. Повтор как средство речевого воздействия на адресата в устном политическом дискурсе английского и русского языков // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 5–15. DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.001.

Original article

Repetition as a means of speech influence on the addressee in English and Russian oral political discourse

Elvira S. Vetrova
Donetsk National University, Donetsk, Russia
e.vetrova@donnu.ru

© Ветрова Э. С., 2023

Abstract. The article provides a comparative analysis of the pragmatic functions of repetition in oral political communication. On the material of the recordings of political talk shows and texts of public speeches by American and Russian politicians different types of repetition are considered, their role in achieving the effectiveness of political dialogue is determined. The novelty of the study consists in the fact that, for the first time, repetition is investigated not as a means of syntactic organization of a phrase or a stylistic device, but as an effective way of speech influence on the addressee determining the pragmatic orientation of public speeches of politicians. The new language material selected by the author from the oral genres of English and Russian political communication of the last decade by a continuous sampling method is introduced into scholarly discourse. As the result of the analysis it has been found out that in the political texts in both languages a great number of multilevel and multistructure repetitions are used, which, under the main function — the function of persuasive influence, implement a number of additional communicative tasks: distinguish and clarify the main idea; focus the recipient's attention on important information and contribute to its memorization; increase the emotional expressiveness of the message. Particular attention is paid to identifying the common and different in the construction and use of repetition in English and Russian-language political texts. The research has shown that lexico-syntactical repetitions predominate in English-language political discourse, while in Russian-language political discourse the most simple in structure lexical repetitions are used more often. This indicates that the Russian-speaking political communication in its oral form tends to simplify the syntactic structure of the statements, as it is aimed primarily at the realization of informative-explanatory and specifying functions. English-language political communication has a more emotional, theatrical character and aims not just to inform about this or that event, but to evaluate it, to analyze the problematic situation more deeply, which entails the complication of syntactic structures.

Keywords: political communication, speech means, lexical repetition, lexico-syntactical repetition, polyptoton, anaphora, chiasmus, anadiplosis.

For citation: Vetrova E. S. Repetition as a means of speech influence on the addressee in English and Russian oral political discourse. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 1(64):5–15. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.001.

Введение

Современный этап развития общества характеризуется возрастающим интересом ученых к проблемам политической коммуникации, что обусловлено кардинальными изменениями в социально-политическом устройстве мира, усложнением политических процессов, выходом политики в публичную сферу, а также стремительным развитием средств массовой информации как основного инструмента формирования общественного мнения. В условиях медиатизации политики и интенсификации межкультурных контактов возникает необходимость в изучении механизмов порождения и функционирования политических текстов разных жанров, в исследовании речевых стратегий и тактик политической коммуникации, в описании универсальных и дифференциальных принципов организации политического диалога в различных лингвокультурах. Политический текст обладает большим манипулятивным потенциалом, вследствие чего изучение его особенностей необходимо, с одной стороны, политикам для поиска эффективных способов воздействия на аудиторию, с другой стороны — аудитории для распознавания истинных интенций политиков и критического восприятия транслируемой ими информации, искажающей реальную политическую картину мира.

Следует отметить, что в современной лингвистике исследование механизмов политической коммуникации является одним из наиболее активно разрабатываемых научных направлений (см., напр.: [Иссерс, 1999 ; Чудинов, 2000 ; Шейгал, 2000 ; Демьянков, 2002 ; Михалева, 2009 ; Даррен Дж. Лиллекер, 2010 ; Edelman, 1977 ; Coseriu, 1987, и др.]). Вместе с тем, несмотря на обширную научную литературу, феномен политической коммуникации все еще изучен недостаточно. В дальнейшей разработке, в частности, нуждаются вопросы использования языковых средств в различных жанрах политического дискурса, изучение их роли в реализации политических стратегий и тактик и достижении коммуникативного успеха. Особый интерес в контексте данной проблематики представляет исследование повтора как эффективного средства речевого воздействия на массового адресата в рамках политической коммуникации. И хотя в лингвистике последних десятилетий повтор неоднократно становился объектом научных изысканий (см., напр.: [Симонян, 2005 ; Афанасенко, 2006 ; Никашина, Попова, 2015, и др.]), в большинстве работ данный языковой прием рассматривается как один из принципов текстообразования и средство художественной выразительности, тогда как его воздействующий, в частности манипулятивный потенциал в выступлениях современных политиков изучен достаточно фрагментарно.

Для достижения эффективности межкультурного политического диалога необходима активизация сопоставительных исследований, направленных на выявление сходств и различий в построении и использовании повторов в политических текстах разноструктурных языков, а также на установление причин обозначенных различий.

Цель настоящей статьи — изучение повтора как средства речевого воздействия на адресата в устной политической коммуникации, установление общего и различного в построении и использовании данного языкового приема в устных политических текстах английского и русского языков.

Материалом исследования послужили контексты с различными видами повторов, извлеченные из записей американских и российских политических ток-шоу, а также публичных выступлений американских и российских политиков. Всего проанализировано 325 контекстов, из них 160 — в английском языке и 165 — в русском языке.

Основная часть

Политическая коммуникация относится к особому типу общения, целями которого являются: борьба за власть, формирование в сознании людей убеждений, соответствующих интересам конкретных политических субъектов, эмотивное воздействие на адресата, побуждение его к политически «правильным» решениям. Для достижения данных целей предпринимаются определенные коммуникативные действия — речевые стратегии и тактики, которые реализуются с помощью специальных языковых средств. Как отмечают ученые, в идеологической и политической литературе выбор слов и выражений является необычайно важным инструментом власти для структурирования той «действительности», о которой идет речь [Блакар, 1987, с. 102]. При этом речевое воздействие на адресата оказывается максимально эффективным, если используемые адресантом выразительные средства не требуют особых интеллектуальных усилий и демонстрируют очевидный смысловой подтекст. К таким выразительным средствам относится повтор — фигура речи, которая состоит в неоднократном использовании языковой единицы (звука, звукосочетания, морфемы, слова, конструкции) в пределах фразы или микротекста [Москвин, 2000].

Повтор — явление многофункциональное. Следует разграничивать повтор как средство синтаксической организации фразы, обеспечивающее структурную связность текста и логическую стройность мысли, и повтор как стилистический прием, реализующий ряд коммуникативных функций, а также субъективно-модальных и экспрессивных значений. Поскольку основная функция политической коммуникации — эмотивное воздействие на адресата, внушение ему определенных эмоциональных оценок, выводов и установок, большой интерес представляет изучение повтора как коммуникативного приема, обладающего большим прагматическим потенциалом.

В политической коммуникации повтор является коммуникативно мотивированным и стилистически оправданным. В рамках реализации основной функции — функции убеждающего воздействия — данный языковой прием решает ряд дополнительных коммуникативных задач: 1) выделяет и уточняет основную мысль; 2) акцентирует внимание адресата на важной информации и способствует ее запоминанию; 3) усиливает эмоциональную выразительность высказывания.

В политическом дискурсе английского и русского языков функционирует большое количество разноуровневых повторов — морфемных, лексических, синтаксических, лексико-синтаксических, семантических, частота использования которых определяется жанром политической коммуникации. Так, в устных политических жанрах, таких как, например, политическое ток-шоу или предвыборная речь политиков, преобладают лексические, синтаксические и лексико-синтаксические повторы. Это обусловлено тем, что повтор в устной речи одинаковых речевых отрезков является эффективным средством привлечения и удержания внимания слушателей, а также усвоения и запоминания важной информации. Кроме того, данные виды повтора ориентированы на реализацию суггестивной функции языка (функции внушения) путем апеллирования к иррациональному и эмоциональному в психике слушателя с целью последующей коррекции его поведения.

Семантические повторы обычно реализуются на большом отрезке текста и поэтому в большей степени характерны для письменной речи, требующей более тщательной подготовки (например, статьи в газетах и журналах). Что касается морфемного повтора, то данный языковой прием способствует «точечному отграниченному зрительному выделению» слов в «сложной и пестрой совокупности знаков текстового пространства» [Карпухина, 2006, с. 90], то есть также используется преимущественно в письменной речи.

Лексические, синтаксические и лексико-синтаксические повторы в устном политическом дискурсе сопоставляемых языков имеют разные показатели частотности (см. табл.).

Таблица

Частотность употребления повторов в устном политическом дискурсе
английского и русского языков

№ п/п	Вид повтора	Английский язык		Русский язык	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1	Лексико-синтаксический	87	54,4	44	26,7
2	Лексический	58	36,3	94	57
3	Синтаксический	15	9,3	27	16,3
Всего		160	100	165	100

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, в англоязычном политическом дискурсе преобладают лексико-синтаксические повторы, тогда как в русскоязычном политическом дискурсе — лексические. Менее частотны в обоих языках синтаксические повторы, которые, однако, в русскоязычной политической коммуникации встречаются чаще.

Лексический повтор

Под лексическим повтором подразумевается стилистический прием, заключающийся в намеренном повторении в обозримом участке текста одного и того же слова либо речевой конструкции [Словарь по риторике …]. При лексическом повторе в повторяющихся языковых единицах совпадают план выражения и план содержания, поэтому такие повторы в научной литературе часто называют тавтологическими.

Распространенность лексических повторов (самых простых по своей структуре по сравнению с другими видами) характерна как для англоязычного, так и для русскоязычного политического дискурса и связана с общим для всех языков законом речевой экономии, который наиболее ярко проявляется в устной разговорной речи. Кроме того, в политической коммуникации лексический повтор реализует ряд специфических функций, в частности является эффективным приемом выделения, усиления, уточнения, оценки информации, экспрессивного воздействия на адресата. Например:

(1) “We are looking for more than just a change of party in the White House. We’re looking to fundamentally change the *status quo* in Washington — a *status quo* that extends beyond any particular party. And right now, that *status quo* is fighting back…” [Barack Obama …]. — «Мы стремимся к большему, чем просто смена партии в Белом доме. Мы хотим фундаментально изменить статус-кво в Вашингтоне — статус-кво, выходящий за рамки какой-либо конкретной партии. И прямо сейчас этот статус-кво сопротивляется...»;

(2) «Значит, если бы не колоссальное давление со стороны правительства этих *стран*, *стран* западного мира, ни одна компания даже не почесалась бы, чтобы уйти» [Интервью Д. Медведева …].

В примере (1) с помощью троекратного повтора существительного *status quo* оратор акцентирует внимание аудитории на противоречивости той политической ситуации, которая сложилась до его прихода к власти и которую он со своими единомышленниками планирует изменить к лучшему.

В примере (2) лексический повтор способствует уточнению изложенной ранее информации.

В результате анализа установлено, что в англоязычном политическом дискурсе преобладают сложные многократные лексические повторы, способствующие усилению выразительности устной политической речи, обращенной к избирателям, созданию риторического пафоса, который является неотъемлемой частью публичных выступлений американских политиков. При этом повторяющиеся лексемы вербализуют, как правило, национально значимые концепты, что усиливает суггестивно-манипулятивный потенциал высказывания. Например:

(3) “America has called upon us to marshal the *forces* of decency, the *forces* of fairness. To marshal the *forces* of science and the *forces* of hope in the great *battles* of our time. The *battle* to control the virus, the *battle* to build prosperity, the *battle* to secure your family’s health care. The *battle* to achieve racial justice and root out systemic racism in this country. And the *battle* to save our planet by getting climate under control.” [Joe Biden’s victory speech, annotated]. — «Америка призвала нас мобилизовать силы порядочности, силы справедливости. Чтобы объединить силы науки и силы надежды в великих битвах нашего времени. Битва за контроль над вирусом, битва за процветание, битва за сохранение здоровья вашей семьи. Битва за достижение расовой справедливости и искоренение системного расизма в этой стране. И битва за спасение нашей планеты путем установления контроля над климатом».

В примере (3) многократно повторяются лексемы *forces* и *battle*, с помощью которых внимание адресата фокусируется на главном принципе американской внешней политики: для военного противостояния необходимы консолидация общества и мобилизация усилий. Многократный лексический повтор, с одной стороны, подчеркивает пафосность и воинственную риторику высказывания, с другой стороны, направлен на достижение суггестивного эффекта: транслируемое сообщение приобретает определенный ритм, чем привлекает внимание адресата, воздействует на его психику и прочно откладывается в подсознании.

В выступлениях российских политиков используются более простые и лаконичные в структурном отношении лексические повторы (как правило, двукратные), которые выполняют преимущественно уточняющую и усилительно-выделительную функции, вследствие чего русскоязычная политическая коммуникация воспринимается как менее пафосная, апеллирующая не столько к эмоциям адресата, сколько к его сознанию. Например:

(4) «Очевидно, что ведущие страны мира должны видеть эту угрозу. И, соответственно, выстраивать более демократическую, справедливую *систему* экономических отношений в мире — *систему*, дающую всем шанс и возможность для развития» [Выступление В. Путина на Мюнхенской конференции …].

В примере (4) повтор существительного *система* способствует расширению смысла предыдущего высказывания и созданию большей напряженности повествования.

В результате анализа установлено, что различия в построении лексического повтора в англоязычных и русскоязычных политических текстах обусловлены также структурными особенностями сопоставляемых языков. Так, специфической особенностью русскоязычного политического дискурса является широкое использование полиптотона — стилистического приема, заключающегося в повторении одного и того же слова в разных грамматических формах в переделах узкого контекста с целью концентрации внимания на содержании повторяемой формы [Словарь по риторике …]. Например:

(5) «…все политические силы в Европе стараются воспользоваться этой ситуацией, скажем прямо, для достижения собственных внутриполитических целей. А они есть в каждой стране: у *кого-то* выборы, у *кого-то* кризис, *кому-то* нужно коалицию *с кем-то* создать» [Интервью Д. Медведева …];

(6) «В России построена система *государственного капитализма*, которая стремительно превращается в *государственный капитализм* только для своих» [60 минут].

В примере (5) повтор неопределенного местоимения *кто-то* в разных падежных формах акцентирует внимание на многополярности современной политики, на различиях в политических целях и приоритетах.

В примере (6) лексический повтор, построенный на контрасте между тем, что должно быть, и тем, что есть на самом деле, способствует реализации тактики негативной оценки.

Активное использование полиптотонов в русском языке обусловлено его синтетическим характером, предполагающим наличие разветвленных парадигм именного склонения и глагольного спряжения. В английском языке, который относится к языкам аналитического строя, повторы такого типа отсутствуют.

Синтаксический повтор (синтаксический параллелизм)

Синтаксический повтор — языковой прием, заключающийся в повторе двух и более синтаксических конструкций с одинаковым или разным лексическим наполнением, в результате которого в тексте устанавливаются отношения смысловой эквивалентности [Словарь по риторике …]. При синтаксическом повторе сочетание параллельных синтаксических структур образует новую идею, не сводимую к их сумме или тождеству. В политической коммуникации использование такого приема позволяет автору добиться симметрии, необходимой для последовательного восприятия информации, сопоставления фактов и установления взаимосвязи между описываемыми событиями. Например:

(7) “*Yesterday*, I laid out my plan to defeat Radical Islamic Terrorism. *Tonight*, I am going to talk about how to make our com Donald Trump munities safe again from crime and lawlessness.” [Donald Trump campaign speech …]. — «Вчера я изложил свой план победы над радикальным исламским терроризмом. Сегодня вечером я собираюсь поговорить о том, как снова обезопасить наши сообщества от преступности и беззакония»;

(8) «Соглашения в сфере стратегической безопасности летят в мусорную корзину; договоренности, достигнутые на самом высоком политической уровне, объявляются небылицами; твердые обещания не расширять НАТО на Восток… обернулись грязным обманом; договоры по противоракетной обороне и ракетам средней и меньшей дальности в одностороннем порядке под надуманными предлогами разорваны» [Обращение Президента Российской Федерации …].

Пример (7) содержит двучленный параллелизм, с помощью которого сопоставляются события, происходящие в разное время. Выразительность высказывания усиливают антонимы *yesterday — tonight*, указывающие на систематичность и последовательность выполняемых адресантом действий, что вызывает одобрение у слушателя.

В примере (8) текст членится на четыре структурно идентичных синтаксических отрезка, каждый из которых построен на основе противопоставления «ожидание — реальность»: *соглашения — мусорная корзина*, *договоренности — небылицы, обещания — обман*, что используется оратором для резко негативной оценки происходящего. Однотипность формы облегчает восприятие большого по объему высказывания.

В устной политической коммуникации обоих языков синтаксический параллелизм часто строится на основе контраста, что способствует реализации тактики самопрезентации и негативной оценки оппонента. Например:

(9) "*You were getting a lot of money* from Russia. They were paying you a lot of money and they probably still. — *I have not taken a penny* from any country ever in my life." [The McLaughlin Group …]. — «Вы получали много денег из России. Они платили Вам много денег и, вероятно, все еще платят. — Я никогда в жизни не брал ни копейки»;

(10) «*Я с отличием* окончил Московский университет, *с отличием*! А Михаил *с трудом* окончил Московский университет. Меня бросили на Кавказ, *в горячую точку*, а Мишу *в банк*, начальником управления» [Вечер с Владимиром Соловьевым].

В примерах 9–10 синтаксический параллелизм строится на антитезе, которая позволяет автору высказывания предстать в более выгодно свете, нежели его оппонент.

Лексико-синтаксический повтор

Сочетание лексического повтора и синтаксического параллелизма образует лексико-синтаксический повтор. В устной политической коммуникации лексико-синтаксические повторы выполняют в первую очередь текстообразующую функцию, способствуя созданию общей идеи, единого смыслового центра высказывания и, соответственно, более глубокому пониманию передаваемой информации. Кроме того, данный языковой прием характеризуется высокой степенью экспрессивности и большим воздействующим потенциалом, убеждая слушателя в необходимости принять точку зрения говорящего. В политических текстах сопоставляемых языков обнаружено несколько видов лексико-синтаксического повтора, среди которых наиболее частотными являются анафора, анадиплосис, хиазм, полисиндетон.

Как свидетельствует проведенный анализ, наиболее активно в устном политическом дискурсе обоих языков используется *анафора* — риторическая фигура, состоящая в повторении с особым ударением какого-нибудь слова или даже нескольких слов в начале непосредственно следующих друг за другом предложений [Энциклопедический словарь …]. Частое использование анафоры в политических текстах объясняется тем, что начальная позиция слова по силе эмоционального воздействия значительно опережает все остальные, в том числе и конечную, на что указывал еще Аристотель: «…внимание ослабевает во всех других частях скорее, чем в начале» [Аристотель, 2019, с. 992]. Кроме того, анафора акцентирует внимание на наиболее значимых смыслах, облегчает восприятие транслируемой информации.

В политической коммуникации в качестве анафорических элементов могут выступать слова, словосочетания и целые предикативные группы. При этом установлено, что в обоих языках чаще всего повторяются предикативные основы. Это обусловлено тем, что предикативный центр составляет смысловой костяк высказывания и соотносится с объективной действительностью, являясь основным средством выражения авторской интенции. Повтор предикативных центров способствует реализации различных коммуникативных стратегий и тактик.

(11) «*Я умею* работать, *я умею* организовывать производство, *я умею* создавать квалифицированные рабочие места» [60 минут];

(12) "*We now know* because of investigative journalism that Donald Trump paid 750 dollars in taxes. *We now know* Donald Trump is in debt for 400 million dollars." [The Daily Show …]. — «Благодаря журналистским расследованиям теперь мы знаем, что Дональд Трамп заплатил 750 долларов налогов. Теперь мы знаем, что Дональд Трамп задолжал 400 миллионов долларов».

Так, в примере (11) повтор подлежащего *я* ориентирован на реализацию тактики самопрезентации в рамках предвыборной агитации.

В примере (12) повтор предикативных центров выполняет функцию обличения политического оппонента.

В предвыборных выступлениях политиков при реализации тактик призыва и обещания часто используется анафорический повтор предикативного центра, в состав которого входит местоимение *мы/we*, выполняющее функцию солидаризации, и глагол будущего времени со значением прогнозирования:

(13) “The state of our economy calls for action: bold and swift. And *we will* act not only to create new jobs but to lay a new foundation for growth. *We will build* the roads and bridges, the electric grids and digital lines that feed our commerce and bind us together. *We will wield* technology’s wonders to raise health care’s quality and lower its costs. All this we can do. All this we will do.” [President Barack in his own words …]. — «Состояние нашей экономики требует действий: смелых и быстрых. И мы будем действовать не только для того, чтобы создавать новые рабочие места, но и для того, чтобы заложить новый фундамент для роста. Мы будем строить дороги и мосты, электрические сети и цифровые линии, которые питают нашу торговлю и связывают нас вместе. Мы будем использовать чудеса технологии, чтобы повысить качество здравоохранения и снизить его стоимость. Все это мы можем сделать. И все это мы сделаем»;

(14) «*Мы возродим* единую страну, *мы возродим* армию, *мы возродим* русский дух» [Вечер с Владимиром Соловьевым].

В политических текстах обоих языков часто используется *анадиплосис* (подхват) — стилистический прием, при котором слово или фраза, заканчивающие первую часть отрезка речи, повторяются в начале следующей части отрезка речи [Словарь по риторике …]. В публичных выступлениях политиков анадиплосис используется для эмфатического выделения наиболее важной части высказывания и расставления смысловых акцентов, что облегчает понимание излагаемой информации. Кроме того, данный стилистический прием придает стройность и торжественную приподнятость высказыванию. Например*:*

(15) “Law and order *must be restored*. It *must be restored* for the sake of all, but most especially for the sake of those living in the affected communities, of which there are many.” [Donald Trump campaign speech …]. — «Закон и порядок должны быть восстановлены. Они должны быть восстановлены ради всех, но особенно ради тех, кто живет в пострадавших общинах, которых здесь много».

(16) «Я был одним из руководителей *защиты Верховного совета*. *Того Верховного совета*, расстрелу которого радовался господин Жириновский и господин Явлинский» [60 минут].

В примере (15) благодаря подхвату акцентируется внимание на необходимости восстановления закона и порядка, при этом речевой отрезок *must be restored*, повторяющийся в начале второго предложения, выполняет функцию расширения информации, содержащейся в первой части высказывания.

В примере (16) подхват выполняет усилительно-выделительную функцию, а также уточняет смысл предыдущего сообщения.

В англоязычных политических текстах подхват часто используется для акцентирования внимания на разных аспектах одного и того же явления:

(17) “The war on our police *must end*. It *must end* now.” [Donald Trump campaign speech …]. — «Война с нашей полицией должна закончиться. Должна закончиться сейчас».

В данном примере подхват членит высказывание на две части: 1) «война должна закончиться»; 2) «это должно случиться сейчас».

В предвыборных речах американских и российских политиков обнаружен хиазм — разновидность лексико-синтаксического повтора, суть которого заключается в крестообразном изменении последовательности элементов в двух параллельных рядах слов [Словарь по риторике …]. Например:

(18) “My job is not *to represent Washington to you*, but *to represent you to Washington*.” [Barack Obama …]. — «Моя работа не в том, чтобы представлять вам Вашингтон, а в том, чтобы представлять вас Вашингтону».

(19) «Лживые ярлыки — “страна-изгой”, “авторитарный режим” — уже готовы, они клеймят целые народы и государства, и *в этом нет ничего нового. Ничего нового в этом нет*: западные элиты какими были, такими и остались — колонизаторскими» [Обращение Президента Российской Федерации …].

В примере (18) благодаря хиазму высказывание трансформировалось в политический афоризм, который легко запоминается, помогает автору расположить к себе слушающих, сделать их своими единомышленниками.

В примере (19) хиазм выполняет оценочную функцию и усиливает категоричность высказывания.

В устной политической коммуникации часто встречается *полисиндетон* (многосоюзие) — стилистический прием, суть которого заключается в намеренном повторении одних и тех же союзов в рамках синтаксической конструкции [Словарь по риторике …]. В политических текстах обоих языков данный прием реализует усилительно-выделительную функцию, а также используется для выражения тесной взаимосвязи описываемых автором событий.

Примечательно, что в политической коммуникации доминирует повтор подчинительных союзов, что способствует семантическому углублению темы в контексте рассуждения (пример (19)), повышению смысловой значимости перечисляемых элементов при критической оценке ситуации (пример (20)):

(19) “The world must know *that* we do not go abroad in search of enemies, *that* we are always happy *when* old enemies become friends and *when* old friends become allies, that’s what we want. We want them to be our allies.” [Donald Trump campaign speech …]. — «Мир должен знать, что мы не выезжаем за границу в поисках врагов, что мы всегда счастливы, когда старые враги становятся друзьями и когда старые друзья становятся союзниками, это то, чего мы хотим. Мы хотим, чтобы они были нашими союзниками»;

(20) «*Когда* страной правят 30 олигархических семей, *когда* 95 % предприятий, которые производят основной валовый национальный продукт, принадлежат этим семьям, *когда* 3 бюджета Российской Федерации каждый год уходит прибылями на их частные счета, а потом в Европу, мы ничего не построим» [Вечер с Владимиром Соловьевым …].

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, многосоюзие обычно сочетается с другими стилистическими приемами, такими как, например, лексический повтор, хиазм, подхват (пример (19)), синтаксический параллелизм, градация (пример (20)) и др., что способствует увеличению смысловой и эмоциональной нагрузки.

Выводы

В работе осуществлен сопоставительный анализ воздействующего потенциала лексического, синтаксического и лексико-синтаксического повторов в публичных выступлениях современных американских и российских политиков. Проведенное исследование позволяет утверждать, что в устном политическом дискурсе используется широкий арсенал разноуровневых и разноструктурных повторов, что обусловлено прагматическими установками данного вида коммуникации, в частности его ориентацией на эмотивное воздействие на адресата и на манипуляцию его сознанием.

В сопоставляемых языках наибольшей частотностью характеризуются лексический, синтаксический и лексико-синтаксический повторы. При этом установлено, что в русскоязычной политической коммуникации доминируют лексические повторы (самые простые и лаконичные по своей структуре), тогда как в англоязычном политическом дискурсе преобладают лексико-синтаксические повторы, а лексические повторы имеют более сложную структурную организацию. Данный факт позволяет сделать вывод, что русскоязычная политическая коммуникация тяготеет к упрощению синтаксической структуры высказываний, поскольку нацелена на реализацию в первую очередь информативно-выделительной (акцентирование внимания на важной информации) и уточняющей функций. Англоязычная политическая коммуникация имеет более пафосный, театрализованный характер и ставит перед собой задачу не просто проинформировать о событии, а дать ему оценку, более глубоко проанализировать проблемную ситуацию, что влечет за собой усложнение синтаксических структур.

В структуре лексических повторов в английском и русском языках обнаружены типологические различия. В русскоязычной политической коммуникации в силу высокой степени синтетичности русского языка широко распространены полиптотоны. В аналитическом английском языке такие виды повторов отсутствуют.

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем изучении коммуникативных и стилистических функций повторов в различных жанрах политического дискурса на материале двух и более языков.

Список источников

1. Аристотель. Риторика / пер. с др.-греч. Н. Н. Платоновой. — М. : АСТ, 2019. — 352 с.
2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). — М. : Просвещение, 1990. — 300 с.
3. Афанасенко Е. В. Семантический повтор в политическом дискурсе: на материале русского и английского языков : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19. — Саратов, 2006. — 265 с.
4. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирическое исследование языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М. : Прогресс, 1987. — С. 88–125.
5. Вечер с Владимиром Соловьевым : ток-шоу // Смотрим : сайт. — URL : https://smotrim.ru/brand/21385 (дата обращения: 21.01.2023).
6. Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка. — М. : Астрель : АСТ, 2003. — 445 с.

7. Выступление В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года // Официальный сайт Президента России. — URL : http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения: 19.01.2023).

8. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. — 2002. — № 3. — С. 32–43.

9. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 1999. — 284 с.

10. Карпухина Т. П. Морфемный повтор в художественном тексте в свете общеэстетической теории игры. — Хабаровск : Дальневосточный гос. гуманитарный ун-т, 2006. — 391 с.

11. Лиллекер Даррен Дж. Политическая коммуникация. Ключевые концепты / пер. с англ. С. И. Остенек. — Харьков : Гуманитарный центр, 2010. — 300 с.

12. Интервью Д. Медведева РИА Новости и телеканалу RT // РИА Новости. — 2022, 26 марта. — URL : https://ria.ru/20220326/medvedev-1780208448.html (дата обращения 21.01.2023).

13. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. — М. : ЛИБРОКОМ, 2009. — 256 с.

14. Москвин В. П. Типология повторов как стилистической фигуры // Русский язык в школе. — 2000. — № 5. — С. 81–85.

15. Никашина Н. В., Попова А. О. Типология повторов в политических выступлениях Маргарет Тэтчер // Вестник РУДН. Сер. «Теория языка. Семиотика. Семантика». — 2015. — № 4. — С. 202–207.

16. Обращение Президента Российской Федерации 30 сентября 2022 года // Официальный сайт Президента России. — URL : http://www.kremlin.ru/events/president/ transcripts/speeches/69465 (дата обращения: 21.01.2023).

17. Паршина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / под ред. О. Б. Сиротининой. — М. : URSS, 2007. — 227 с.

18. Симонян А. А. Лексический повтор в свете теории политического дискурса // Известия высших учебных заведений Северо-кавказский регион. Сер. «Общественные науки». — 2005. — № 7. — С. 104–111.

19. Словарь по риторике, языкознанию и эффективному общению. — URL : https://didacts.ru/slovari/slovar-po-ritorike-jazykoznaniyu-i-effektivnomu-obscheniyu.html (дата обращения: 20.01.2022).

20. Чудинов А. П. Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2020. — Вып. 3 (81). — 266 с.

21. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004. — 324 с.

22. 60 минут : ток-шоу // Смотрим : сайт. — URL : https://smotrim.ru/video/ 2574296 (дата обращения: 21.01.2023).

23. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / отв. ред. В. М. Карев, М. Н. Хитров. — М. : Большая рос. энцикл., 1994. — URL : https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com (дата обращения: 27.01.2023).

24. Barack Obama. South Carolina Democratic Primary Victory Speech, 26 January 2008 // American Rhetoric: Online Speech Bank. — URL : https://www.americanrhetoric.com/ speeches/barackobama/barackobama southcarolinavictory.htm (дата обращения: 20.01.2023).

25. Coseriu E. Lenguaje y politica // El lenguaje politico / ed. M. Alvar. — Madrid : Fundacion Friedrich Ebert, Instituto de Cooperacion Iberoamericana, 1987. — Pp. 9–31.

26. Donald Trump campaign speech in Wisconsin // Politico. — 2016, Aug. 17. — URL : https://www.politico.com/story/2016/08/full-text-donald-trumps-speech-on-227095 (дата обращения: 21.01.2023).

27. Edelman M. Political Language: Words that Succeed and Policies that Fail. — N. Y. : Academic Press, 1977. — 184 p.

28. Joe Biden's victory speech, annotated // The Washington Post. — 2020, Nov. 7. — URL : https://www.washingtonpost.com/politics/2020/11/07/annotated-biden-victory-speech/ (дата обращения: 21.01.2023).

29. President Barack in his own words. Selected speeches. — URL : https://americancenterjapan.com/wp/wp-content/uploads/2015/11/obama_speech.pdf (дата обращения: 18.01.2023).

30. The Daily Show with Trevor Noah. — 2020, Oct. 13. — URL : https://www.cc.com/episodes/gpuxpn/the-daily-show-with-trevor-noah-october-13-2020-anita-hill-season-26-ep-9 (дата обращения: 21.01.2023).

31. The McLaughlin Group Halloween Cold Open (ft. John McLaughlin) // SNL. — 2017, Oct. 21. — URL : https://www.socialnews.xyz/2017/10/21/the-mclaughlin-group-halloween-cold-open-ft-john-mclaughlin-snl/ (дата обращения: 18.01.2023).

References

1. Aristotel'. *Ritorika* [The Rhetoric]. Transl. from ancient Greek N. N. Platonovoi. Moscow, AST Publ., 2019, 352 p. (In Russian).

2. Arnol'd I. V. *Stilistika sovremennogo angliiskogo yazyka (ctilistika dekodirovaniya)* [Stylistics of Modern English. Decoding Stylistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ, 300 p. (In Russian).

3. Afanasenko E. V. *Semanticheskii povtor v politicheskom diskurse: na materiale russkogo i angliiskogo yazykov* [Semantic repetition in political discourse: based on the material of the Russian and English languages]. Abstract of Ph. D. thesis, 10.02.19. Saratov, 2006, 15 p. (In Russian).

4. Blakar R. M. Language as an Instrument of Social Power (a theoretical and empirical study of language and its use in social contexts). *Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviya* [Language and the Modeling of Social Interaction]. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 88–125. (In Russian).

5. Evening with Vladimir Solovyov: Talk show. *Smotrim* [Looking]. Available at: https://smotrim.ru/brand/21385 (accessed 21.01.2023). (In Russian).

6. Vvedenskaya L. A. *Slovar' antonimov russkogo yazyka* [Dictionary of antonyms of the Russian language]. Moscow, Astrel` Publ., AST Publ., 2003, 445 p. (In Russian).

7. Vladimir Putin's speech at the Munich Conference on Security Policy February 10, 2007. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii* [President's of Russia official website]. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (accessed 19.01.2023). (In Russian).

8. Dem'yankov V. Z. Political Discourse as a Subject of Political Science Philology. *Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: Istoriya i sovremennye issledovaniya* [Political Science. Political Discourse: History and Contemporary Studies]. 2002, no. 3, pp. 32–43. (In Russian).

9. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Omsk, Omsk State University Publ., 1999, 284 p. (In Russian).

10. Karpukhina T. P. *Morfemnyi povtor v khudozhestvennom tekste v svete obshcheehsteticheskoi teorii igry* [Morphemic repetition in a fiction text in the light of the general aesthetic theory of play]. Khabarovsk, Far Eastern State University of Humanities Publ., 2006, 391 p. (In Russian).

11. Lilleker G. Darren. *Politicheskaya kommunikatsiya. Klyuchevye kontsepty* [Political Communication. Key Concepts]. Transl. from Engl. S. I. Ostenek. Kharkov, Humanitarian Center Publ., 2010, 300 p. (In Russian).

12. Dmitry Medvedev's interview with RIA News and TV channel RT. *RIA Novosti* [RIA News]. 2022, March 26. Available at: https://ria.ru/20220326/medvedev-1780208448.html (accessed 21.01.2023). (In Russian).

13. Mikhaleva O. L. *Politicheskii diskurs. Spetsifika manipulyativnogo vozdeistviya.* [Political discourse. Specifics of manipulative influence]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009, 256 p. (In Russian).

14. Moskvin V. P. Typology of repetitions as a stylistic figure. *Russkii yazyk v shkole* [Russian language in school]. 2000, no. 5, pp. 81–85. (In Russian).

15. Nikashina N. V., Popova A. O. Typology of repetitions in Margaret Thatcher's political speeches. *Vestnik RUDN. Seriya Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Bulletin, Theory of language, Semiotics, Semantics]. 2015, no. 4, pp. 202–207. (In Russian).

16. Address by the President of the Russian Federation, September 30, 2022. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii* [President's of Russia official website.]. Available at: http://www.kremlin.ru/events/ president/transcripts/speeches/69465 (accessed 21.01.2023). (In Russian).

17. Parshina O. N. *Rossiiskaya politicheskaya rech': teoriya i praktika* [Russian Political Speech: Theory and Practice]. O. B. Sirotininoi (ed.). Moscow, URSS Publ., 2007, 227 p. (In Russian).

18. Simonyan A. A. Lexical repetition in the light of the theory of political discourse. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-kavkazskii region. Seriya "Obshchestvennye nauki"* [News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Series Social Sciences]. 2005, no. 7, pp. 104–111. (In Russian).

19. *Slovar' po ritorike yazykoznaniyu i ehffektivnomu obshcheniyu* [Dictionary of rhetoric linguistics and effective communication]. Available at: https://didacts.ru/slovari/slovar-po-ritorike-jazykoznaniyu-i-effektivnomu-obscheniyu.html (accessed 20.01.2022). (In Russian).

20. Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. A. P. Chudinov (ed.). Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2020, Iss. 3 (81), 266 p. (In Russian).

21. Sheigal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004, 324 p. (In Russian).

22. 60 minutes: Talk show. *Smotrim* [Looking]. Available at: https://smotrim.ru/ video/2574296 (accessed 21.01.2023). (In Russian).

23. *Ehntsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. V. M. Karev, M. N. Khitrov (ed.). Moscow, The Great Russian Encyclopedia, 1994. Available at: https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com (accessed 27.01.2023). (In Russian).

24. Barack Obama. South Carolina Democratic Primary Victory Speech, 26 January 2008. *American Rhetoric: Online Speech Bank*. Available at: https://www.americanrhetoric.com/ speeches/barackobama/barackobama southcarolinavictory.htm (accessed 20.01.2023).

25. Coseriu E. Lenguaje y politica. M. Alvar ed. El lenguaje politico. Madrid, Fundacion Friedrich Ebert, Instituto de Cooperacion Iberoamericana, 1987, pp. 9–31.

26. Donald Trump campaign speech in Wisconsin. *Politico*. 2016, Aug. 17. Available at: https://www.politico.com/story/2016/08/full-text-donald-trumps-speech-on-227095 (accessed 21.01.2023).

27. Edelman M. Political Language: Words that Succeed and Policies that Fail. N. Y., Academic Press, 1977, 184 p.

28. Joe Biden's victory speech, annotated. *The Washington Post*. 2020, Nov. 7. Available at: https://www.washingtonpost.com/politics/2020/11/07/annotated-biden-victory-speech/ (accessed 21.01.2023).

29. President Barack in his own words. Selected speeches. Available at: https://americancenterjapan.com/wp/wp-content/uploads/2015/11/obama_speech.pdf (accessed 18.01.2023).

30. The Daily Show with Trevor Noah. 2020, Oct. 13. Available at: https://www.cc.com/episodes/gpuxpn/the-daily-show-with-trevor-noah-october-13-2020-anita-hill-season-26-ep-9 (accessed 21.01.2023).

31. The McLaughlin Group Halloween Cold Open (ft. John McLaughlin). SNL. 2017, Oct. 21. Available at: https://www.socialnews.xyz/2017/10/21/the-mclaughlin-group-halloween-cold-open-ft-john-mclaughlin-snl/ (accessed 18.01.2023).

Информация об авторе

Ветрова Эльвира Сабировна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода Донецкого национального университета.

Information about the author

Vetrova, Elvira — doctor of philology, associate professor, professor at the Department of Translation Theory and Practice, Donetsk National University.

Статья поступила в редакцию 27.01.2023;
одобрена после рецензирования 03.02.2023;
принята к публикации 03.02.2023.

Submitted 27.01.2023;
approved after reviewing 03.02.2023;
accepted for publication 03.02.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 16–28.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;1(64):16–28.

Научная статья
УДК 81.139 + 372.881.1
DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.002

Методические рекомендации по профилактике наиболее частотных ошибок у обучающихся в письменных заданиях с развернутым ответом ЕГЭ по китайскому языку

Анастасия Алексеевна Запруднова
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия;
Шанхайский университете иностранных языков, Шанхай, Китайская народная республика (КНР)
mrs.zaprudnova@gmail.com

Аннотация. На основе анализа официальных статистических данных Федерального института педагогических измерений в исследовании устанавливается взаимосвязь низких результатов выполнения заданий раздела «Письменная речь» со средним баллом экзаменуемых в работах ЕГЭ по китайскому языку. С целью выявления наиболее типичных ошибок, которые допускают абитуриенты в этом типе заданий, был проведен системный анализ 20 письменных работ контрольной группы учащихся 9–11-х классов различных школ города Рязани. В качестве основных методов исследования были использованы теория анализа ошибок, а также метод таксономии для создания расширенной классификации выявленных ошибок. На основе проведенного анализа предлагаются конкретные методические рекомендации и упражнения по профилактике наиболее частотных ошибок в заданиях с развернутым ответом раздела «Письменная речь» ЕГЭ по китайскому языку.

Ключевые слова: ЕГЭ, китайский язык, письменная речь, теория анализа ошибок.

Для цитирования: Запруднова А. А. Методические рекомендации по профилактике наиболее частотных ошибок у обучающихся в заданиях с развернутым ответом ЕГЭ по китайскому языку // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 16–28. DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.002.

Original article

Methodological recommendations for the prevention of the most frequent errors in writing tasks of Russia's Unified State Exam in Chinese

Anastasiia A. Zaprudnova
Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia;
Shanghai International Studies University, Shanghai, People's Republic of China
mrs.zaprudnova@gmail.com

Abstract. Based on the analysis of the official statistics of Federal Institute of Pedagogical Measurements (Russia), the study establishes a relationship between low results in the writing tasks and the average score of examinees of Russia's Unified State Exam in Chinese. In order to identify the most typical mistakes that learners make in this type of tasks, an error analysis of 20 written samples prepared by 9–11th grade pupils from Ryazan schools was carried out. Error Analysis and the taxonomy method serve as major research methods, which enabled the author to compile an extended classification of identified errors. On the basis of the above-mentioned analysis, focused methodological recommendations and specific tasks were proposed for the prevention of the most frequent errors in writing tasks of the Unified State Examination in Chinese.

Keywords: Russia's Unified State Exam, Chinese language, writing task, error analysis.

For citation: Zaprudnova A. A. Methodological recommendations for the prevention of the most frequent errors in writing tasks of Russia's Unified State Exam in Chinese. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 1(64):16–28. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.002.

Введение

В настоящее время Единый государственный экзамен (ЕГЭ) является важнейшей формой государственной итоговой аттестации выпускников средних общеобразовательных учреждений в России и представляет собой основное средство оценивания знаний абитуриентов на соответствие требованиям Федерального государственного образовательного стандарта.

© Запруднова А. А., 2023

С 2018 года в список предметов по выбору добавлен китайский язык, который стал пятым в списке иностранных языков после английского, немецкого, французского и испанского. Такой шаг был воспринят многими как логичное и обоснованное следствие развития российско-китайских отношений и сотрудничества во многих областях, ведь с каждым годом количество желающих изучать и уже изучающих китайский язык неизменно возрастает.

В 2020 году количество абитуриентов, зарегистрировавшихся для сдачи ЕГЭ по китайскому языку, впервые превысило количество заявок на испанский язык. В 2021 и 2022 годах эта тенденция сохранилась (рис. 1). Нет сомнений в том, что количество желающих сдавать ЕГЭ по китайскому языку будет увеличиваться с каждым годом, так как количество школьников, изучающих китайский язык, продолжает расти.

Рис. 1. Количество участников ЕГЭ по китайскому и испанскому языкам в 2021 и 2022 годах

Структура Единого государственного экзамена по китайскому языку состоит из письменной и устной части. Письменная часть, в свою очередь, включает четыре раздела: «Аудирование», «Чтение», «Грамматика, лексика и иероглифика» и «Письменная речь».

Максимальный первичный балл составляет 60 баллов в письменной и 20 баллов в устной части. Общий первичный балл переводится в 100-балльную систему путем умножения на коэффициент 1,25.

Распределение баллов по разделам экзаменационной работы выглядит таким образом, что задания с развернутым ответом (разделы «Письменная речь» и «Говорение») в общей сложности составляют 50 % от максимального первичного балла, а это значит, что успешное выполнение заданий с развернутым ответом является залогом успеха и определяющим показателем в итоговом тестовом балле экзаменуемого (табл. 1).

Таблица 1

Распределение баллов по разделам экзаменационной работы

№ п/п	Раздел работы	Количество заданий	Максимальный первичный балл	Процент максимального первичного балла за выполнение заданий данного раздела от максимального первичного балла за всю работу, равного 80	Тип заданий
1	Аудирование	9	14	17,5	Задания с кратким ответом
2	Чтение	5	13	16,25	
3	Грамматика, лексика и иероглифика	13	13	16,25	
4	Письменная речь	2	20	25	Задания с развернутым ответом
5	Говорение	3	20	25	
Итого		32	80	100	

Содержательный анализ результатов ЕГЭ по китайскому языку за 2022 год, опубликованных Федеральным институтом педагогических измерений, показывает, что именно ответы на задания разделов «Письменная речь» и «Говорение», то есть задания с максимальной стоимостью, дают самые низкие результаты (рис. 2).

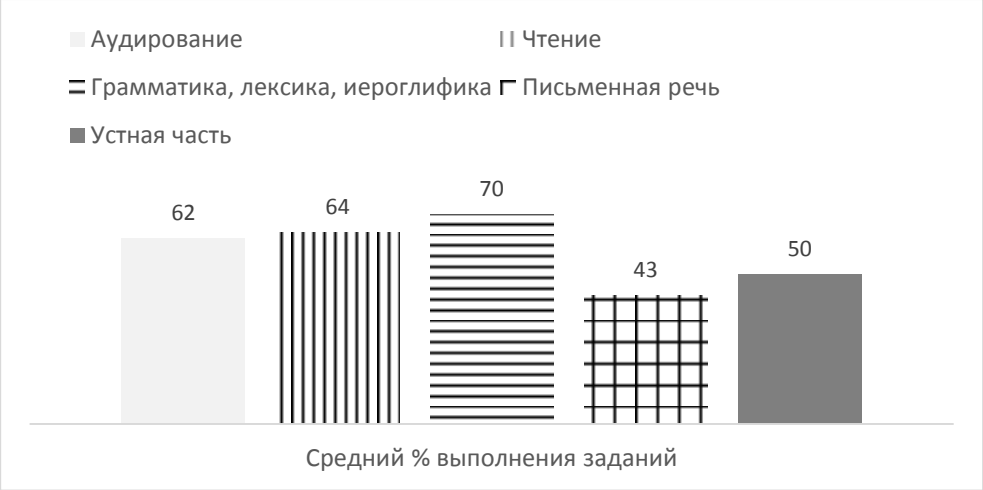
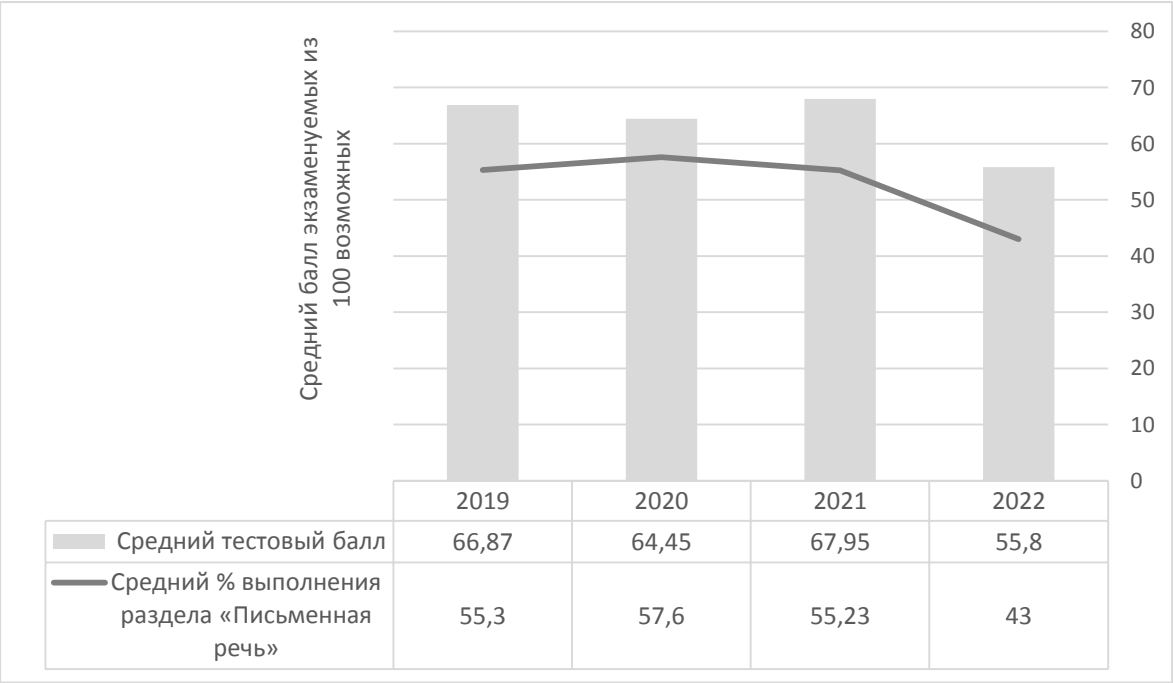


Рис. 2. Средние результаты выполнения заданий
по разделам экзаменационной работы по китайскому языку

Согласно данным Федерального института педагогических измерений за 2019–2022 годы, наибольшие проблемы у экзаменуемых наблюдаются именно в разделе «Письменная речь» (рис. 3), что обусловливает необходимость выявления и системного анализа типичных ошибок, которые допускают учащиеся в этом типе заданий, а также разработки эффективных упражнений для предотвращения ошибок в процессе обучения [Вербицкая, Махмурян, 2019 ; Вербицкая, Махмурян, Трешина, 2020 ; Вербицкая, Махмурян, Бажанов [и др.], 2022].



	2019	2020	2021	2022
Средний тестовый балл	66,87	64,45	67,95	55,8
Средний % выполнения раздела «Письменная речь»	55,3	57,6	55,23	43

Рис. 3. Зависимость среднего балла экзаменуемых за экзамен
от % выполнения раздела «Письменная речь» в 2019–2022 годах

Основная часть

Анализ типов и частотности ошибок в разделе «Письменная речь»

Рассмотрим структуру раздела «Письменная речь» и возможные причины возникновения затруднений. Данный раздел состоит из двух заданий. Согласно изменениям 2022 года, в первом задании необходимо написать электронное письмо личного характера в ответ на представленный фрагмент письма-стимула от китайского друга. Обязательный объем продуцируемого письменного текста — 150–190 знаков (включая иероглифические и пунктуационные знаки). Тексты недостаточного объема, а также часть текста, превышающая требуемый объем, не оцениваются. Письменное высказывание экзаменуемого должно содержать ответы на представленные в задании-стимуле вопросы (например, «какая зима в России? какими видами спорта занимаются россияне зимой? как россияне проводят досуг зимой?»), а также соответствовать правилам написания личного письма. Кроме того, экзаменуемый должен задать своему «другу по переписке» три вопроса на указанную тему (в демо-материалах 2022 года — о приближающемся дне рождения друга). Максимальный первичный балл — 8. При оценке учитывается, насколько полно раскрыты все аспекты задания, логичность и организационная структура, лексико-грамматические и иероглифические ошибки.

Во втором задании экзаменующиеся должны написать эссе в виде аргументированного высказывания по поставленному вопросу/проблеме (например, «зачем люди изучают иностранные языки?»). При ответе необходимо придерживаться плана и указать три причины. Объем ответа — 160–200 знаков (иероглифических, пунктуационных). Как и в предыдущем задании, отклонение составляет 10 %. Максимальный первичный балл — 12. При оценке эссе учитываются те же аспекты, что и при оценке личного письма.

С целью выявления наиболее типичных ошибок, которые допускают учащиеся в заданиях с развернутым ответом раздела «Письменная речь», был осуществлен системный анализ сплошной выборки 20 вариантов письменных работ контрольной группы рязанских учащихся школ № 2, 14, 52 и др., которая выполняла задания раздела «Письменная речь» на основе материалов открытого банка заданий Федерального института педагогических измерений.

Этапы анализа в основном продиктованы методологией, предложенной в пособии С. Кордера «Введение в прикладную лингвистику» (хотя и не ограничиваются ею), а именно: 1) сбор письменных высказываний; 2) идентификация ошибок; 3) описание ошибок; 4) выявление возможных причин и значимости ошибок; 5) корректирующая обратная связь в виде конкретных методических рекомендаций [Кордер, 1973]. Этап 3 нашего исследования был дополнен таксономическим и количественным методами исследования с целью составления расширенной классификации ошибок в рассматриваемых нами типах заданий и установления степени их регулярности в работах учащихся.

В ходе анализа собранных образцов было установлено, что ошибки, которые допускались обучающимися при выполнении этого типа заданий, можно разделить на две группы: 1) ошибки, связанные с несоблюдением формальных требований к оформлению письменных текстов, или ошибки дискурса, и 2) языковые ошибки, в том числе грамматические, лексические и иероглифические. С точки зрения структуры языковые ошибки были далее классифицированы на: а) опущение; б) добавление; в) замену; г) неверное расположение элементов, или смещение. Подробные данные приведены в таблицах 2 и 3.

Несмотря на то, что количество языковых ошибок значительно превышает количество ошибок дискурса, на последние все же приходится более 26 % от общего количества выявленных недостатков.

Так, незнание конкретных требований к оформлению письма личного характера приводит к значительному снижению баллов по критериям «Решение коммуникативной задачи» и «Организация высказывания», на которые приходится половина первичной оценки, а именно 4 балла из 8 первичных. Наиболее частотными в этой группе оказались следующие ошибки: отсутствие обязательных формул вежливости китайского письма или их некорректное оформление (несоблюдение правил написания обращения и приветствия на отдельных строках: копируется русскоязычная модель «Привет, дорогой друг!», согласно которой обращение и приветствие пишутся на одной строке, а не на разных; отсутствие пожелания или объединение его с завершающей фразой в единый абзац и др.); наличие даты (в связи с изменением формата письменного высказывания наличие даты в электронном письме признается логической ошибкой); нарушение правил оформления красной строки (ее отсутствие или отступ в одну клетку вместо двух клеток). Отдельную группу составляет незначительное количество ошибок по невыполнению требований самого задания: происходит подмена ответа на поставленный вопрос фразой «Я не знаю» (我不知道，……) или задается вопрос, не связанный с предложенной темой (например, в задании “问她三个和生日有关的问题” учащийся задает вопрос “你有没有多衬衫？”, и т. п.).

Таблица 2

Языковые ошибки

Тип ошибки 错误类别	Вид ошибки 错误类型	Кол-во ошибок 数量 (%)	Примеры 例子			
			Опущение 省略	Добавление 多余	Замена 替换	Смещение 位置错误
1	2	3	4	5	6	7
Грамматика 语法	Копирование порядка слов родного языка 母语的词序	19 (11 %)	我很高兴 你的回答。	我跟我爸爸也跟我妈妈一起过新年。	我也有给 你三个问题。	你想过你的生日在哪儿？
	Глаголы наличия и связки, конструкция “是……的” “是”字句 、 “有”字句 、 “是……的”句	12 (7 %)	这比较难的问题。	如果人们会说一些语言，就这是帮助他们发展很多。	你的生日几月几日到？	我们一起是在家过年的。
	Счетные слова 量词	9 (5,2 %)	-	这个人 вместо 这样的人	一份回信	写新一封信
	Видо-временные суффиксы “了、着、过” 动态助词 “了、着、过”	8 (4,6 %)	我给妈妈送手机，给爸爸送汽车配件。 (描述完成的动作)	我非常高兴收到你的信了。	我长大了时候 ……	想一想了
	Частица “的” с прилагательными “的”字形容词短语	5 (2,9 %)	俄罗斯冬天	很多工作的机会	-	-
	Использование глагольных комплементов 补语用法	3 (1,7 %)	现在才找时间给你写……	-	-	-
	Местоимения 代词	3 (1,7 %)	-	你打算怎么样过你的生日？	你的生日什么月什么日？	-
	Субъектно-предикативная связь 主谓关系 多涂谓动	2 (1,2 %)	你有没有辅导人准备考试？	如果请来别的人去饭馆 你有没有辅导人准备考试？	-	-
	Модальные глаголы 能愿动词	1 (0,6 %)	-	-	你让不让我来你的生日晚会？	-
	Союзы 连词	1 (0,6 %)	-	-	我看你的问题和回答。 вместо 我要回答你的问题。	-
	Соединительно-разделительные глагольно-объектные конструкции 离合词	1 (0,6 %)	喜欢喝，看电影	-	-	-
	Тип предложения 语气助词“吗、呢、吧”等	1 (0,6 %)	有时间，你给我写非常多电子信（吧）。	-	-	-

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7
Лексика 词汇	Слова с близким значением 近义词	11 (6,4 %)	我近学习很忙。（近 вместо 最近）	多亏知道汉语（вместо 多亏汉语）	有时候，多联系！（时候 вместо 时间）我很喜欢旅行，不过有很少可能性。（可能性 вместо 机会）	给你写回电子（回电子 вместо 电子回信）
	Нарушение сло-восочетаемости 词汇搭配	6 (3,5 %)	来（参加）你的生日	–	如果请别的人去饭馆，那你要算帐。（算帐 вместо 付账/买单）	–
Иероглифика 文字	Ошибки в составных элементах (ключ, фонетик) 偏旁错误	15 (8,7 %)	啡非 вместо 咖啡	一 寔 вместо 一定	猺 вместо 馆	–
	Написание черт 笔画错误	14 (8,1 %)	滑冰 вместо 滑冰	忄亡 вместо 忙	非(学) вместо 非常	–
	Иероглифы со схожим написанием 形似错误	9 (5,3 %)	天汽	对不走	会贝	–
	Иероглифы со схожим прочтением (омонимы) 音近错误	2 (1,2 %)	–	–	滑学	–
Пунк-туация 标点符号	标点缺失；标点写法 ；标点功能；标点位置等	6 (3,5 %)	我想告诉人们为什么学汉语。	–	顿号写法	–
Итого 总数		127 (73,8 %)				

Таблица 3

Ошибки дискурса

错误类别	错误类型	数量	错误例子
Организация текста 写作格式	Формулы вежливости 敬辞	13 (7,6 %)	отсутствие приветствия (问候语缺失); обращение и приветствие на разных строках (呼语和问候语之间没有另起一行); отсутствие пожелания (祝福语缺失); пожелание на отдельной строке (正文和祝福语之间没有另起一行);
	Указание даты 日期	9 (5,2 %)	наличие даты в электронном письме считается ошибкой в организации текста (写E-mail不要写日期)
	Красная строка и деление на абзацы 段落划分	8 (4,7 %)	отсутствие красной строки в 2 клетки (没空两格); отсутствие деления на абзацы (没划分为段落);
	Несоблюдение объема 字数不合格	4 (2,3 %)	недостаточный объем (字数不足); избыточный объем (字数超多);
Структура высказывания 写作结构	Причины, связанные с аргументацией 理由与论据	4 (2,3 %)	менее 3 причин (理由少于三个); отсутствие аргументов (论据缺失);
	Логика 逻辑	4 (2,3 %)	повтор предложений (句子的重复); неопределенная позиция автора (作者的意见模糊); ошибки в средствах связности (衔接错误);
	Введение/вывод 引言与结论	3 (1,7 %)	во введении не сформулирована тема (引言里没有陈述题目); отсутствие вывода (结论缺失); не выражена точка зрения автора (结论里没表达作者的意见).
Итого 总数		45 (26 %)	

При выполнении второго задания — эссе «Мое мнение» — также допускались серьезные ошибки в оформлении письменного высказывания, такие как: отсутствие красной строки; вынос отдельного предложения в самостоятельный абзац (в отличие от предыдущего задания этого раздела, здесь не допускается, чтобы абзац состоял из одного предложения); нечеткое обоснование приведенной причины (чаще всего вызванное объединением причины и аргументации в одно предложение); отсутствие формальных показателей субъективного мнения (не используются фразы типа “我觉得”, “我认为”, “在我看来” и т. п., что рассматривается как несоблюдение требования выражения собственного мнения); отсутствие вывода из-за превышения указанного объема письменного высказывания; отсутствие вступления, вызванное непродуктивным характером постановки проблемы и, как следствие, текстуальным совпадением (от учащегося требуется не просто переписать, а полностью перефразировать вопрос из задания) и др.

Языковые ошибки, как было сказано выше, являются самой многочисленной группой и включают в себя грамматические, лексические и иероглифические ошибки. Рассмотрим каждую подгруппу подробнее.

Самой многочисленной оказалась группа грамматических ошибок, большая часть которых обусловлена отрицательным переносом родного языка. Здесь наблюдаются:

а) нарушение порядка слов (например, 你想过你的生日**在哪儿**; 我**只**现在能回答你的问题);

б) ошибки в употреблении глаголов наличия и связки, а также конструкции “是……的” (например, 这（**是**）比较难的问题, 这是很（**有**）意思（**的**）, 你的生日几月几日**到** вместо 你的生日**是**几月几日);

в) ошибки в употреблении счетных слов (например, 一**份**回信 вместо 一**封**回信);

г) неправильное использование видо-временных суффиксов “了、着、过” (например, 我想一想**了**; 我长大**了**时候);

д) нарушение в использовании частицы “**的**” с прилагательными (например, 富裕（**的**）国家, 很多工作**的**机会);

е) опущение или неправильное использование комплементов результативных глаголов (например, 现在才**找**（**到**）时间给你写一封回信);

ж) ошибки в использовании вопросительных местоимений (например, 你的生日**什么**月**什么**日?).

Лексические ошибки немногочисленны и представлены в основном двумя видами:

а) неверное употребление близких по значению слов (например, 有**时候**, 多联系 вместо 有时间; или 我很喜欢旅行, 不过有很少**可能性** вместо 机会);

б) нарушение слово-сочетаемости (например, 现在中国是**透视**和富裕国 вместо **有前途的**和富裕的国家).

В третью подгруппу объединены иероглифические и пунктуационные ошибки. Иероглифические ошибки включают в себя:

а) ошибки в составных элементах (ключ, фонетик). Здесь наблюдается как добавление (一宴 вместо 一定) или опущение (啡非 вместо 咖啡), так и подмена элементов иероглифа (например, написание полного варианта手 вместо сокращенного 扌 в иероглифе 我, то есть 找);

б) нарушение написания основных черт иероглифа (丙 вместо 雨);

в) подмена иероглифа другим, имеющим схожее начертание (например, 天**汽** вместо 天气, 滑**雨** вместо 滑雪, **复**天 вместо 夏天, 对不**走** вместо 对不起, **新**爱的朋友 вместо 亲爱的朋友, **与**信 вместо 写信, 有时**问** вместо 有时间);

г) подмена иероглифа другим, имеющим схожее произношение (например, 滑**学** вместо 滑雪).

Идентифицированные пунктуационные ошибки в анализируемых работах не носят системного характера и составляют лишь 3,5 %, что позволяет сделать вывод о том, что они вызваны невнимательностью учащихся. То есть, согласно классификации С. Кордера, они не могут считаться показателями несформированности навыка, а представляют собой лишь так называемые «ошибки исполнения» (errors of performance) [Кордер, 1967]. Так, в небольшом количестве работ отсутствуют точки в конце предложений, пропущены или неверно написаны запятые, в том числе каплевидные запятые (顿号).

Вышеприведенное исследование показало, что самыми многочисленными являются ошибки грамматического и иероглифического плана. Иероглифика, естественно, представляет определенную сложность для русскоговорящих школьников, так как это принципиально отличная от алфавитной система письма. Грамматические ошибки в значительной степени обусловлены отрицательным переносом родного языка. Так, обучающиеся часто копируют структуры родного языка, пытаясь дословно перевести русское предложение. Нижеприведенные примеры ярко иллюстрируют это утверждение: 1) «Необходимо

до заказа еды поговорить об этом» — “需要点菜前**说关于这个**”; 2) «У меня тоже есть к тебе три вопроса» — “我也有**给你三个问题**”; 3) «Я очень рад твоему ответу» — “我很高兴你的回答”. Кроме того, частотными оказываются ошибки в грамматических явлениях, отсутствующих в родном языке, таких как употребление глаголов-связок, счетных слов и пр.

Методические рекомендации по предупреждению ошибок

На основе вышеприведенного анализа были разработаны методические рекомендации в виде конкретных типов упражнений, которые представлены ниже.

Для отработки и автоматизации умения составлять предложения с порядком слов согласно китайской языковой норме могут использоваться следующие типы заданий:

Составьте грамматически верные предложения из нижеприведенных слов.
面包 一个 商店 只 里 有 想好 什么 还没 要 吃 我 一口 我 今天 也 水 没喝

Как бы это сказал китаец? Переставьте слова в русских предложениях согласно китайскому порядку слов. Переведите.
1) Мы встретились вчера в кино. 2) Я могу остаться только на 15 минут. 3) Пожалуйста, позвони мне. 4) Это вещь, которую я купила в супермаркете на прошлой неделе.

Первое упражнение подойдет в качестве первой ступени практической отработки нововведенного лексического и (или) грамматического материала, второе же скорее подходит для закрепления уже сформированного, но еще недостаточно уверенного навыка. Его преимущество состоит в опорах для учебного перевода, которые учащиеся должны сформулировать самостоятельно, изменив порядок слов в предложениях на родном языке. К тому же это задание уже имеет псевдо-коммуникативную формулировку, напоминая учащимся, что они должны не только постоянно проникать в структуру неродного языка, но «думать по-китайски».

Счетные слова, как было отмечено выше, относятся к грамматическим явлениям, отсутствующим в русском языке, поэтому процесс формирования навыка их использования требует особого внимания как обучающихся, так и преподавателя. В частности, на этапе презентации материала можно предлагать обучающимся самостоятельно вывести правило или закономерность на основе принципа наглядности, как в группе упражнений ниже.

Найдите и назовите общий признак для следующей группы предметов.				
茶壶	刀子	勺子	叉子	椅子
Найдите похожие по форме предметы. Подберите названия для выделенных групп.				
蛇	照片	名片	河	领带

桌子	腰带	地图	鱼	裙子
Мы говорим «одна бутылка воды», «две чашки кофе». В китайском языке счетные слова типа «бутылка», «чашка» являются обязательными при указании определенного количества всех существительных. Подумайте, какое слово подошло бы для счета предметов из вышеприведенных групп: а) веточка; б) полоска; в) лист; г) рукоятка; д) кусок, и др.				

Далее отработку использования счетных слов можно продолжить при помощи подстановочных таблиц. Подобные упражнения, с одной стороны, носят условно-коммуникативный характер, и с другой — автоматизируют тренируемый навык, предупреждая возможные ошибки в пропуске или смещении обязательных элементов китайского предложения.

Расскажите товарищам о том, что у Вас есть, а чего нет: 我没有两只猫。我只有一只猫。Используйте данные из таблицы и добавьте свои варианты.					
我	没 只	有	一 两 三 …… 几 这	个 支 本 条 把 张 只 ……	包 裤子 猫 中国朋友 椅子 汉语书 笔 金鱼 照片 ……

Еще одной частотной ошибкой, как показал количественный анализ, является неверное использование глагола-связки и структуры “是……的”. Для отработки этого навыка могут использоваться упражнения с трансформационными моделями по типу:

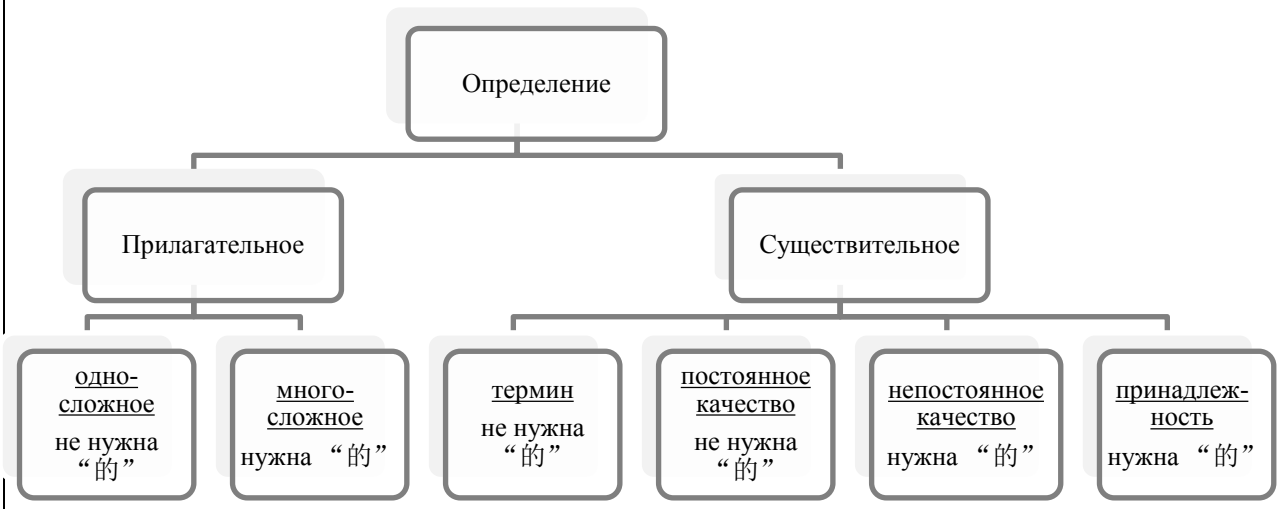
Переделайте предложения с качественным сказуемым в предложения с конструкцией “是……的”。	
电影有意思。 机票贵。 旗袍很长。 汉语书很难。 ……	电影**是**有意思**的**。 ……
Добавьте к описываемым существительным указательное местоимение со счетным словом, чтобы уточнить, о каком именно предмете идет речь: **这部**电影是有意思的。Отразите разницу значений исходного и трансформированного предложений в переводе, например: «Вообще, фильмы интересны». — «Этот фильм интересный».	

Как видно из последовательности вышеприведенных заданий, мы усложняем вышеприведенное упражнение, предлагая обучающимся в качестве следующей ступени использовать в своих ответах счетные слова с указательными местоимениями, при этом не нарушая принцип градации сложностей.

Принцип наглядности в сочетании с принципом систематизации знаний может служить в качестве опоры в заданиях на отработку использования частицы “的” в определениях — еще одного грамматического явления, отсутствующего в родном языке обучающихся.

На основе схемы определите, где необходима частица “的” между определением и определяемым существительным, а где она не нужна：

中国__贸易、好__人、漂亮__姑娘、爸爸__手表、中国__茶、妈妈__项链、绿__香蕉、很长__路、聪明__孩子、严肃__老师 、专家__意见、美丽__风景、高__个子、英语__老师。



Используйте вышеприведенные словосочетания в предложениях и порекомендуйте их своим товарищам для перевода.

Даже сформированное умение использования средств выражения видо-временных значений глагола (грамматических и лексических показателей для обозначения регулярного или завершенного действия, его продолжительности, результата, направления и пр.) не только нуждается в тщательной отработке, но и зачастую требует определенной коррекции базовых знаний. Для этой цели хорошо подойдут следующие виды упражнений:

Посмотрите на нижеприведенные предложения и скажите, как меняется значение глагола “做”. Заполните пропуски подходящими видо-временными маркерами, объясните свой выбор.

1)我 —— 做两个小时作业。
2) 我 —— 做完作业了。
3) 我—— 做了两个小时作业。
4) 我—— 做作业呢。

Определите, какие значения передают различные формы глагола «есть» в предложениях 1–6: а) регулярное повторяющееся действие; б) завершенное действие; в) действие, которое совершается в момент речи; г) действие, имевшее место в прошлом; д) действие, которое повторится в будущем. Переведите предложения на китайский язык, передавая соответствующее значение глагольной формы в русском языке.

1) Я не могу ответить на звонок, я ем.
2) На завтрак я обычно ем яйца.
3) Мама, я поел.
4) Я никогда не ел дуриан, какой он на вкус?
5) Неприлично разговаривать, когда ешь.
6) Ты наелся? Поешь еще немного.

Придумайте подобные предложения, иллюстрирующие различные видо-временные отношения, и предложите одногруппникам для перевода.

Вышеприведенная группа заданий не просто акцентирует внимание учащихся на разнице в способах выражения видо-временных отношений в русском и китайском языках, такой анализ одновременно

помогает сформировать опоры для выполнения более сложных заданий, например, на перевод, предотвращая возможные ошибки в продуктивных видах речевой деятельности, к которым как раз относятся задания раздела «Письменная речь».

Для оттачивания навыка использования модальных глаголов, которые также представляют определенную сложность для обучающихся ввиду несовпадения их значений и употреблений в русском и китайском языках, эффективным упражнением оказывается сопоставление значений китайских модальных глаголов в одинаковом окружении. Например:

Прочитайте нижеприведенные предложения и придумайте контекст, чтобы наилучшим способом проиллюстрировать разницу их значений. Например, “我们的英语不太好，但是我们会说汉语。”
我们会说汉语。 我们能说汉语。 我们可以说汉语。 我们想说汉语。 我们要说汉语。 我们愿意说汉语。 我们应该说汉语。

Для работы с этой темой хорошо подойдут также упражнения на подстановку и (или) заполнение пропусков, в которых, в отличие от предыдущего задания, имеется контекст, диктующий определенную модальность.

Используйте слова “会、能、可以、应该、要、想、可能、愿意”, чтобы заполнить пропуски. Объясните свой выбор.
星期三马克 _____ 去上海旅游， 他 _____ 请王小姐跟他一起去。他给王小姐打电话，问她 _____ 去。王小姐说，她很_____去，但是她星期三 _____ 有事儿。马克说：“上海很漂亮。也很有意思，你 _____ 去上海旅行。”王小姐问：“星期五去，怎么样？”马克说：“星期五去也 _____ 。我哥哥 _____ 开车，我让他跟我们一起去。” 王小姐很高兴。

Для профилактики иероглифических ошибок подойдут задания на различение иероглифов, имеющих схожее начертание, но различное значение, а также на различение омофонов. Такие задания тренируют внимание, позволяют увидеть сходство и различие в составных элементах иероглифов и особенности написания элементарных черт.

Чем похожи и чем различаются иероглифы в скобках? Заполните пропуски подходящими иероглифами из каждой пары.
小丽说她要_____我一起去北京旅游，我_____高兴。（很、跟） 这个_____末，我们几个__学要去老师家。（同、周） 那个超市的东西非_____便宜，明天我_____你去看看。（常、带） 这几天我一_____忙，_____累啊！（真、直） _____天的_____业一点儿也不难。（昨、作）

Согласно транскрипции впишите соответствующий иероглиф.
zhí 晚上我一（ ）在房间里看书。 nán 我家在学校的（ ）边。 mò 周（ ）我们去唱歌，怎么样？ gēn 我想（ ）你们一起去打篮球，可以吗？ bān 他们明天就要 （ ）家了。

Для профилактики ошибок, связанных с несоблюдением формальных требований к оформлению определенного типа письменного текста, рекомендуется использовать памятки для самопроверки, составленные на основе критериев оценивания выполнения заданий раздела «Письменная речь» экзаменационной работы по китайскому языку. Например:

Пункт самопроверки	✓ ✗
В письме — не менее **135** знаков и не более **209** знаков.	
Красная строка — **2 клетки.**	
Обращение начинается с 亲爱的 (имя друга) и отделено «**:**».	
Под обращением — приветствие 你好！	
Под приветствием — **благодарность** за полученное письмо.	
Ответы на все вопросы друга.	
В отдельном абзаце — **3 вопроса** на указанную тему.	
В отдельном абзаце — **завершающая фраза** и надежда на последующие контакты.	
Пожелание — на отдельной строке 祝你……！	
Подпись — на отдельной строке **на китайском языке.**	
Средства **логической связи** между абзацами.	

Такие памятки обучающиеся совместно с преподавателем могут дополнить пунктами самопроверки на предмет собственных уязвимых мест. Кроме того, каждому учащемуся необходим свой «эталонный» образец письма и сочинения-рассуждения, на который он сможет равняться.

Ввиду значительной стесненности во времени преподаватели предпочитают выносить выполнение заданий письменной части и знакомство с результатами проверки в самостоятельную внеурочную деятельность. Тем не менее мы считаем, что результаты проверки не только требуют тщательного анализа, но и обязательного обсуждения в классе, а также коррекции плана урока, дополнения его занятиями по профилактике наиболее частотных ошибок, встречающихся в каждой конкретной группе соответственно. Такие меры помогут значительно улучшить результаты письменных работ, от которых зачастую зависит успех поступления в желаемый вуз и возможность обучения на выбранной специальности.

Список источников

1. Вербицкая М. В., Махмурян К. С., Бажанов А. Е. [и др.]. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2022 года по иностранным языкам (английский, немецкий, французский, испанский, китайский языки). — М. : Федеральный ин-т пед. измерений, 2022. — 104 с.
2. Вербицкая М. В., Махмурян К. С., Трешина И. В. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2020 года по иностранным языкам // Педагогические измерения. — 2020. — № 4. — С. 3–34.
3. Вербицкая М. В., Махмурян К. С., Трешина И. В. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2021 года по иностранным языкам // Педагогические измерения. — 2021. — № 3. — С. 37–72.
4. Вербицкая М. В., Махмурян К. С. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2019 года по иностранным языкам // Педагогические измерения. — 2019. — № 3. — С. 41–69.
5. Corder S. Introducing applied linguistics. — Harmondsworth ; UK : Penguin Books, 1973. — 392 p.
6. Corder S. P. The Significance of Learners Errors // International Review of Applied Linguistics, 1967. — Pp. 161–169.

References

1. Verbickaya M. V., Mahmuryan K. S., Bazhanov A. E. [et al.]. Methodological recommendations for teachers prepared on the basis of an analysis of typical mistakes of USE participants in foreign languages in 2022 (English, German, French, Spanish, Chinese). *Pedagogicheskiy instrumentariy* [Pedagogical measurements]. Moscow, Federal Institute of Pedagogical Measurements Publ., 2022, 104 p. (In Russian).

2. Verbickaya M. V., Mahmuryan K. S., Treshina I. V. Methodological recommendations for teachers prepared on the basis of an analysis of typical mistakes of USE participants in foreign languages in 2020. *Pedagogicheskiy instrumentariy* [Pedagogical measurements]. 2021, no. 4, pp. 3–34. (In Russian).

3. Verbickaya M. V., Mahmuryan K. S., Treshina I. V. Methodological recommendations for teachers prepared on the basis of an analysis of typical mistakes of USE participants in foreign languages in 2021. *Pedagogicheskiy instrumentariy* [Pedagogical measurements]. 2020, no. 3, pp. 37–72. (In Russian).

4. Verbickaya M. V., Mahmuryan K. S. Methodological recommendations for teachers prepared on the basis of an analysis of typical mistakes of USE participants in foreign languages in 2019. *Pedagogicheskiy instrumentariy* [Pedagogical measurements]. 2019, no. 3, pp. 41–69. (In Russian).

5. Corder S. Introducing applied linguistics. Harmondsworth, UK, Penguin Books, 1973, 392 p.

6. Corder S. P. The Significance of Learners Errors. International Review of Applied Linguistics, 1967, pp. 161–169.

Информация об авторе

Запруднова Анастасия Алексеевна — старший преподаватель кафедры восточных языков и методики их преподавания института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, магистр образования (КНР).

Information about the author

Zaprudnova, Anastasiia — senior lecturer, Department of Oriental Languages and Language Teaching Methodology, Foreign Languages Institute, Ryazan State University named for S. A. Yesenin, master of education (China).

Статья поступила в редакцию 31.01.2023;
одобрена после рецензирования 06.02.2023;
принята к публикации 06.02.2023.

Submitted 31.01.2023;
approved after reviewing 06.02.2023;
accepted for publication 06.02.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 29–36.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;1(64):29–36.

Научная статья
УДК 811.161.1:811.581
DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.003

Структурные особенности и предикативная тактика редуплицированных прилагательных в китайском языке

Наталья Николаевна Колбанова
Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия
nataly-@inbox.ru

Андрей Павлович Кошкин
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
apkosh@mail.ru

Аннотация. Авторы предлагают обзор исследования проблемы редуплицированных прилагательных китайского языка. Несмотря на некоторое количество научных работ, посвященных проблематике редуплицированных слов, тема удвоенных прилагательных раскрыта недостаточно подробно и системно и часто рассматривается только с точки зрения разнообразия структурного состава, без акцента на лексической или синтаксической роли повторенных слов.

В данной работе авторы не только рассмотрели различные, в том числе редко встречающиеся и потому редко анализируемые способы редупликации, но и проанализировали проявляющиеся в результате редупликации дополнительные коннотации, так как повтор прилагательных связан с привносимыми лексическими значениями, когда удвоенное прилагательное предлагает заострить внимание коммуникантов на определенных качествах, делает последние более яркими и образными. В отдельных случаях редуплицированные прилагательные привносят в текст эмоции и эмпатию, связанную с иронией, пренебрежением, восхищением и т. д.

Понимая, что прилагательные, в том числе и удвоенные, могут функционировать в предложении как определение, обстоятельство, комплемент и т. д., авторы на основе большого количества примеров, демонстрирующих синтаксическое поведение и тактику удвоенных прилагательных, рассматривают в статье только предикативную функцию редупликантов, а также выявляют некоторые их стилистические особенности.

В статье описаны отдельные, обычно не исследуемые в рамках темы удвоения, примеры использования редуплицированных прилагательных, а также нетипичные случаи редупликации, связанные с изменением конечного морфологического значения, диалектными формами и употреблением удвоенных прилагательных в составе идиоматических выражений.

Особенностью данной работы является комплексный подход к анализу семантико-синтаксических и структурных особенностей редуплицированных прилагательных современного китайского языка.

Ключевые слова: китайский язык, синтаксис, семантика, имя прилагательное, редупликация прилагательных, грамматика китайского языка, сказуемое, определение, структурный анализ, эмпатия, формы удвоения.

Для цитирования: Колбанова Н. Н., Кошкин А. П. Структурные особенности и предикативная тактика редуплицированных прилагательных в китайском языке // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 29–36. DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.003.

Original article

Structural features and predicative tactics of reduplicated adjectives in Chinese

Natalia N. Kolbanova
State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russia
nataly-@inbox.ru

Andrey P. Koshkin
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
apkosh@mail.ru

Abstract. The paper overviews the study of Chinese reduplicated adjectives. For all the scholarly interest in this issue, reduplicated adjectives are often considered only from the point of view of their structural diversity, without focusing on the lexical or syntactic role of repeated words.

© Колбанова Н. Н., Кошкин А. П., 2023

This paper does not only consider various methods of reduplication, including patterns that do not get due attention because of their infrequent usage, but also analyzes the additional connotations conveyed by reduplication. Besides, reduplication of adjectives is associated with additional lexical meanings, a reduplicated adjective focuses the communicants' attention on certain qualities, making the image more vivid and figurative. In some cases, reduplicated adjectives bring emotions and empathy associated with irony, disdain, etc.

Among the multiple syntactic functions of reduplicated adjectives (an attribute, an adverbial modifier, a complement), the authors chose to focus on the predicative function of reduplicated adjectives. The paper abounds in examples demonstrating the syntactic behavior and tactics of doubled adjectives and brings out some of their stylistic features hitherto unmentioned. The authors also examine some atypical cases of reduplication associated with a change in the final morphological meaning, dialect forms and the use of doubled adjectives as a part of idiomatic expressions.

The main feature of this paper is a comprehensive approach to the analysis of the semantic-syntactic and structural features of the reduplicated adjectives of the modern Chinese language.

Keywords: Chinese language, syntax, semantics, adjectives, reduplication of adjectives, Chinese grammar, subject, predicate, definition, structural analysis, empathy, types of reduplications.

For citation: Kolbanova N. N., Koshkin A. P. Structural features and predicative tactics of reduplicated adjectives in Chinese. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 1(64):29–36. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.003.

Введение

Проблематика отдельных аспектов грамматики китайского языка, несмотря на более чем вековую историю российской китаистики, стоит чрезвычайно остро. В отличие от грамматики западноевропейских языков, грамматика китайского языка исследована и описана недостаточно полно. Хотя в последние десятилетия интерес к изучению китайского языка в России усилился, вопросы научного характера по-прежнему нуждаются в дальнейшей разработке, что проявляется в том числе и в вопросах исследования удвоенных лексических единиц. Тема редупликации знаменательных слов в последние годы все чаще поднимается в исследованиях российских китаистов (А. А. Хаматовой, Б.-Х. В. Дамдиновой, А. Н. Базаровой, Н. Н. Воропаева, Ю. А. Горгониева, М. Г. Фроловой, В. Ф. Щичко, О. М. Готлиба и др.), однако, к сожалению, во многих случаях исследователи дают лишь краткое описание случаев удвоения, уделяя особое внимание структуре и форме повтора. В то же время разнообразие способов удвоения, синтаксического функционала, богатое смысловое содержание, тонкость эмотивной коннотации, присущие удвоенным прилагательным, требуют глубокого, всестороннего и комплексного научного исследования, которое дало бы ответы на вопрос о том, при каких условиях, с какой целью, по какой схеме, с какой дополнительной смысловой нагрузкой редуплицируются прилагательные в китайском языке. Тем не менее в данном вопросе есть также серьезные и достаточно глубокие научные изыскания, к которым можно отнести, например, диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук Л. Ш. Рахимбековой «Повторы и их функции в современном китайском языке».

Несмотря на наличие некоторого (явно не достаточного) количества научных работ по вопросам удвоения знаменательных слов китайского языка, необходимо отметить, что объектом исследования чаще становятся глаголы. Удвоение прилагательных исследуется в значительно меньшем объеме. При этом очевидно, что редупликация последних имеет свои семантические, структурные и синтаксические особенности. Именно поэтому необходимо рассматривать повторенные прилагательные в комплексе, включающем в себя лексико-семантическую, структурную, синтаксическую, стилистическую, частотную (по частоте употребления) и, возможно, географическую (распространенность по регионам) составляющие.

В данной статье на основе главным образом китайских источников описываются лексико-грамматические и стилистические особенности редуплицированных прилагательных китайского языка, исследуются формы удвоения и синтаксическая функция таких прилагательных в качестве предиката, рассматриваются отдельные случаи удвоения прилагательных в составе идиоматических выражений. Целью данной работы является попытка проведения комплексного семантико-синтаксического и структурного анализа удвоенных прилагательных, в том числе с выявлением и описанием редких форм и случаев редупликации.

В. И. Горелов отмечал, что прилагательное (形容词 xíngróngcí) — часть речи, обозначающая качественный или относительный признак предмета. В китайском языке прилагательное также может указывать признак *действия.* Обозначая качественный признак предмета, прилагательное выполняет функцию определения или сказуемого. Обозначая же относительный признак предмета, прилагательное обычно выполняет функцию определения. Наконец, указывая признак действия, прилагательное употребляется в роли обстоятельства [Горелов, 1989, с. 36].

Прилагательные китайского языка — это сложный класс слов. Сама дефиниция, то есть распределение по группам и видам прилагательных, до сих пор имеет различные толкования. Так, авторы «Современной практической грамматики китайского языка» делят прилагательные на два вида: качественные и прилагательные со значением обстоятельства [现代汉语实用语法/梁云主编 [Практическая современная грамматика …], 2011, 35页]. Аналогичной точки зрения придерживаются и авторы «Базовой грамматики китайского языка» [对外汉语教学核心语法/杨德峰编著 [Базовая грамматика …], 2006, 24页].

Лю Юэхуа, Пань Вэньюй и другие китайские исследователи отмечают, что среди всех частей речи именно у прилагательных наблюдается самое большое разнообразие структурных форм, к тому же прилагательные разной структурной формы обладают и разными грамматическими особенностями [实用现代汉语语法 [Практическая современная грамматика …], 2001, 190页].

Сложность китайских прилагательных заключается не только в структурном многообразии, но и в том, что некоторые прилагательные имеют определенное семантико-синтаксическое сходство с глаголами, а некоторые — с наречиями. Различные виды группы прилагательных подвергаются различным типам удвоений (重叠).

Основная часть

1. Семантико-структурный анализ удвоенных прилагательных

С точки зрения смыслового содержания удвоение прилагательных не указывает, в отличие от глаголов, на кратковременность, несерьезность, поверхностность и прочие характеристики действия. Если удвоение глаголов (например, односложных) часто сравнивают с приставкой по- в русском языке (*почитал, посмотрел, поговорил* и т. д.), то подобрать соответствующее сравнение для редуплицированных прилагательных не представляется возможным, и чаще всего аналогии возникают именно с похожим удвоением в русском языке: *белый-белый, соленый-соленый* и т. д. В некоторых случаях удвоение можно сравнить с русским префиксом пре- в таких словах, как *жаркий-прежаркий, холодный-прехолодный, умный-преумный*.

Редупликация прилагательных в китайском языке призвана мягко акцентировать внимание на качестве, придать качеству эмоциональную, субъективную окраску и образность. Удвоению могут подвергаться не все прилагательные, однако значительная часть слов, представляющих эту часть речи, все же имеет возможность образовывать редуплицированные формы. Во многих случаях возможность создания повторенных словоформ для одних прилагательных и невозможность для других связана с языковыми традициями. Так, редуплицированная форма 漂漂亮亮 *красивая* верна, а форма удвоения с тем же смыслом 美美丽丽 является неправильной.

В китайском языке существует как полная редупликация, при которой повторяющиеся элементы полностью совпадают, так и частичная, когда повторяющиеся элементы совпадают лишь частично. Однако полная и неполная редупликация имеют разную коннотацию. Так, если полная редупликация придает некую красочность, выразительность качеству и несет, как правило, позитивную нагрузку, то неполный повтор может указывать на некий ироничный, пренебрежительный, то есть негативный оттенок качества.

Как известно, прилагательные в китайском языке имеют несколько моделей удвоения: AA (в том числе AA儿的 (地), где суффикс 儿 употребляется для придания эризации, что наиболее характерно для устной речи; в зависимости от функции, выполняемой таким редуплицированным прилагательным в предложении, он оформляется суффиксом 的 (определение, сказуемое) или суффиксом 地 (препозитивное обстоятельство)), ABB, AAB, AABB, ABAB, A里AB. Конкретные формы удвоения прилагательных зависят в первую очередь от их структуры, а также от типа прилагательного, стиля речи. В некоторых случаях, в зависимости от формулы удвоения, может меняться семантика прилагательного. Отдельные двусложные прилагательные имеют две формы редупликации — AABB и ABAB, передавая при этом разные значения, причем последняя формула может иметь каузативную направленность, часто находясь в семантико-синтаксической связке с побудительными глаголами.

Грамматической особенностью удвоенных прилагательных (независимо от формы удвоения и синтаксической позиции) является невозможность образования отрицательной формы и оформления наречиями степени. Таким образом, китайская грамматика не допускает отрицание любого типа (不, 没, 没有, 未, 勿) + редуплицированное прилагательное, как и невозможно встретить сочетание наречий степени 很, 太, 非常, 特别, 最, 十分 и пр. + повторенное прилагательное.

Структурно прилагательные делятся на четыре типа: 1) односложные 单音节形容词, 2) двусложные 双音节形容词, 3) аффиксальные 带词缀的形容词, 4) составные прилагательные, образованные

морфемой существительного или глагола и прилагательным 由一个名词语素或动词语素与一个形容词语素构成的符合形容词 (некоторые авторы придерживаются более сложной и дробной классификации).

Односложные прилагательные удваиваются по формуле AA, что подразумевает полное удвоение, и, в зависимости от синтаксической роли, могут оформляться или не оформляться соответствующими суффиксами. При этом, как указывает М. Г. Фролова, все способные к удвоению односложные прилагательные редуплицируются по формуле AA的, но лишь незначительная часть может повторяться и по безсуффиксальной формуле AA [Фролова, 2010, с. 98–101]. Прилагательные, удвоенные по формуле AA, чаще всего используются в художественных произведениях для придания образности описательной характеристике лица (предмета).

Модель удвоения ABB, представляя собой односложно-аффиксальную форму, предполагает наличие двух компонентов, при этом повторяется лишь второй. Данный тип редуплицированных прилагательных несет самую богатую смысловую нагрузку, связанную с образностью качества, так как первый компонент обычно передает непосредственное значение качества, а второй, удвоенный компонент часто выступает в роли описательного слова, передающего образ звука или образ качества. Практически все прилагательные, редуплицированные по данной формуле, представляют собой устойчивые выражения: 干巴巴 — *сухой*; *скучный*, 绿油油 — *сочно-зеленый*, 亮晶晶 — *сверкающий*; *блестящий*, 胖乎乎 — *пухлый*; *толстый*, и др. Прилагательные, удвоенные по этому типу, наиболее характерны для разговорной речи.

В китайском языке также наблюдаются варианты удвоения незначительного количества прилагательных по типу AAB. Однако такие прилагательные не только малочисленны, но и обладают рядом ограничений. Например, в 现代汉语疑难词词典 отмечается, что прилагательное 喷香 может удваиваться по типу ABAB или по типу AAB. При удвоении по последнему типу прилагательное 喷喷香 не может выступать в качестве обстоятельства и дополнительного члена (комплемента) [现代汉语疑难词词典 [Словарь трудных слов …], 2009, 278页].

Значительное количество двусложных (многосложных) прилагательных может быть редуплицировано по формуле AABB, что подразумевает сначала повтор первого компонента, затем повтор второго. Особая семантика данных прилагательных заключается в усилении качества, и повтор как бы указывает на то, что качество стало значительно интенсивней, приобрело более высокую степень.

Прилагательные, удвоенные по формуле ABAB, по внутренней структуре делятся на две группы, когда: а) первый компонент представлен существительным, второй компонент — прилагательным, при этом прилагательное (второй компонент) указывает на качество, присущее предмету (первому компоненту), например: 雪白雪白 — *белоснежный* (то есть белый, как снег); б) оба компонента представлены прилагательным; такой порядок удвоения выдвигает на первый план метафорические качества, делает их визуальными, представляемыми и осязаемыми, например: 清凉清凉 — *чистый и прохладный*.

Некоторые прилагательные могут удваиваться, как было указано выше, сразу по нескольким формулам, однако разные модели редупликации могут указывать не только на разную семантику, но и на разную морфологию. Так, например, 安静, 亲热 и некоторые другие прилагательные в форме повтора AABB остаются прилагательными, а в форме повтора ABAB функционируют как глаголы, например:

– как прилагательные: 他今天安安静静的。*Он сегодня тихий.*

– как глагол: 请你安静安静！ *Пожалуйста, успокойся!* [汉语语法指南 [Руководство по грамматике китайского языка], 2013, 79页].

Некоторые двусложные прилагательные имеют лишь редуплицированные формы, но не имеют неудвоенного варианта. Например, прилагательное 病病歪歪 — *хилый*; *болезненный* существует лишь в такой форме полного удвоения и в форме частичного удвоения 病歪歪, прилагательное 歪歪扭扭 — *кривой*; *покосившийся* также существует лишь в форме полного удвоения, тогда как его семантически близкий аналог 歪斜 — *кривой*; *неровный* имеет как базовую, так и редуплицированную форму 歪歪斜斜.

Неполная редупликация двусложных прилагательных по типу A里AB имеет свои как фонетические, так и семантические особенности. Как отмечают авторы «Практической грамматики современного китайского языка», фонетические особенности заключаются в том, что в таких прилагательных, несмотря на неизменность тона как такового, особо выделяется первый слог, второй слог (вставной 里) читается легким тоном, третий и четвертый также легкие. При этом иногда ударение может падать на четвертый слог для того, чтобы придать высказыванию больший вес, например, 糊里糊涂 — *запутанный*, 傻里傻气 — *глупый*, 罗里罗嗦 — *болтливый*, а также 拉里拉杂 — *скомканный*; *сумбурный*, 马里马虎 — *небрежный* и др. Форма неполной редупликации содержит оттенок отвращения, презрения и характерна только для прилагательных с уничижительной коннотацией [实用现代汉语语法 [Практическая современная грамматика …], 2001, 203页].

При анализе прилагательных, имеющих различный структурный облик, выявлены случаи морфологической транспозиции, когда удвоенная конечная лексическая единица представляет собой прилагательное, изначально полностью состоящее из представителей других частей речи. 毛烘烘 — *волосатый*; *обильно заросший шерстью/волосами*, будучи конечным прилагательным, изначально состоит из существительного 毛 — *шерсть*; *мех* и глагола 烘 — *жарить*; *запекать*; 呱呱叫 — *отличный*; *классный* имеет в составе звукоподражательное слово 呱 — *ква* и глагол 叫 — *звать*; *называть*; 零零星星 — *мелкий*; *случайный*; *фрагментарный*; *спорадический* структурно состоит из числительного 零 — *нуль* и существительного 星 — *звезда*.

Китайская лингвистическая культура включает в себя, помимо общекитайского стандартного языка 普通话, множество диалектов, обладающих не только собственными фонетическими особенностями, но также лексической и, в некоторых случаях, даже грамматической спецификой. Это в том числе относится и к рассматриваемой теме. Известные китайские исследователи Чжу Дэси, Ли Юймин, Лю Сяоли и др., анализируя проблему удвоения прилагательных, прямо указывали на существование диалектных форм редуплицированных прилагательных, чьи семантические и синтаксические функции совпадают с функциями удвоенных прилагательных в стандартном языке, но отличаются по внутренней структуре и не всегда могут быть понятными вне диалектного ареала.

Например, распространенная в сычуаньском диалектном ареале форма AB八B часто используется для передачи оттенка нетерпения, гиперболы или некой жалобы. Примеры: 上好八好 — *такой хороший*, 老远八远 — *такой далекий*. Используя такую форму удвоения, говорящий как бы указывает на преувеличенные качества или характеристики предмета (места) и, возможно, жалуется на то, что другие не замечают этих очевидных, по мнению говорящего, качеств.

К диалектным формам удвоения можно отнести, например, распространенную в юго-западных регионах Китая форму 二A二A, имеющую уничижительную и одновременно вызывающую неприятие у окружающих коннотацию. Такая форма удвоения указывает на некое не до конца приобретенное качество, например: 二麻二麻 — *то ли пьян, то ли нет*; *вроде пьяный, но не совсем.*

В различных диалектных группах встречается вариант 要A不A и вариант 倒A不A, употребляющиеся в отрицательном контексте, когда говорящий недоволен, поскольку не может прийти к окончательному определению качества: 要黑不黑 — *то ли черный, то ли не черный, не поймешь, какого цвета*; *и вроде черный, и вроде нет…*

Диалектный вариант A眉A眼 наблюдается в контексте описания внешности человека в негативной коннотации: 鬼眉鬼眼 — *похожий на черта* (досл. «с бровями и глазами черта»).

В китайском языке существует группа идиоматических выражений 成语 (чэнъюй), имеющих описательную функцию, указывающих на некое качество или дающих определенную характеристику, в составе которых также присутствуют прилагательные в удвоенной форме. К таким идиоматическим выражениям можно отнести 浩浩荡荡 — *непрерывный и мощный (поток)*; *сильный и могучий*, в основе которого находится двусложное прилагательное 浩荡 — *мощный*, редуплицированное по формуле AABB. В составе данной идиомы есть прилагательное 浩 — *бескрайний*; *многочисленный* и морфема 荡, имеющая как значение глагола *качаться*; *ополаскивать*, так и значение прилагательного *распущенный*; *распутный*.

В чэнъюй с описательной характеристикой 傻头傻脑 — *глупый*; *придурковатый* использован прием удвоения прилагательного 傻 — *глупый*; *простодушный* по схеме ABAB (букв. «глупая голова, глупые мозги»).

2. Редуплицированные прилагательные в роли сказуемого

Односложные и многосложные прилагательные, удвоенные по любой формуле, могут выступать в роли *самостоятельного сказуемого*, оформляясь при этом суффиксом 的. Редуплицированная форма акцентирует внимание на качестве, как бы сообщая коммуникантам о том, что данное качество не является обычным, оно выделяется из общего привычного качественного окружения, именно поэтому использование наречий степени невозможно не только с грамматической, но и со смысловой точки зрения, так как само удвоение уже указывает на высокую степень качества. Примеры:

1) 他个子高高的。*У него рост высокий-высокий* (пример редуплицированного по форме AA прилагательного 高高, выступающего в роли самостоятельного сказуемого);

2) 这道菜辣辣的，我吃不了。*Это блюдо очень острое, я не могу это есть* (辣辣 — прилагательное, удвоенное по типу AA в качестве самостоятельного сказуемого).

Особую образность удвоенных по формуле ABB прилагательных можно проследить на следующем примере, в котором редуплицированная единица выступает в качестве самостоятельного сказуемого:

1) 已经半夜了，可街上还是乱哄哄的。 *Уже полночь, а на улице по-прежнему шумно.* Использованная в предложении форма 乱哄哄 состоит из первоосновы 乱, дающей основное лексическое значение (*беспорядок*), и повторенной формы 哄哄, которая, относясь к прилагательным (*шумный*), в данном случае передает и образ качества (шум) через форму, похожую по звучанию на шум 哄哄 hǒng hǒng (*бум-бум*).

2) 我昨天看到的熊猫很不寻常，毛色白白的，手胖乎乎的。*Панда, которую я вчера видел, очень необычная, шерсть белая-белая, а лапки пухленькие-пухленькие.* Как указывалось выше, в редуплицированном по принципу ABB прилагательном 胖乎乎 первый компонент 胖 передает основное значение (*толстый*), а удвоенный второй компонент 乎乎 не несет смысловой нагрузки, лишь придает дополнительную эмотивную коннотацию. Изначально иероглиф 乎, будучи фразовой частицей, употреблялся в вэньяне для придания значения восклицания, сомнения, неуверенности всему предложению. В современном китайском языке он входит в состав некоторых прилагательных именно в качестве удвоенного компонента, например: 热乎乎 — *жаркий-жаркий*, 黑乎乎 — *черный-пречерный*; *потемневший*; *нечеткий*, 傻乎乎 — *глупый-глупый*; *простоватый*; *малообразованный* и др.

3) 看那枚钻石戒指亮晶晶的。*Посмотри, как блестит то бриллиантовое кольцо.* В этом предложении удвоенное по формуле ABB прилагательное выполняет функцию самостоятельного сказуемого и приобретает некоторые процессные черты, оставаясь при этом прилагательным. Первый компонент 亮 — *яркий*; *блестящий* передает смысл, второй компонент 晶 — *кристалл* служит для дополнительного усиления, как бы указывая, что кольцо «блестящее, как кристалл».

4) 妈妈做的馅儿饼，喷喷香。*Блинчики с начинкой, которые приготовила мама, невероятно вкусные.* В данном предложении прилагательное 喷喷香 удвоено по модели AAB и является сказуемым [现代汉语疑难词词典 [Словарь трудных слов …], 2009, 278页]. Представленный в 现代汉语疑难词词典 вариант редупликации прилагательного 喷香 по формуле AAB является практически уникальным случаем такого употребления. Повтор одного из компонентов обеспечивает акцент на качестве и дает возможность при переводе добавить слова, отсутствующие в оригинале, но придающие переводу красочность и изобразительность (*невероятно*). Необходимо отметить, что данная форма редупликации встречается редко, гораздо реже, чем форма 香喷喷. Такие удвоения наиболее характерны для пекинской диалектной группы, причем чаще всего произносятся эризованно, как pènr penr xiāng.

5) 他孤孤零零，无依无靠。*Он был один-одинешенек, даже опереться не на кого было.* Использованная в данном предложении редуплицированная форма AABB孤孤零零 выступает в качестве самостоятельного сказуемого и указывает на то, что качество (одиночество) очень сильно, человек был совсем, абсолютно, очень одинок.

6) 春节张经理已经忙忙碌碌，早起晚睡，没有时间休息了。*За несколько дней до Нового года (по лунному календарю) директор Чжан уже был невероятно занят, рано ложился, поздно вставал, не было времени на отдых.* Здесь также использована форма удвоения AABB 忙忙碌碌. Прилагательное 忙忙碌碌 играет роль самостоятельного сказуемого и усиливает качество (не просто занят, а невероятно занят).

7) 他说，那间屋子里漆黑漆黑的，他不敢进去。*Он говорит, что в той комнате темным-темно и он боится в нее входить.* Примененная форма удвоения ABAB 漆黑漆黑, построенная по принципу «существительное 漆 — *краска* + прилагательное 黑 — *черный*) как бы усиливает качество и придает ему дополнительную образность (темнота была цвета черного лака/краски).

8) 难道你大学毕业后还是那么傻里傻气的?! *Неужели ты, даже после окончания университета, такой глупый-глупый?!* Примененная формула неполного удвоения 傻里傻气 (тип A里AB), как указывалось выше, имеет презрительно-ироничный смысл.

9) 王大娘这个人罗里罗嗦的，天天听她的故事我都头疼。*Тетушка Ван такая болтушка, от ее ежедневных рассказов у меня аж голова болит.* В данном предложении в роли самостоятельного сказуемого представлено редуплицированное прилагательное типа A里AB (罗里罗嗦 — *болтливый, многословный*), чьей задачей является акцентирование внимания на ироничном или уничижительном описании качества человека (многословность).

Редуплицированные прилагательные крайне редко выступают в роли *именной части сказуемого*, более того, в живой разговорной речи удвоенные прилагательные в качестве именной части сказуемого практически не встречаются. Это возможно, как правило, лишь при наличии соответствующей ситуации и контекста. Прилагательные (в том числе и не удвоенные) в роли именной части сказуемого уже несут смысловую нагрузку в качестве элемента, активно акцентирующего внимание на данном качестве, поэтому использование удвоенного прилагательного как элемента дополнительного усиления возможно

лишь в ситуативном окружении. В качестве именной части сказуемого такие прилагательные также оформляются суффиксом 的:

1) 你画得不对，她的嘴唇应该是红红的。*Ты рисуешь неправильно, у нее губы должны быть красными-красными.*

2) 你的狗为什么那么瘦？看，我家的狗都是胖胖的。*Почему твоя собака такая тощая? Посмотри, все наши собаки толстые-толстые.*

Удвоение вызвано желанием говорящего сделать акцент на качестве, заострить внимание собеседника на данной характеристике предмета (лица).

Синтаксическая роль идиоматических выражений, содержащих удвоенные прилагательные, главным образом зависит от характера самого выражения. Поскольку такие идиомы чаще всего имеют описательный характер, то и выступают преимущественно в роли определения, однако они также могут функционировать и как сказуемое. Примеры:

1) 别这么傻头傻脑了，还是睡觉吧！*Не будь таким глупым (дураком), ложись-ка лучше спать!* В данном предложении идиоматическое выражение 傻头傻脑 представляет собой самостоятельное сказуемое, оформленное модальной частицей 了, которая дополнительно усиливает эмотивную составляющую.

2) 我在中国旅游，印象深刻，长城蜿蜒逶迤，长江浩浩荡荡。*Я путешествую по Китаю и глубоко впечатлен извилистой Великой стеной и могучей рекой Янцзы.* 浩浩荡荡, представленный в данном предложении в качестве сказуемого, усиливает акцент на представлении качества, вызывая у слушателя образ большой, могучей реки.

Заключение

Редуплицированные формы прилагательных привносят в речь образность и придают красочность описанию качеств, что особенно важно для переводчиков. Знание особенностей применения удвоенных прилагательных сделает речь ярче и выразительней, так как последние, с учетом семантики, могут передавать гораздо больше значений, чем обычные прилагательные. Однако при работе с прилагательными необходимо иметь в виду их особенности: а) удвоение прилагательных привносит дополнительный смысл или эмпатию в высказывание; б) не все прилагательные способны к удвоению; в) у разных прилагательных есть разные формы удвоения; г) есть небольшая группа прилагательных, которые применяются только в удвоенной форме и не имеют базовой словоформы.

В данной работе на основе большого количества примеров из живой речи проанализированы семантические, структурные, синтаксические особенности удвоения прилагательных, включая редкие формы, изучено не только значение редуплицированных прилагательных, но и их (иногда неочевидная) коннотация. Выявлены и рассмотрены случаи образования удвоенных прилагательных через внутреннюю морфологическую транспозицию. Дано краткое описание случаев диалектного употребления таких знаменательных слов, а также случаев употребления удвоенных прилагательных в составе идиоматических выражений.

Список источников

1. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка : учеб. пособие. — М. : Просвещение, 1989. — 318 с.

2. Фролова М. Г. Китайский язык. Справочник по грамматике. — М. : Живой яз., 2010. — 224 с.

3. 现代汉语实用语法/梁云主编. — 乌鲁木齐：新疆教育出版社, 2011. —332页 [Практическая грамматика современного китайского языка / под ред. Лян Юнь. — Урумчи : Изд-во Синьцзянское образование, 2011. — 332 с.].

4. 对外汉语教学核心语法/杨德峰编著. 北京：北京大学出版社, 2009. —292页 [Базовая грамматика для преподавания китайского языка как иностранного / под ред. Ян Дэфэн. — Пекин : Изд-во Пекинского ун-та, 2006.6. — 292 с.].

5. 实用现代汉语语法/刘月华等著. —增订本。—北京：商务印书馆，2001. —1005页 [Практическая современная грамматика китайского языка / под ред. Лю Юэхуа [и др.]. — Доп. вып. — Пекин : Изд-во Шанъу, 2001. — 1005 с.].

6. 现代汉语疑难词词典/李临定编著. — 北京：商务印书馆，2009. —535页 [Словарь трудных слов современного китайского языка / под ред. Ли Линьдин. — Пекин : Изд-во Шанъу, 2009. — 535 с.].

7. 汉语语法指南 = A Chinese Grammar for English Speakers. 英文版/朱春耕 (Chungeng Zhu), 高燕 (Yan Gao) 著。—北京：北京大学出版社，2013. —582页 [Руководство по грамматике китайского языка = Грамматика китайского языка для англоговорящих. Версия на английском языке / под ред. Чжу Чуньгэ н , Гао Янь. — Пекин : Изд-во Пекинского ун-та, 2013. — 582 с.].

References

1. Gorelov V. I. *Teoreticheskaya grammatika kitayskogo yazyka* [Theoretical grammar of the Chinese language]. Moscow, Education Publ., 1989, 318 p. (In Russian).

2. Frolova M. G. *Kitaysky yazyk. Spravochnik po grammatika* [Chinese Language. Grammar Guide]. Moscow, Living language Publ., 2010, 224 p. (In Russian).

3. 现代汉语实用语法/梁云主编. 乌鲁木齐：新疆教育出版社, 2011, 332页 [Practical Grammar of Modern Chinese. Ed. by Liang Yun. Urumqi, Xinjiang Education Publ., 2011, 332 p.]. (In Chinese).

4. 对外汉语教学核心语法/杨德峰编著. 北京：北京大学出版社, 2009, 292页 [Basic Grammar for Teaching Chinese as a Foreign Language. Ed. by Yang Defen. Beijing, Peking University Publ., 2006, 292 p.]. (In Chinese).

5. 实用现代汉语语法/刘月华等著. 增订本. 北京：商务印书馆, 2001, 1005页 [Practical Modern Grammar of the Chinese Language. Ed. by Liu Yuehua [et al.]. Beijing, Shanwu Publ., 2001, 1005 p.]. (In Chinese).

6. 现代汉语疑难词词典/李临定编著. 北京：商务印书馆, 2009, 535页 [Dictionary of Difficult Words of the Modern Chinese Language. Ed. by Li Linding. Beijing, Shangwu Publ., 2009, 535 p.]. (In Chinese).

7. 汉语语法指南 = A Chinese Grammar for English Speakers. 英文版/朱春耕 (Chungeng Zhu), 高燕 (Yan Gao) 著。北京: 北京大学出版社, 2013, 582页 [A Chinese Grammar for English Speakers. Engl. version. Ed. by Zhu Chungen, Gao Yan. Beijing, Beijing University Publ., 2013, 582 p.]. (In Chinese).

Информация об авторах

Колбанова Наталья Николаевна **—** PhD (Харбинский педагогический университет, КНР), старший преподаватель кафедры романо-германских и восточных языков Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета.

Кошкин Андрей Павлович — старший преподаватель Высшей школы инженерной педагогики, психологии и прикладной лингвистики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; почетный член Цзилиньской (КНР) Ассоциации преподавателей китайского и русского языков как иностранных; почетный профессор Харбинского педагогического университета КНР; почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Information about the authors

Kolbanova, Natalia — PhD in Education (Harbin Normal University, China), senior lecturer at the Romano-Germanic and Oriental languages Department.

Koshkin, Andrey — senior lecturer at the Higher School of Engineering Pedagogy, Psychology and Applied Linguistics, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; an honored member of the Jilin (PRC) association of teachers of Chinese and Russian as Foreign Languages; an honorary professor of the Harbin Pedagogical University of China; merited educator of tertiary education of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 11.01.2023;
одобрена после рецензирования 30.01.2023;
принята к публикации 30.01.2023.

Submitted 11.01.2023;
approved after reviewing 30.01.2023;
accepted for publication 30.01.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 37–43.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;1(64):37–43.

Научная статья
УДК 811.161.1:811.581
DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.004

Синтаксические и семантические особенности отдельных близких по смыслу прилагательных в китайском языке

Андрей Павлович Кошкин
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
apkosh@mail.ru

Аннотация. В данной работе автор дает краткий обзор исследования проблем морфологического разграничения и отнесения соответствующих знаменательных слов к той или иной части речи в грамматике китайского языка. Указывается, что данная проблема обусловлена многими факторами, связанными со спецификой самого языка изолирующего строя, в том числе с отсутствием флексий, соответственно, отсутствием возможности через словоизменение сделать однозначный вывод о морфологической принадлежности слова. Отсутствие ряда грамматических категорий (рода, числа, падежа) затрудняет исследования морфологии китайского языка, что в полной мере относится и к прилагательным. Учитывая большое количество грамматических и смысловых нюансов синонимичных и семантически близких слов, относящихся к данной части речи, автором были рассмотрены и проанализированы две группы прилагательных китайского языка: 矮/低 и 高兴/愉快/快乐/快活. Значимость данной работы заключается в том, что на основе большого количества примеров были выявлены общность и различия в смысловом наполнении данных прилагательных, особенности их размещения в предложении и связанные с этим синтаксические роли, а также показаны характерные для одних прилагательных и не характерные для других способы редупликации. Кроме того, в ходе анализа автором выявлены некоторые категориальные отклонения, не описанные ранее.

Ключевые слова: китайский язык, синтаксис, семантика, имя прилагательное, смысловая близость, синонимы, грамматика китайского языка, подлежащее, сказуемое, определение, обстоятельство, редупликация прилагательных.

Для цитирования: Кошкин А. П. Синтаксические и семантические особенности отдельных близких по смыслу прилагательных в китайском языке // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 37–43. DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.004.

Original article

Syntactic and semantic features of some nearly synonymous adjectives in the Chinese Language

Andrey P. Koshkin
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
apkosh@mail.ru

Abstract. The author gives a brief overview of studies in morphological distinction and attribution of the corresponding notional words to a particular part of speech in the grammar of the Chinese language. Since Chinese is an isolating language without such grammatical categories as gender, number, or case, absence of flections makes it difficult to come to an unambiguous conclusion about the morphological affiliation of the word. The above-mentioned features complicate the study of the morphology of the Chinese language, which fully applies to adjectives. Given the large number of grammatical and semantic nuances of synonymous and nearly synonymous words related to this part of speech, the author examined two groups of Chinese adjectives: 矮/低 and 高兴/愉快/快乐/快活 on the basis of a large number of examples. The significance of this work lies in revealing the similarities and differences in the semantic structure of these adjectives, their placement in the sentence and the associated syntactic roles, as well as the methods of reduplication characteristic of some adjectives and not characteristic of others. The analysis also revealed some categorial deviations, not described earlier.

Keywords: Chinese language, syntax, semantics, semantic proximity of adjectives, synonyms, Chinese grammar, subject, predicate, definition, circumstance, reduplication of adjectives.

For citation: Koshkin A. P. Syntactic and semantic features of some nearly synonymous adjectives in the Chinese Language. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 1(64):37–43. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.004.

© Кошкин А. П., 2023

Введение

История исследования грамматики китайского языка в России насчитывает более сотни лет. Особый интерес к изучению китайского языка с точки зрения практического применения и возросший социальный заказ на разработку учебников и проведение научных исследований проявились в последние десятилетия.

В отличие от грамматики западноевропейских языков, исследования грамматики китайского языка по-прежнему не могут считаться достаточно полно описанными и проанализированными. До сих пор существует множество научных взглядов на одни и те же проблемы, имеются не только дифференцированные подходы, но и некоторые различия в терминологическом аппарате, используемом в работе над грамматикой китайского языка.

Одной из важнейших проблем китайской грамматики является сложность морфологического разграничения и отнесения соответствующих знаменательных слов к той или иной части речи. Такая проблема обусловлена многими факторами, в том числе отсутствием флексий и, как следствие, отсутствием возможности через словоизменение, через различные словоформы сделать однозначный вывод о морфологической принадлежности слова.

В работах отечественных и китайских авторов существуют различные подходы, в том числе и к такой части речи, как имя прилагательное (形容词). Разночтения обнаруживаются как в вопросах дефиниции, так и в вопросах выделения классов, видовременных форм и т. д.

Так, один из ведущих отечественных исследователей грамматики китайского языка В. И. Горелов в «Теоретической грамматике китайского языка» определил прилагательное 形容词 xíngróngcí как часть речи, обозначающую качественный или относительный признак предмета. В китайском языке прилагательное может также указывать на признак действия [Горелов, 1989, с. 36]. М. Г. Фролова в своем определении прилагательного уточняет, что данная часть речи обозначает непроцессуальный признак, качество, свойство предмета или явления [Фролова, 2010, с. 86]. Китайские коллеги в работе 现代汉语实用语法 («Практическая грамматика современного китайского языка») под прилагательным подразумевают слово, обозначающее форму, качество и состояние предмета [现代汉语实用语法/梁云主编 [Практическая грамматика …], 2011, 34页].

Основная часть

В отличие от прилагательного в русском языке, прилагательное в китайском языке не обладает категориями рода, числа и падежа. Лексические единицы, относящиеся к данной части речи, как и слова, относящиеся к любым другим частям речи, не имеют флексий.

Среди исследователей до сих пор не установилось единства в понимании детерминации пары синонимы — семантически близкие слова. Существует два термина, которые у разных исследователей наполнены разным содержанием. Так, ряд лингвистов (Юй Миншань, Янь Мэйсю, Дун Вэнь и др.) считают, что выделяются отдельно синонимы 同义词 tóngyìcí и близкие по смыслу слова 近义词 jìnyìcí. По мнению автора, синонимами являются слова, семантически, морфологически и структурально аналогичные друг другу. В то же время имеется значительное количество лексических единиц, отличных по структуре (например, по количественно-слоговому составу) или относящихся к разным частям речи, но обладающих при этом незначительными смысловыми различиями, которые позволяют отнести такие лексические единицы к семантически близким словам. Примерами неполных синонимов, но семантически близких слов являются 突然 tūrán — *неожиданный*; *внезапный* (прилагательное) и 忽然 hūrán — *вдруг*; *внезапно* (наречие) [汉语近义词学习手册 [Учебное пособие по семантически близким словам …], 2005, 125页].

Объектом исследования в данной статье являются близкие по смыслу слова, в том числе и полные синонимы, поскольку их объединяет семантическая близость. Как и все прилагательные, такие лексические единицы в предложении обычно выступают в качестве определения (定语), сказуемого (谓语) или именной части сказуемого, обстоятельства (状语), реже — в качестве дополнения (宾语) или подлежащего (主语). Будучи оформленными соответствующими маркерами, например, 一些 (有一些), 一点(有一点), качественные прилагательные могут указывать на сравнительную степень. Модальная частица 了, оформляющая прилагательное, обычно указывает на изменение состояния или качества, может придавать эмотивность высказыванию, также может опосредованно указывать на отнесенность к категории прошлого.

Рассмотрим особенности пары семантически близких прилагательных 矮/低, общим для которых является указание на небольшую высоту или невысокий статус:

矮 ǎi — *низкий* (по росту); *невысокий*; *с коротким телом или туловищем*. Также может указывать на низкий статус или уровень.

低 dī — *низкий*; *расположенный низко от земли, ниже общепринятых стандартов; младший по статусу* (званию). Не употребляется для описания роста человека.

Данная пара может действовать в том числе и в симбиозе как единое парное прилагательное 低矮 со значением *низкий*; *невысокий*. Примеры:

奶奶的个子很矮。*Рост у бабушки очень маленький.* Прилагательное 矮 в данном предложении выполняет синтаксическую функцию самостоятельного сказуемого (предиката).

西北的房子一般低矮。*Дома на северо-западе обычно невысокие.* Парное прилагательное 低矮 также играет предикативную роль.

街道前面有一排矮房子。*В начале улицы шел ряд невысоких домов.* Здесь прилагательное 矮 является определением к слову 房子.

你比我矮没关系。*То, что ты ниже меня, неважно.* Прилагательное 矮 входит в состав сложного комплекса подлежащего 你比我矮.

现在大学的门槛越来越低了。*Сейчас университетский порог (требования) чем дальше, тем все ниже.* Прилагательное 低 в данном предложении входит в состав сказуемого, представленного, в свою очередь, парным союзом в сочетании с прилагательным 越来越低.

他低低地向爷爷鞠了一躬。*Он низко-низко поклонился дедушке*. Удвоенное прилагательное 低低, оформленное суффиксом 地, выполняет функцию препозитивного обстоятельства.

道路质量很差, 路面高低不平。*Качество дорог плохое, поверхность дороги неровная* (досл. «верхняя и нижняя поверхности дороги неровные»). Данное предложение, несмотря на кажущуюся элементарность, представляет некоторую сложность в определении синтаксической роли 高低, куда входит и 低. Это слово тесно связано с впереди стоящим 路面, которое можно определить как подлежащее, тогда 高低 будет входить в состав сложного сказуемого 高低不平; если же 路面 зафиксировать в качестве определения к 高低, тогда последний, несомненно, является подлежащим. Представляется, что обе версии имеют право на существование, тем не менее автор склонен придерживаться второго варианта.

这是最低价格。*Это самая низкая цена.* Прилагательное 低 в данном предложении выполняет наиболее распространенную функцию определения.

价格是最低的。*Цена — самая низкая.* Прилагательное 低 входит в состав составного именного сказуемого и является именной частью данного предиката.

Синонимичная группа прилагательных 高兴/愉快/快乐

Все перечисленные выше прилагательные указывают на чувства радости, счастья, приятные ощущения. Однако между данными словами есть и отличия.

Слово 高兴 морфологически относится и к прилагательным, и к глаголам, так как может указывать не только на качество, но и на процесс (действие), однако в данном контексте рассматривается лишь с точки зрения адъективной функции.

高兴 gāo xìng — *радостный*; *веселый*. Может быть связано как с хорошим настроением, так и с эмоциональным возбуждением. Описывает приятные чувства или состояние, которое обычно кратковременно и вызвано неким событием или действием. Используется как в устной, так и в письменной речи. 高兴, в отличие от 愉快, может удваиваться по формуле AABB, то есть 高高兴兴. К тому же, как было отмечено выше, может выполнять и процессную функцию. Примечательно, что в функции глагола это слово удваивается по формуле ABAB.

愉快 yú kuài — *приятный*; *веселый*; *радостный*. Используется для описания приятных чувств и настроения. В основном применяется в письменной речи.

快乐 kuài lè — *счастливый*; *радостный*. Употребляется для описания ощущений радости, счастья, веселья. В речи часто встречается в устойчивых привычных здравицах, поздравлениях и пожеланиях. Так же, как и 高兴, может удваиваться по формуле AABB, то есть 快快乐乐. В существующих справочных изданиях слово 快乐 описывается только как прилагательное, однако некоторые синтаксические и семантические особенности данного слова позволяют предположить наличие некоторой предметности и, соответственно, отнесенности к существительным. Примеры:

见到您，我很高兴。*Рад встрече с вами.* Прилагательное 高兴 выступает в качестве сказуемого-предиката, указывая на радостные чувства от знакомства с приятным человеком.

多讲讲高兴的事。*Побольше расскажи о веселом* (досл. «побольше расскажи веселые дела»). В данном предложении прилагательное 高兴, будучи определением к слову 事, может указывать на некое радостно-эмоциональное возбуждение, которое вызывают рассказы о веселых и интересных событиях. В роли определения слово 高兴 чаще всего оформляется частицей 的.

小王高兴地拿出老板的介绍信就交给了经理。*Сяо Ван с радостью достал рекомендательное письмо директора и вручил менеджеру.* Прилагательное 高兴, оформленное суффиксом 地, выполняет синтаксическую функцию препозитивного обстоятельства.

这是一件令人高兴的事件。*Это — радостное событие*. Здесь 高兴 входит в сотав определения 令人高兴的 к именной части сказуемого 事件.

Непосредственно в роли самостоятельной именной части сказуемого не употребляется, то есть нельзя сказать 这是高兴的。Поскольку прилагательное 高兴 может обладать и процессным значением (быть глаголом), то часто выступает в связке с каузативными глаголами: 让……高兴、令……高兴 и др.

这个消息使我感到高兴。*Это новость, которая обрадовала меня* (досл. «заставила меня ощутить радость; почувствовать себя счастливым»). В данном предложении 高兴 входит в предикативный комплекс, включающий в себя и каузативный глагол 使 и 高兴.

高兴 не может использоваться для характеристики и описания настроения, поэтому нельзя сказать 我的心情十分高兴。*Я очень счастлив* (досл. «мое настроение очень радостное, счастливое»). Для передачи радостных чувств в данном предложении лучше использовать нижеследующее прилагательное 愉快.

我的心情十分愉快。*Я в прекрасном (радостном) настроении.*

Прилагательное 愉快 с функциональной точки зрения обычно описывается как определение, сказуемое, обстоятельство, комплемент (постпозитивное обстоятельство) [现代汉语常用词用法词典 [Словарь часто употребимых слов …], 2011, 1484页]. Выступая в роли определения, данное прилагательное обязательно оформляется суффиксом 的, а в роли препозитивного обстоятельства — суффиксом 地.

我们在莫斯科度过了一个愉快的蜜月。*Мы в Москве провели веселый медовый месяц*. Прилагательное 愉快, оформленное 的, в предложении играет традиционную для прилагательных роль определения.

三八节那天我们男同学赠送了三名女同学礼物，她们很愉快。*8 марта наши студенты подарили трем сокурсницам подарки, и они [девушки] были очень счастливы.* В данном предложении прилагательное 愉快 выступает в роли качественного сказуемого.

В роли сказуемого, за которым следует постпозитивное обстоятельство (комплемент), прилагательное 愉快, оформленное суффиксом 得, сочетается лишь с 很 и другим очень ограниченным количеством комплементов. Пример неправильного предложения: 拿到毕业证书后，她愉快得跳起来了。*Получив диплом, она от радости запрыгала.*

几个孩子在愉快地玩耍。*Несколько ребятишек весело играют*. Прилагательное 愉快, оформленное суффиксом 地, является препозитивным обстоятельством, указывающим на образ действия — *весело*; *радостно*; *с радостью*.

我们在这里过得很愉快。*Мы прекрасно* (досл. «весело») *провели здесь время*. В этом случае мы наблюдаем постпозитивную локализацию обстоятельства, в состав которого входит и 愉快.

Однако в процессе данного исследования установлен факт ограниченного книжным стилем речи функционирования (хотя и редкого) данного прилагательного в качестве дополнения, например, в предложении 我听到这个消息以后感到了愉快。*Я был рад услышать эту новость* (досл. «Услышав эту новость, я почувствовал радость»). В данном предложении 愉快 выступает в роли дополнения.

Синтаксическая роль прилагательного 快乐 обычно сводится к определению, сказуемому, обстоятельству и дополнению [现代汉语常用词用法词典 [Словарь часто употребимых слов …], 2011, 719页]. Однако в процессе исследования были установлены факты субъектности данного прилагательного.

人心就像一个容器，装的快乐多了，愁闷自然就少。*Человеческое сердце подобно контейнеру, если в нем больше радости (счастья), то, естественно, меньше меланхолии.* 快乐, занимая позицию перед сказуемым 多了, выполняет функцию подлежащего и имеет предметное значение, поэтому можно говорить о субъектности слова 快乐.

灯光照着孩子们快乐的脸庞。*Свет лампы освещает радостные лица детей*. Прилагательное 快乐, оформленное的, является определением к слову 脸庞.

看得出来，你很快乐。*Видно, что вы счастливы*. Прилагательное в данном предложении выполняет функцию самостоятельного качественного сказуемого.

Нижеследующий пример демонстрирует возможность редупликации прилагательного по формуле AABB: 小明快快乐乐地扑进妈妈的怀里。*Сяо Мин с радостью бросился в объятия мамы.* Удвоенное прилагательное 快快乐乐, оформленное суффиксом 地, является примером препозитивного обстоятельства.

Пример передачи предметности через прилагательное: 没有快乐就没有生命。*Нет счастья — нет жизни.* Синтаксическая роль, которую играет 快乐, — дополнение.

Как отмечалось выше, 快乐 часто используется в поздравлениях. Примеры: 生日快乐！*С днем рожденья!* 春节快乐！*С новым годом (по Лунному календарю)!* 祝你新年快乐！*С новым годом!* (досл. «желаю веселого нового года»).

Кроме того, 快乐 входит в состав термина 快乐注意 — гедонизм (философское направление этики).

Некоторые авторы к группе 高兴/愉快/快乐 относят и прилагательное 快活, которое обладает близкой семантикой и синтаксисом [同义词近义词反义词多音多义字词典 [Словарь синонимов …], 2009, 444页].

Отличия в семантике и употреблении прилагательного 快活 от, например, 快乐 заключаются в том, что 快活 указывает на ощущения счастья, расслабленности и в то же время жизнерадостности и используется в основном в устной речи. А прилагательное 快乐, кроме отсылки к счастью, указывает на удовлетворение и радость и может использоваться как в устной, так и в письменной речи. 快活 способно функционировать как определение, сказуемое, обстоятельство, дополнение.

他在房间里跑着，跳着，快活得像小松鼠。*Он бегал и прыгал по комнате и от радости был похож на маленькую белку.* Примененное в предложение прилагательное 快活 вместе с 得 предстает в роли сказуемого.

孩子们在游乐场里快活地跑来跑去，一会儿坐碰碰车，一会儿又坐观览车。*Дети весело бегали туда-сюда по развлекательному центру: то покатаются на машинках, то снова садятся на обзорный автобус.* В приведенном примере прилагательное 快活 с суффиксом 地 является препозитивным обстоятельством.

提前完成了任务，心里很快活。*Душа наполнилась радостью от того, что задание было выполнено досрочно* [现代汉语词典 [Словарь современного китайского языка], 2005, 791页]. Использованное в данном примере слово 快活 играет роль самостоятельного сказуемого.

Удвоение по традиционной схеме AABB: 她在快快活活地工作。*Она работала весело, с наслаждением* [汉俄词典 [Китайско-русский словарь], 2003, 524页]. Повторенное по вышеуказанной схеме прилагательное функционирует в качестве препозитивного обстоятельства.

Кроме вышеуказанной формулы удвоения, прилагательное 快活 может удваиваться и по схеме ABAB: 我们也想法快活快活。*Мы тоже думаем, как повеселиться* [现代汉语常用词用法词典 [Словарь часто употребимых слов … , 2011, 719页]. Удвоенное прилагательное 快活快活 является сказуемым и, будучи прилагательным, передает тем не менее процесс развития качества.

Заключение

В данной работе были рассмотрены и проанализированы две группы семантически близких прилагательных китайского языка: 矮/低 и 高兴/愉快/快乐/快活. Так, в группе 矮/低 при общем значении *низкий* выявлены отличия в трактовке данного понятия, что поможет избежать ошибок при осуществлении перевода. Кроме того, выделена и описана возможность образования симбиоза данных прилагательных в варианте 低矮. На большом количестве примеров проанализированы синтаксические роли, которые могут играть вышеуказанные семантически близкие прилагательные: определение, сказуемое, обстоятельство и, в некоторых случаях, подлежащее.

Аналогичные семантические особенности выявлены в группе 高兴/愉快/快乐/快活 (*радостный*, *веселый*, *счастливый*), причем в данную группу включено проанализированное нами прилагательное, которое редко употребляется в письменной и совсем не употребляется в официальной речи (快活). Во второй группе прилагательных отмечены не только семантические, лексико-стилистические, но и некоторые синтаксические особенности. Например, 高兴 может выступать в функции самостоятельного сказуемого, но не может быть именной частью последнего. Обозначены и проиллюстрированы примеры употребления прилагательного 高兴 в каузативных группах让……高兴, 令……高兴, что стало возможным благодаря морфологическим особенностям данного слова. Описаны паттерны редупликации прилагательных, в том числе выявлены случаи различных формул удвоения. В этой же группе прилагательных описаны случаи субъектности некоторых прилагательных, что ранее не исследовалось. Отмечены

ранее не описанные в китайской литературе случаи дополнительных функциональных значений таких прилагательных, как 愉快, 快乐 и др.

С учетом того, что в китайском языке существует довольно большое количество семантически близких прилагательных, изучение их семантических различий и грамматических особенностей представляется очень важным.

Список источников

1. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка : учеб. пособие. — М. : Просвещение, 1989. — 318 с.

2. Фролова М. Г. Китайский язык. Справочник по грамматике. — М. : Живой яз., 2010. — 224 с.

3. 现代汉语实用语法/梁云主编. 一乌鲁木齐：新疆教育出版社, 2011. 一332页 [Практическая грамматика современного китайского языка / под ред. Лян Юнь. — Урумчи : Изд-во Синьцзянское образование, 2011. — 332 с.].

4. 汉语近义词学习手册/牟淑媛，王硕编著。一北京：北京大学出版社，2005一216页 [Учебное пособие по семантически близким словам китайского языка / ред.-сост.: Моу Шуюань, Ван Шо. — Пекин : Изд-во Пекинского ун-та, 2005. — 216 с.].

5. 同义词近义词反义词多音多义字词典/说词解字辞书研究中心编。一北京：华语教学出版社，2009. 一1074页 [Словарь синонимов, семантически близких слов, антонимов, полифонических и многозначных слов / под ред. Исслед. центра толковых сл. — Пекин : Изд-во преподавания кит. яз., 2009. — 1074 с.].

6. 现代汉语词典（第5版）中国社会科学院语言研究所。一北京：商务印书馆，2005. 一1870页 [Словарь современного китайского языка / НИИ языка Акад. общественных наук Китая. — 5-е изд. — Пекин : Изд-во Шанъу, 2005. — 1870 с.].

7. 现代汉语常用词用法词典/李忆民主编 — 北京：北京语言大学出版社，2011. — 1652页 [Словарь часто употребимых слов современного китайского языка / под ред. Ли Иминь. — Пекин : Изд-во Пекинского ун-та языка, 2011. — 1652 с.].

8. 汉俄词典(修订本)/夏仲毅主编, 上海外国语学院“汉俄词典”编写组编。一北京: 商务印书馆, 2003. — 1250页 [Китайско-русский словарь / гл. ред. Ся Чжун’и ; сост. гр. «Китайско-русский словарь» Шанхайского ин-та ин. яз. — испр. изд. — Пекин : Изд-во Шанъу, 2003. — 1250 с.].

References

1. Gorelov V. I. *Teoreticheskaya grammatika kitayskogo yazyka* [Theoretical grammar of the Chinese language]. Moscow, Education Publ., 1989, 318 p. (In Russian).

2. Frolova M. G. *Kitaysky yazyk. Spravochnik po grammatika* [Chinese Language. Grammar Guide]. Moscow, Living language Publ., 2010, 224 p. (In Russian).

3. 现代汉语实用语法/梁云主编. 乌鲁木齐：新疆教育出版社, 2011, 332页 [Practical Grammar of Modern Chinese. Ed. by Liang Yun]. Urumqi, Xinjiang Education Publ., 2011, 332 p. (In Chinese).

4. 汉语近义词学习手册/牟淑媛，王硕编著。北京: 北京大学出版社, 2005, 216页 [A handbook of Chinese near-synonyms. Ed.-comp. Mou Shuyuan, Wang Shuo]. Beijing, Beijing University Publ., 2005, 216 p. (In Chinese).

5. 同义词近义词反义词多音多义字词典/说词解字辞书研究中心编。北京：华语教学出版社，2009, 1074页 [Dictionary of synonyms, semantically close words, antonyms, polyphonic and multi-valued words. Ed. by Research Center for Explanatory Dictionaries]. Beijing, Chinese Education Publ., 1074 p.]. (In Chinese).

6. 现代汉语词典（第5版）中国社会科学院语言研究所。北京: 商务, 2005, 1870页 [Dictionary of Modern Chinese. 5 ed. Language Research Centre of Chinese Academy of Social Sciences]. Beijing, Shangwu Publ., 2005, 1870 p. (In Chinese).

7. 现代汉语常用词用法词典/李忆民主编一北京：北京语言大学出版社，2011, 1652页 [A Dictionary of Chinese usage. Chief ed. Li Yimin]. Beijing, Beijing Language and Culture University Press Publ., 2011, 1652 p. (In Chinese).

8. 汉俄词典（修订本）/夏仲毅主编，上海外国语学院“汉俄词典”编写组编。北京: 商务印书馆, 2003, 1250页 [Chinese-Russian Dictionary (correct. ed.). Chief ed. Xia Zhong’yi, comp. by the Group “Chinese-Russian Dictionary” of the Shanghai Institute of Foreign Languages]. Beijing, Shangwu Publ., 2003, 1250 p. (In Chinese and Russian).

Информация об авторе

Кошкин Андрей Павлович — старший преподаватель Высшей школы инженерной педагогики, психологии и прикладной лингвистики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; почетный член Цзилиньской (КНР) Ассоциации преподавателей китайского и русского языков как иностранных; почетный профессор Харбинского педагогического университета КНР; почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Information about the author

Koshkin, Andrey — Senior Lecturer at the Higher School of Engineering Pedagogy, Psychology and Applied Linguistics, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; an honored member of the Jilin (PRC) Association of Teachers of Chinese and Russian as Foreign Languages; an Honorary Professor of the Harbin Pedagogical University of China; Merited Educator of Tertiary Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 29.12.2022;
одобрена после рецензирования 23.01.2023;
принята к публикации 24.01.2023.

Submitted 29.12.2022;
approved after reviewing 23.01.2023;
accepted for publication 24.01.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 44–52.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;1(64):44–52.

Научная статья
УДК 81’272
DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.005

Псевдоэвфемия в межкультурной диахронической передаче художественной литературы (на материале детективов А. Кристи)

Ирина Николаевна Филиппова
Московский государственный областной педагогический университет, Мытищи, Россия
little_lion06@mail.ru

Светлана Николаевна Вековищева
Московский государственный областной педагогический университет, Мытищи, Россия
vekovishcheva_sn@mail.ru

Аннотация. В работе представлена оценка «политкорректных» изменений оригинальных авторских текстов А. Кристи в диахронии. Показаны трансформации названий оригинала правообладателями творческого наследия «королевы детектива», реализующие стратегию эвфемизации в родной британской лингвокультуре (в прагматическом внутриязыковом переводе), родственной и неродственных европейских лингвокультурах (в прагматическом межъязыковом и межкультурном переводе). К анализу привлечены также факты интерсемиотического перевода, осуществляющие прагматическую адаптацию. Представлены аргументы идентификации такой стратегии, как псевдоэвфемии, искажающей идиостилистику и прагматическую задачу А. Кристи.

Ключевые слова: эвфемия, псевдоэвфемия, лингвокультура, концептуальная картина мира, языковая картина мира, речевая стереотипия, межъязыковой перевод, интерсемиотический перевод, трансформация, адаптация, деформация, идиостилистика, Агата Кристи.

Для цитирования: Филиппова И. Н., Вековищева С. Н. Псевдоэвфемия в межкультурной диахронической передаче художественной литературы (на материале детективов А. Кристи) // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 44–52. DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.005.

Original article

Pseudo-euphemia in the intercultural diachronic transmission of fiction (based on A. Christie’s detective stories)

Irina N. Filippova
Moscow State Regional Pedagogical University, Mytishi, Russia
little_lion06@mail.ru

Svetlana N. Vekovishcheva
Moscow State Regional Pedagogical University, Mytishi, Russia
vekovishcheva_sn@mail.ru

Abstract. We present an assessment of the “politically correct” changes of the original texts by A. Christie in diachrony. We show the transformations of the original titles by the copyright holders of the creative heritage of the “queen of crime fiction”, implementing the strategy of euphemization in the native British linguoculture (in pragmatic intra-linguistic translation), related and unrelated European linguocultures (in pragmatic interlanguage and intercultural translation). We draw to the analysis the facts of intersemiotic translation, which carry out pragmatic adaptation. We present arguments for identifying such a strategy as pseudo-euphemia that distorts the idiosyncrasy and pragmatic task of A. Christie.

Keywords: euphemia, pseudo-euphemia, linguoculture, conceptual picture of the world, linguistic picture of the world, speech stereotype, interlanguage translation, intersemiotic translation, transformation, adaptation, deformation, idiostylistics, Agatha Christie.

For citation: Filippova I. N., Vekovishcheva S. N. Pseudo-euphemia in the intercultural diachronic transmission of fiction (based on A. Christie’s detective stories). *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 1(64):44–52. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.005.

© Филиппова И. Н., Вековищева С. Н., 2023

Агата Кристи по праву считается «королевой детектива», но ни мировая слава, ни заслуженное признание, ни обожание разноязычных и разнокультурных читателей и почитателей ее таланта не стали защитой ее творческого наследия, которое подверглось многочисленным и неожиданным (а порой и весьма спорным) трансформациям в переводе: межъязыковом литературном, межъязыковом и внутриязыковом интерсемиотическом (на театральных сценах, в кинопроектах, в анимации и компьютерных играх).

Особенности стиля А. Кристи исследованы многократно [Завьялова, 2014, с. 83–84 ; Тернопол, 2019, с. 106 ; Barnard, 1980, p. 95], среди них для нас наибольший интерес представляет манера автора давать названия своим произведениям. Заголовок, или заглавие текста, выполняет разные функции в различных формах дискурса и в различных текстовых жанрах. В художественной литературе, особенно в детективе как своеобразной жанрово-стилистической композиции, название призвано заинтриговать читателя, ярко реализуя аттрактивную функцию. Эта задача решается А. Кристи в особой манере. Ее романы и рассказы часто озаглавлены интертекстуальными фрагментами британской лингвокультуры или содержат аллюзии на таковые, раскрываемые в тексте. Среди интертекстовых элементов в названиях детективов А. Кристи представлены считалочки (One, Two, Buckle My Shoe (1941), Crooked House (1949), A Pocket Full of Rye (1953), Hickory Dickory Dock (1955), By the Pricking of My Thumbs (1968)), отсылки и к классической литературе (The Mirror Crack'd from Side to Side (1962)), и к античности (The Oracle of Delphi (1934), The Labours of Hercules (1947), Nemesis (1971)), и к религиозным мотивам (Moving Finger (1942), Star Over Bethlehem and other stories (1965)). Не все названия, данные А. Кристи детективам (равно как и романам, рассказам, сериям рассказов), сохранили свою аутентичность.

Настоящая работа призвана выявить причины трансформаций, которые в условиях диахронии претерпевают названия, данные автором произведениям художественной литературы в соответствии с творческой задачей и идиостилистикой. Предметом анализа выступают мотивы эвфемизации оригинальных авторских названий детективов А. Кристи. Объектами служат средства, реализующие эвфемизирующие трансформации, предпринятые в одноязычии и межъязыковом/межкультурном масштабе с временнóй амплитудой. Материалом анализа выступают главным образом названия произведений А. Кристи, которые подверглись трансформациям в моно- и полиязычии (при контакте с родственной и неродственными лингвокультурами), в моно- и полимодальности.

В заданном аспекте видится необходимым решить следующие главные задачи:

1) выявить факты переименования оригинальных авторских детективов А. Кристи в различных коммуникативных обстоятельствах (в одноязычии и в межъязыковом переводе, в интерсемиотическом переводе) в условиях диахронии и небольшой временнóй дистанции;

2) сопоставить прагмасемантику оригиналов и обнаруженных эвфемистических переименований;

3) подвергнуть анализу причины переименований, предпринятых в разных коммуникативных обстоятельствах в разных социокультурных сообществах (родной британской и родственной американской, а также в неродственных европейских лингвокультурах);

4) наметить перспективы исследования в различных областях общего, сопоставительного и прикладного языкознания, в координации со смежными гуманитарными областями знания.

Основными методами работы служат общенаучные приемы наблюдения и направленной выборки, анализа, синтеза, обобщения, интерпретации полученных результатов, а также частнонаучные лингвистические методы сопоставительного, контекстуального и дискурсивного анализа.

Как элемент уникального авторского стиля, манера именования произведений неоднократно становилась объектом исследования лингвистов, филологов, культурологов. В отношении детектива, в его европейской традиции (отличной от канона жанра в китайской литературе), название не только служит стилистическим знаком авторства, но реализует фатическую и аттрактивную, а также эстетическую (и (или) гедонистическую) и, в некоторых случаях, катартическую функцию. Решение этих задач «королевой детектива» обеспечивает сопряжение с британской культурой в целом и возможность прогнозировать аудиторию, позволяет автору заинтересовать читателей и увлечь их в изображаемый мир. Богатая фантазия и высокая работоспособность, критичность к своим произведениям (неоднократно явленная в письмах, дневниках и комментариях) во многом определили дальнейшую судьбу романов писательницы.

Неоднократно А. Кристи демонстрировала самоадаптацию: использовала сюжеты романов (с некоторыми изменениями) для написания пьес, а изданные рассказы перерабатывала в романы. Например, роман 1939 года Ten Little Niggers трансформировала в 1943 году в пьесу And Then There Were None для театральной постановки с измененным сюжетом и измененным финалом считалочки. Роман Dead Man's Folly (1954, впервые опубликован в 2014 году) стал результатом детализации и развития повести Hercule Poirot and the Greenshore Folly (1956), рассказ Yellow Iris (1937) послужил

основой романа Sparkling Cyanide (1945). Немаловажно также и согласие автора с переименованиями произведений в родственной американской лингвокультуре: издание романа Ten Little Niggers (1939) в США под заголовком And Then There Were None (практически одновременно с британской аутентичной версией), публикация романа Sparkling Cyanide (получившего известность в Великобритании именно в таком названии, выпущенного издательством Collins Crime Club) синхронно с издательством Dodd, Mead and Company в США под названием Remembered Death.

Такая активная переработка собственного творчества и некатегоричность А. Кристи по отношению к зарубежным публикациям (с иным названием, вторжением в текст) служит поводом к переиначиванию произведений писательницы в условиях поликультурности и интерсемиотического перевода. Вынести однозначное суждение о том, обладает ли такая трансформационная (или активно интерпретирующая) политика (особенно со стороны новых издательских и творческих коллективов) достаточной объективностью, не представляется возможным в рамках современной лингвистической парадигмы переводоведения.

Косвенная отсылка к этой стратегии А. Кристи содержится и в заявлении ее правнука М. Притчарда, стоящего во главе Agatha Christie Limited (которой принадлежат права на произведения Кристи): «Он уверен, что его прабабка поддержала бы смену названия, так как ей не понравилось бы, что кто-то страдает» [Калюков, 2020].

Однако самоадаптация А. Кристи — не единственный фактор, оказывающий влияние на преобразование ее творческого наследия. Языковая динамика (в большей степени затрагивающая лексику языка) как часть меняющейся концептуальной картины миры влечет за собой трансформации языковой картины мира у носителей соответствующей лингвокультуры. В анализируемом материале этот фактор ярко проявляется в виде политкорректности — стремлении к эвфемизации, вытеснении единиц сниженной функционально-стилистической окраски, дисфемизмов или отрицательных прагмем нейтральными, мягкими единицами.

Преобразования в жизни общества накладывают отпечаток на все формы бытия человека: меняется экономическая и геополитическая ситуация, возникают новые системы взаимодействия, трансформируются общественные институты, происходит смена идеологических и аксиологических ориентиров, которые воплощаются в новые речевые стереотипы. Не всегда этот процесс можно характеризовать как положительную динамику, но он неизбежен.

Оглядываясь на современность, приходится констатировать, что по отношению к окружающему миру (уникальным природным объектам, памятникам архитектуры, культуры, науки) человек не всегда демонстрирует должное уважение, даже действуя из лучших побуждений в стремлении улучшить, усовершенствовать, развить. Эта тяга к улучшению иногда приводит к ситуации коммуникативного сбоя (в широком смысле этого термина). Для более точной характеристики истоков такого сбоя и его последствий для участников общения мы провели анализ трансформаций названий на материале детективов А. Кристи в разных коммуникативных условиях (одноязычия/двуязычия, родной/родственной/неродственной лингвокультурах, мономодальной/полимодальной системах).

Роман Ten Little Niggers А. Кристи считала лучшим своим произведением: “I wrote this book after much planning and thought, and I liked what came out in the end” [Christie, 1977, p. 471], он одержал победу по популярности среди всех произведений писательницы, набрав 3 211 голосов в опросе 15 тыс. респондентов со всего мира в открытом голосовании, приуроченном к 125-летию автора [Flood, 2015]. И именно этот роман стал самым ярким примером политкорректной внутри- и межъязыковой трансформации. Изданный в 1939 году в британской версии под названием Ten Little Niggers в журнале Daily Express, он был опубликован в том же году в США в журнале The Saturday Evening Post с заглавием And Then There Were None. Здесь объектами (или жертвами?) новых лингвокультурных трендов стали и название романа, и прочие сегменты текста, содержащие лексему *nigger*. Современные толковые словари английского языка отражают ее сниженную функционально-стилистическую окраску. Носители национальных вариантов английского языка видят в ней прагмему, то есть единицу, в ядро лексического значения которой включена оценочность, в данном случае — отрицательная. Это несколько странно, поскольку все прочие номинации расовой, этнической и национальной принадлежностей не имеют такого шлейфа в своей семантике. Борьба порабощенной расы за свою независимость главным образом разворачивалась на территории США, а вылилась в конечном итоге в девальвацию лексической единицы. Заметим при этом, что *индейцы*, ставшие заместителями *негритят* (в более поздних изданиях романа на английском языке и в некоторых киноадаптациях), также представляют собой этноним. В связи с этим возникает закономерный вопрос об эффективности политкорректной трансформации, которая ограничивается буквальной субституцией одного этнонима другим. Дальнейшие версии внутри- и межъязыкового перевода инсталлировали в оригинальный текст *солдатиков*. Стоит ли ожидать продолжения улучшенных версий, пока

неясно. Основа названных манипуляций задана в известной мере и самой «королевой детектива», ее любовью к использованию фрагментов считалочек в заглавиях.

Возможности замещения как «игры в слова» достаточно широки, поскольку источник считалочек, Ten Little Injuns («Десять маленьких индейцев»), был впервые издан 1868 году и постепенно варьировался, особенно после издания в 1913 году Mother Goose Rhymes [Mother Goose … , 1913]. Название романа трансформировано по двум траекториям. Во-первых, опыт внутриязыкового интерсемиотического перевода, осуществленный самой А. Кристи, переработавшей роман в пьесу для театральной постановки, активизировал политкорректную битву с «негритятами». Во-вторых, финал считалочки (и никого не стало) предоставил еще один аргумент сторонникам облагораживания текста.

В межъязыковом переводе, сопряженном с лингвокультурной спецификой оригинала и перевода, можно было бы ожидать отступления от этой тенденции. Но первый перевод К. Реманн-Зальтен на немецкий язык в 1944 году трансформировал название, превратив его в Letztes Weekend — «последние выходные», «последний уикенд». С 1985 по 1999 годы издавался перевод У. Гайль Zehn kleine Negerlein в эквивалентной оригиналу иноязычной форме. Однако затем идея «улучшения» поднялась на новый уровень, и политкорректность затмила авторскую интенцию: в заголовок в переводе С. Дайтмер также вынесена последняя строка стишка в его немецкоязычном соответствии — Und dann gab's keines mehr. Впрочем, отнюдь не все носители немецкого языка были согласны с такой стратегией передачи. Далее политкорректность успешно шествовала по Европе, захватывая разные лингвокультуры и языки [Родний, 2008] и внося правки в авторское произведение, которые в этике отечественной школы перевода считаются неприемлемыми [Чайковский, 2013, с. 237].

Факты интерсемиотического перевода подтверждают распространение «политкорректной» версии. В англоязычном мире роман был впервые экранизирован в 1945 году в США компанией Rene Clair Productions и отличился изобилием отклонений от романа-первоисточника. Название фильма продолжает американскую традицию политкорректности And Then There Were None, также и в сюжете фигурируют индейцы (рис. 1). В 1974 году вышел международный проект (при участии Германии, Франции, Италии, Испании, Великобритании), который демонстрировался под названиями Ein Unbekannter rechnet ab, And Then There Were None, Ten Little Indians, где невербальным визуальным компонентом, отражающем считалочку, выступали индусы (рис. 2). В минисериале 2015 года, снятом при участии BBC, представлены солдатики, внешне весьма мало напоминающие игрушечные фигурки военных, но служащие фоном, по которому «плывут» строчки считалочки с очевидными вербальными сегментами Soldier Boys (рис. 3). Эти экранизации романа демонстрируют размытие, искажение сюжета, подмену персонажного ряда, нарушение территориального колорита. Трансформации авторского текста А. Кристи в данном случае следует признать деформациями. С позиций теории межкультурной коммуникации здесь можно усмотреть прагматическую адаптацию к поликультурной среде трансляции фильма.

Но преобразование названия в целом во внутри- и межъязыковом, а также в интерсемиотическом переводе едва ли можно признать удачным. Оно недвусмысленно указывает на исход событий, раскрывая финал сюжета, что совершенно неуместно в жанре детектива и противоречит европейскому канону жанра, заданного произведениями Э. А. По, У. Коллинза, А. К. Дойля. Что немаловажно, эта трансформация представляет автора в неприглядном свете, в то время как А. Кристи ни в коей мере не была склонна к расизму и в своих произведениях не давала повода подозревать ее в дисфемии или стратегиях конфликтного общения.

Подчеркнем, что в романе не представлено оскорбительного контента, нет дисфемии или конфликтогенной стратегии автора в отношении представителей негроидной расы. С точки зрения теории дискурса [Мещерякова, 2008, с. 43 ; Мельничук, 2013, с. 10–11 ; Норец 2016, с. 4], избранные стратегии трансформации авторской эстетики [Нелюбин 2007, с. 113 ; Попова 2012], авторской аксиологии [Сидоров, 2009], авторской концептуализации мира [Блох, 2010] могут быть оценены как деформации.

В связи с указанными искажениями авторской стилистики, девальвацией образа автора, отсутствием острой объективной необходимости новой номинации и сомнительной эвфемизации (за счет субституции одного этнонима другим) считаем возможным идентифицировать стратегию политкорректной трансформации названия романа Ten Little Niggers как псевдоэвфемию.

Необходимо подчеркнуть, что термин ***псевдоэвфемия*** вводится в терминосистему языкознания впервые, ранее не составлял отдельно исследуемого феномена (не имевшего ранее собственного именования), но достоин и требует изучения и аргументации в системе научного гуманитарного знания. Под этим понятием (в качестве рабочей формулировки, а не энциклопедической дефиниции) мы видим эксплуатацию эвфемии в антагонизме с авторской интенцией и синхроничной его концептуальной и языковой картине мире, зафиксированной в современной его творчеству речевой стереотипии определенной лингвокультуры.

Рис. 1. Индейцы в экранизации And Then There Were None (1945)

Рис. 2. Индусы в экранизации Ein Unbekannter rechnet ab (And Then There Were None / Ten Little Indians) (1974)

Рис. 3. Солдатики в экранизации And Then There Were None (2015)

Описанный выше факт псевдоэвфемистичной трансформации, конечно, не единственный в диахронии перевода детективов А. Кристи. Аналогичная участь постигла роман Dumb Witness (1937) (букв. «немой свидетель»). Внутриязыковая передача с британского на американский английский осуществлена в том же году: Poirot Loses a Client. В межъязыковой рецепции — на немецкий язык — роман также претерпел преобразование в версии 1938 года Der ballspielende Hund. Единица *dumb* — *«немой»* получила негативную коннотацию. Сюжетно *немой* в детективе — это фокстерьер Боб, чья любимая игра в мяч послужила прикрытием для убийства его хозяйки. Однако сторонники тотальной эвфемизации усмотрели в лексеме *dumb* дискриминацию инвалидов с речевыми нарушениями. Эта история с улучшением романа послужила прецедентом, и новая версия названия Ten Little Niggers как еще одного «уличенного в неполиткорректности» романа не заставила себя ждать. Утешительно, что в России пока (!) роман публикуется в русле строгой эквивалентности с авторской идиостилистикой. Заметим также, что и данном случае версия внутриязыковой трансформации в американской (то есть родственной) лингвокультуре досрочно указывает на сюжетное развитие, отнюдь не очевидное в авторской версии названия. Комментировать отношение А. Кристи к лицам с ограниченными возможностями здоровья представляется излишним. В связи с указанными отступлениями от авторской интенции названия и недостаточно обоснованными преобразованиями стилистики «королевы детектива» считаем выявленные факты «улучшения» авторской версии волюнтаристскими и идентифицируем в них псевдоэвфемию.

Такие «улучшения» распространились и на названия других произведений А. Кристи. Отметим, что в межъязыковом масштабе склонность переводчиков к вольной передаче заглавий прослеживается с незавидной частотностью, вне зависимости от степени родства контактирующих лингвокультур. Подтверждением этого наблюдения над анализируемой эмпирической базой служат приводимые ниже

в таблице сведения о вольном [Нелюбин, 2016, с. 32–33] (субъективном, не связанным с преодолением собственно языкового барьера) переименовании некоторых произведений. При неполноте этого перечня считаем представляемые данные достаточно наглядными и убедительными. Для краткости и иллюстративности приводимой информации прибегаем к аббревиации: UK — Великобритания, USA — США, DE — Германия, RF — СССР и Россия.

Таблица

Деформации названий в переводе детективов А. Кристи

Оригинальная версия, UK	Версия во внутри- и межъязыковом переводе	
	Страна и год публикации	Название
Murder on the Orient Express, 1934	US, 1934	Murder in the Calais Coach
	DE, 1934	Die Frau im Kimono Der rote Kimono
Three Act Tragedy, 1935	US, 1934	Murder in Three Acts
	DE, 1935	Nikotin
Murder in Mesopotamia, 1936	DE, 1939	Eine Frau in Gefahr
One, Two, Buckle My Shoe, 1940	US, 1941 US, 1953	The Patriotic Murders An Overdose of Death
	DE, 2021	Das Geheimnis der Schnallenschuhe
	RF, 1991 RF, 1991 RF, 1995 RF, 1997 RF, 1998	«Раз, раз — гость сидит у нас» «Преступление могло остаться нераскрытым» «Тайна оторванной пряжки» «Два, один — туфлю застегни» «Раз, два, пряжка держится едва…»
Evil Under the Sun, 1941	DE, 1945	Rätsel um Arlena
N or M?, 1941	DE, 1946	Rotkäppchen und der böse Wolf Das Haus der Mrs. Perenna
Death Comes as the End, 1945	US, 1944	Death Comes as the End
	DE, 1947	Rächende Geister
	RF, 1991	«Месть Нофрет»
Mrs McGinty’s Dead, 1952	US, 1952	Blood Will Tell
	DE, 1956	Vier Frauen und ein Mord
Hickory Dickory Dock, 1955	USA, 1955	Hickory Dickory Death
	DE, 1958	Die Kleptomanin
	RF, 1982	«Тайна пансионата»
Dead Man’s Folly, 1956	DE, 1959 DE, 2020	Wiedersehen mit Mrs. Oliver Mord mit verteilten Rollen
	RF, 1988 RF, 1991 RF, 1991 RF, 1993 RF, 1998	«Каприз» «Конец человеческой глупости» «У богатых свои причуды» «Беседка мертвеца» «Причуда»
The Mirror Crack’d from Side to Side, 1962	USA, 1962	The Mirror Crack’d
	DE, 1963 DE, 1964	Mord im Spiegel Dummheit ist gefährlich
	RF, 1991 RF, 1991 RF, 1999	«Пустяк» «Разбитое зеркало» «Зеркало треснуло»
Third Girl, 1966	DE, 1968	Die vergessliche Mörderin
Nemesis, 1971	DE, 1972	Das Schicksal in Person

Весьма странным выглядит изъятие из названия детектива единиц, указывающих на преступление, если они представлены в авторской версии и, следовательно, призваны отражать идиостилистику, соответствовать жанру и быть привлекательными (насколько это возможно в рамках дискурса, связанного с насилием и смертью). Устранение из названия лексем со значением «смерть, убийство, убийца, труп», традиционно табуируемых в различных дискурсивных практиках с древнейших времен, в аспекте преломления авторской модели номинации произведения выглядит не вполне обоснованным: жанровая специфика подразумевает наличие пострадавших, жертв, убитых или убиенных. Беспрецедентный успех детективов А. Кристи привлекает новых участников коммуникации (и межъязыковой, и межсемиотической) к творчеству, провоцируя их состязательный интерес, однако на любителей ее историй попытки улучшить романы могут произвести негативное впечатление, а у незнакомых с ее творчеством (или знакомых поверхностно, часто — лишь с кинематографическими реализациями) способны создать ложное представление об авторе и произведении.

Основными результатами анализа эмпирической базы могут послужить представленные выше тезисы в форме абстрагированных заключений:

1. Причины выявленных изменений авторского текста в наблюдаемом фактическом материале нельзя оценить как объективные (трансформации не обусловлены переходом в иные лингвокультуры и языки, не связаны с асимметрией языков и интерференцией). Они носят субъективный характер и представляют собой волюнтаристские попытки улучшения текста, приведения его к политкорректному речевому стереотипу, модернизации его путем замещения кажущихся дисфемизмов нейтральной лексикой.

2. Следует признать, что амплитуда диахронии (менее 100 лет) не служит убедительным аргументом для деформации образа автора и, следовательно, не носит прогрессивный и конструктивный характер. Подмена авторского видения видением новых участников коммуникации (наследников авторских прав, издателей, переводчиков, кинопродуцентов — в интерсемиотике) оказывает деструктивный эффект на диалог автора и аудитории.

3. Девальвация авторской идеи и фальсификация стиля автора лишает литературное произведение индивидуальности и уникальности. Автор и его произведение как феномен национальной литературы, принадлежащей определенной лингвокультуре со своеобразной системой ценностей и культурным багажом, обезличиваются и превращаются в «ничей» интертекст.

4. Продиктованное динамикой языковой картины мира замещение «некорректных» единиц в заглавии и тексте произведения подменяет авторскую концептуальную картину мира (отраженную в его произведении) концептуальной картиной мира новых участников коммуникации (правообладателей, издателей, переводчиков, кинопроизводителей). В связи с этим модернизация, реализуемая псевдоэвфемией, приводит к искажению оригинала и указывает на неадекватность преобразований (в традиционной лингвистической парадигме переводоведения).

Причинами переименований, таким образом, могут выступать следующие факторы: 1) авторская идиостилистика; 2) политика вторичных коммуникантов (правообладателей, издательств, кинокомпаний и т. п.); 3) смена концептуальной картины мира (с последующей или сопутствующей сменой языковой картины мира и речевых стереотипов).

Завершение представленного анализа видится неполным без краткой вербализации следующих обобщенных идей.

На фоне многочисленных исследований в области эвфемии и дисфемии (как взаимосвязанных феноменов) понятие «псевдоэвфемия» вводится впервые в научный терминооборот, заполняя лакуну терминологической системы общего языкознания. Эта единица терминологического аппарата имеет значительную перспективу и позволяет дифференцировать пограничные явления речевой практики, навязывающей различным лингвокультурам (особенно неродственным) новые речевые стереотипы.

Выявленные в данном исследовании факторы трансформаций (по форме) и деформаций (по сути) — творческая активность и самоадаптация автора, издательская политика правообладателей, динамика концептуальной картины мира (как изменение языковой картины и речевой стереотипии), — не могут быть окончательными и безапелляционными в иных формах объективации авторского произведения (перевода мономодального произведения в полимодальное, перевода из родной в неродственную лингвокультуру). Для выявления объективных закономерностей переноса литературы через языковой, культурный и семиотический барьер требуется тщательный анализ иных форм дискурсивной практики, текстов иной жанрово-стилистической принадлежности. Внимание исследователей должны привлекать такие аспекты новой коммуникативно-речевой (эвфемизирующей) деятельности, как граница адекватности и адаптации в практике религиозных, художественных, поэтических и т. п. текстов. Несомненную

перспективу исследования должен составить анализ дисфемии в текстах аналогичной тематической, дискурсивной и жанрово-стилистической специфики.

Список источников

1. Блох М. Я. Концепт и картина мира в философии языка // Пространство и время. — 2010. — № 1 (1). — С. 37–40.
2. Завьялова Г. А. Особенности прецедентных феноменов в детективном дискурсе : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19. — Кемерово, 2014. — 185 с. .
3. Калюков Е. Правнук Агаты Кристи добился переименования романа «Десять негритят» // РБК : сайт. — 2020, 26 авг. — URL : https://www.rbc.ru/society/26/08/2020/5f46422e9a79475ac4ca0e03 (дата обращения: 03.02.2023)
4. Мельничук О. А., Андросова Ф. С., Еливанова А. М. Художественный дискурс: синтаксис, экспрессивность, стратегии. — Якутск : СВФУ, 2013. — 194 с.
5. Мещерякова О. А. Слова с обозначением формы в художественном дискурсе // ФИЛОLOGOS. — 2008. — № 1-2 (4). — С. 41–46. — URL : https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15173858 (дата обращения: 20.01.2023).
6. Нелюбин Л. Л. Лингвостилистика английского языка. — М. : Флинта, 2007. —128 с.
7. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. — 7-е изд. — М. : Флинта : Наука, 2016. — 320 с.
8. Попова Л. Г. О культурной памяти слов // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». — 2012. — № 5 (109). — С. 26–31.
9. Родний О. И негритят не стало… // Комсомольская правда : сайт. — 2008, 29 сент. — URL : https://www.kp.ru/daily/24171.5/383071/ (дата обращения: 03.02.2023)
10. Сидоров Е. В., Сидорова Н. А. Базовая структура аксиологического измерения речевой коммуникации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2009. — № 6. — С. 166–172.
11. Тернопол Т. В. Раз, два, три, четыре, пять — выходи меня искать. Считалки в детективах Агаты Кристи // Вестник Костромского государственного университета. — 2019. — №1. — С. 106–110.
12. Художественный дискурс: филологический анализ текста / под общ. ред. М. В. Норца. — Севастополь : РИБЕСТ, 2016. — 279 с.
13. Чайковский Р. Р. Этика художественного перевода в аспекте поликультурности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2013. — № 15 (675). — С. 229–243.
14. Barnard R. A talent to deceive: An Appreciation of Agatha Christie. — N. Y. : Dodd, Mead and Company, 1980. — 211 p.
15. Christie A. An Autobiography. — L. : William Collins and Sons, 1977. — 544 p.
16. Flood A. And Then There Were None declared world`s favourite Agatha Christie novel // The Guardian : site. — 2015, 1 Sept. — URL : https://www.theguardian.com/books/2015/sep/01/and-then-there-were-Nonee-declared-worlds-favourite-agatha-christie-novel (дата обращения: 03.02.2023).
17. Mother Goose: The Old Nursery Rhymes. — L. : Heineman W, 1913. — 143 p.

References

1. Blokh M. Y. Concept and the Picture of the World in the Philosophy of Language. *Prostranstvo i vremya* [Space and Time]. 2010, no. 1 (1), pp. 37–40. (In Russian).
2. Zav'yalova G. A. *Osobennosti precedentnyh fenomenov v detektivnom diskurse* [Features of precedent phenomena in detective discourse]: dis. … candidate of philology, 10.02.19. Kemerovo, 2014, 185 p. (In Russian).
3. Kalyukov E. Agatha Christie's great-grandson has achieved the renaming of the novel Ten Little Niggers. *RBC: sayt* [RBC: site], 2020, Aug. 26. Available at: https://www.rbc.ru/society/26/08/2020/5f46422e9a79475ac4ca0e03 (accessed 03.02.2023). (In Russian).
4. Mel'nichuk O. A., Androsova F. S., Elivanova A. M. *Hudozhestvennyj diskurs: sintaksis, ekspressivnost', strategii* [Artistic discourse: syntax, expressiveness', strategies]. Yakutsk, North-Eastern Federal University Press Publ., 2013, 194 p. (In Russian).
5. Meshcheryakova O. A. Words for Shapes in Literal Discourse. *FILOLOGOS* [FILOLOGOS]. 2008, no. 1–2 (4), pp. 41–46. (In Russian). Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15173858 (accessed 20.01.2023). (In Russian).
6. Nelyubin L. L. *Lingvostilistika anglijskogo yazyka* [Linguistics of the English language]. Moscow, Flinta Publ., 2007, 128 p. (In Russian).

7. Nelyubin L. L. *Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'* [Explanatory translation dictionary]. 7nd ed. Moscow, Flinta Publ., 2016, 320 p. (In Russian).

8. Popova L. G. On Cultural Memory of Words. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"* [Tambov University Review. Series "Humanities"]. 2012, no. 5 (109), pp. 26–31. (In Russian).

9. Rodnij O. And the Negroes were gone ... *Komsomolskaya Pravda: sayt* [Komsomol'skaya Pravda: site]. 2008, Sept. 29. Available at: https://www.kp.ru/daily/24171.5/383071/ (accessed 03.02.2023). (In Russian).

10. Sidorov E. V., Sidorova N. A. Axiological Dimensions Basic Structure in the Speech Communication. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova.* [Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin]. 2009, no. 6, pp. 166–172. (In Russian).

11. Ternopol T. V. One, Two, Three, Four, Five — Come and Find Me. Counting Rhymes in A. Christie's Detective Novels. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of Kostroma State University]. 2019, no. 1, pp. 106–110. (In Russian).

12. *Hudozhestvennyj diskurs: filologicheskij analiz teksta* [Artistic discourse: philological analysis of the text]. Ed. M. V. Norec. Sevastopol', RIBEST Publ., 2016, 279 p. (In Russian).

13. Chaykovskiy R. R. The Ethics of Literary Translation in a Multicultural Environment. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [The Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities]. 2013, no. 15 (675), pp. 229–243. (In Russian).

14. Barnard R. *A talent to deceive: An Appreciation of Agatha Christie*. N. Y., Dodd, Mead and Company, 1980, 211 p.

15. Christie A. *An Autobiography*. London, William Collins and Sons Publ., 1977, 544 p.

16. Flood A. And Then There Were None declared world's favourite Agatha Christie novel. *The Guardian: site.* 2015, Sept. 1. Available at: https://www.theguardian.com/books/2015/sep/01/and-then-there-were-none-declared-worlds-favourite-agatha-christie-novel (accessed 03.02.2023).

17. *Mother Goose: The Old Nursery Rhymes*. London, Heineman W Publ., 1913, 143 p. Available at: https://www.worldcat.org/title/old-mother-goose-nursery-rhyme-book-with-illustrations/oclc/314896074?referer=di&ht=edition (accessed 03.02.2023).

Информация об авторах

Филиппова Ирина Николаевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Московского государственного областного педагогического университета.

Вековищева Светлана Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных языков, декан лингвистического факультета Московского государственного областного педагогического университета.

Information about the authors

Filippova, Irina — doctor of philology, associate professor, professor of the Department of the Translation Studies and Cognitive Linguistics, Moscow State Regional Pedagogical University.

Vekovishcheva, Svetlana — candidate of philology, associate professor, head of the Department of Eastern Languages, dean of the Faculty of Linguistics, Moscow State Regional Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023;
одобрена после рецензирования 07.02.2023;
принята к публикации 07.02.2023.

Submitted 02.02.2023;
approved after reviewing 07.02.2023;
accepted for publication 07.02.2023.

РАЗДЕЛ II

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ В МЕЖЪЯЗЫКОВОМ АСПЕКТЕ

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 53–58.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;1(64):53–58.

Научная статья
УДК 81-114.2
DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.006

Сопоставительное исследование двухэлементных медицинских терминов (на материале латинского, русского, немецкого и французского языков)

Татьяна Яковлевна Кузнецова [1], ***Ольга Ивановна Воробьева*** [2],
Лариса Сергеевна Заиченко [3]
[1, 2, 3] Северный государственный медицинский университет, Архангельск, Россия
[1] tk409866@gmail.com, [2] vorobyova24@rambler.ru,
[3] zaichenko.larisa@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению термина-словосочетания в медицинской коммуникации. Новизна исследования состоит как в выборе объекта — двухэлементного медицинского термина, так и в определении теоретической базы — психосистематики, дающей возможность проследить порождение языковой единицы и объяснить ее различные реализации в речи. Использование психосистематики позволило определить платформу для сопоставительного исследования двухэлементных медицинских терминов в латинском, русском, немецком, французском языках. В ходе исследования было установлено, что в латинском языке порядок слов в словосочетании медицинского термина воспроизводит движение мысли. Рассмотрение частей речи не в результате их формирования, а в момент актуализации позволило увидеть существительное в процессе субстантивации и определить его как опору (объект мысли) для формирующегося словосочетания.

В словосочетании медицинского термина были выявлены следующие закономерности. Если слово, несущее вклад значения (признак к опоре) затрагивает окончание процесса субстантивации, образуется прилагательное. Если слово несет вклад к опоре после окончания субстантивации, образуется существительное в родительном падеже. В латинском языке порядок слов отражает движение мысли: от опоры (объекта мысли) к вкладу значения (признаку). Во французском языке та же тенденция, притом что препозиция прилагательного вызывает сдвиги субъективного характера в восприятии имени существительного, что неуместно в медицине. В русском языке на первом месте стоит прилагательное, несущее вклад к опоре, маркированной в постпозиции, что объясняется богатыми возможностями языка отражать многоплановые связи («Если не так, то иным способом»). В немецком языке распространен способ оформления вклада значения к опоре: сложение основ двух существительных в одном слове, вклад значения — на первом плане.

Ключевые слова: речe-языковая деятельность, ментальность, оперативное время, операции построения языка, операции построения речевых структур, грамматические категории слова.

Для цитирования: Кузнецова Т. Я., Воробьева О. И., Заиченко Л. С. Сопоставительное исследование двухэлементных медицинских терминов (на материале латинского, русского, немецкого и французского языков) // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 53–58. DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.006.

Original article

Comparative research of two-element medical terms (in Latin, Russian, German and French)

Tatyana Ya. Kuznetsova [1], ***Olga I. Vorobyova*** [2],
Larisa S. Zaichenko [3]
[1, 2, 3] Northern State Medical University, Arkhangelsk, Russia
[1] tk409866@gmail.com, [2] vorobyova24@rambler.ru,
[3] zaichenko.larisa@yandex.ru

© Кузнецова Т. Я., Воробьева О. И., Заиченко Л. С., 2023

Abstract. The article deals with the study of the term-phrase in medical communication. The novelty of the research lies both in the choice of the object, a two-element medical term, and in the definition of a theoretical base, psychosystematics, which permits to trace the generation of a language unit and explain its various implementations in speech. The use of psychosystematics made it possible to define a platform for a comparative study of two-element medical terms in Latin, Russian, German, and French. In the course of the study, the word order in the Latin phrase of a medical term was found to reproduce the movement of thought. Considering the parts of speech not as a result of their formation but their actualization allowed to see the noun in the process of substantiation and to define it as a support (an object of thought) for the emerging phrase.

The following regularities were revealed in the phrase of the medical term. If a word that contributes meaning (an attribute to a support) touches the end of the process of substantivisation, an adjective is formed. If the word contributes to the support after the end ofsubstantivisation a noun is formed in the genitive case. In Latin, the word order reflects the movement of thought: from the support (object of thought) to the contribution of meaning (attribute). In French, it is the same, and an adjective in the pre-position causes subjective shifts in the perception of the noun, which is inappropriate in medicine. In Russian, the first place is occupied by an adjective that contributes to the support marked in the postposition, which is explained by the rich possibilities of the language to reflect multifaceted connections ("If not so, then in a different way"). In German, there is a common way of formalizing the contribution of the meaning to a support: the addition of the stems of two nouns in one word: the contribution of the meaning is in the foreground.

Keywords: speech and language activity, mentality, operational time, operations of building a language, operations of building speech structures, grammatical categories of the word.

For citation: Kuznetsova T. Ya., Vorobyova O. I., Zaichenko L. S. comparative research of two-element medical terms (in Latin, Russian, German and French). *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 1(64):53–58 (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.006.

Статья посвящена изучению факторов, определяющих лексическую, морфологическую, синтаксическую структуру словосочетания на материале медицинского термина в латинском, русском, немецком и французском языках. Объект исследования — двухэлементный медицинский термин. В двухэлементный медицинский термин входит наименование определенного органа или части тела, выраженное именем существительным, и определение к нему, выраженное именем прилагательным или именем существительным в функции определения. Метод исследования — психосистематика, наука, получившая интенсивное распространение в конце XX — начале XXI века. Согласно психосистематике, язык является прежде всего средством познания, а затем и вместе с тем — средством общения. Родоначальник психосистематики — Г. Гийом. В русле его идей известны труды Р. Валена, Ж. Муанье, Р. Лафона, Р.-Л. Вагнера и др. В нашей стране на постулатах психосистематики основаны исследования Л. М. Скрелиной и ее школы.

Объект изучения психосистематики вполне согласуется с основным положением когнитивной лингвистики, которая изучает рече-языковую деятельность как процесс, свидетельствующий о связи и взаимодействии языка и сознания. Языковые значения — это социально закрепленные знания, которые хранятся в коллективном сознании говорящих. Они передают лишь часть наших знаний о мире. Основная доля этих знаний существует в нашем сознании в виде различных мыслительных структур, концептов различной степени сложности, абстрактности и новизны. Исследователи пишут о формировании языковой картины мира в соответствии с коллективными и индивидуальными схемами и моделями [Болдырев, 2016, с. 30–34].

В отличие от когнитивной лингвистики, психосистематика рассматривает рече-языковую деятельность как действие определенных мыслительных механизмов, которым язык дает точное отображение [Гийом, 2004, с. 54]. "Psycho-" у Гийома означает отношение к ментальности, а не к психологическим состояниям [Soutet, 2022, p. 213]. Рече-языковая деятельность включает одновременно процесс повторения элементов языковой системы и процесс построения речи. Лицо поставлено в центр теории не только в той части, что относится к речи, но и в той, что относится к языку. Иными словами, прежде чем приступить к говорению, мы вспоминаем в оперативном времени, настолько малом, что оно не может быть зафиксировано, слово в его значении и его грамматических категориях, готовое к использованию в речи.

Для демонстрации работы сознания в рече-языковом процессе Гийом ввел понятие тензора. Тензор — «основной структурный оператор, позволяющий сознанию обобщать и индивидуализировать с помощью двух движений мысли: одно — от широкого к узкому (партикуляризация), а другое — от узкого к широкому (генерализация)» [Гийом, 2004, с. 119]. Операции построения его элементов служат способом представления его процесса (рис.).

В процессе рече-языковой деятельности на участке 1 происходит выбор лексического значения слова. Это значит, что рече-языковой процесс начинается с поиска концепта среди многих, на что указывает обозначение движения от общего к частному. На участке 2 после остановки, маркирующей самоперехват, свидетельствующий об осознании происшедшего отбора, осуществляется движение от частного к общему, оформление грамматических категорий слова.

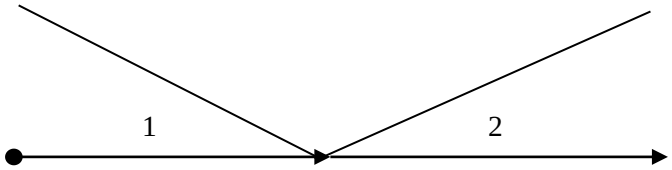


Рис. Тензор как способ представления рече-языковой деятельности

У Гийома существуют не две части описательной грамматики, а два вида операций построения языка: один (морфология) как построение предшествующее, относящееся к конструирующим операциям языка, второй (синтаксис) как построение последующее, относящееся к конструктивным операциям речи (говорения, дискурса) [Гийом, 2004, с. 40].

В акте рече-языковой деятельности задействованы неравные доли участия языкового и речевого в зависимости от типа языка, аналитического или синтетического. В латинском языке построение имени закончено уже в первом виде операций, поскольку оно обладает целой серией падежей; построение имени в языке аналитического типа, например, французского, завершается во втором виде операций речи, где функциональный (неязыковой) падеж оформляется предложно. От того, в каком случае из этих двух потенциальная языковая единица выходит на уровень говорения, зависит построение речи, так как в речевых построениях используются прежде всего готовые элементы. Отсюда вытекает, что лингвистика, занимающаяся изучением механизмов построения фразы, речевых структур, должна подчиняться предварительному исследованию структуры потенциальной языковой единицы (слова). Тем самым во главу угла поставлена форма слова, его грамматическая характеристика как части речи. Синтаксис является вторичным и зависимым от морфологии [Скрелина, 2009, с. 100].

Критерием деления слов на части речи служит инциденция — механизм, сложившийся в процессе формирования языковой системы и действующий при лексико-грамматическом оформлении слов. Любое слово, определяясь в языке в категориальном плане как часть речи, определяется и в предстоящем ему при речевом употреблении функционально-синтаксическом плане в виде соотнесения таких элементов значения, как вклад и опора. Вкладом значения называется понятие, неоформленное еще категориально, которому уже на уровне языка предопределяется опора, то есть место нахождения. Соотнесенность этих семантических элементов называется инциденцией. Согласно традиционной грамматике, наречие относится к прилагательному, как прилагательное относится к существительному. В терминах психосистематики наречие привносит вклад значения в значение прилагательного, являющегося для него опорой. Имя прилагательное, в свою очередь, находит необходимую для вклада его значения опору в имени существительном. В этом случае говорят, что прилагательное инцидентно существительному. Опора для значения, которое заключено в прилагательном, определяется в речи. Инциденция прилагательного называется внешней инциденцией I степени.

Имя существительное имеет свою инциденцию в рамках своего значения. Это внутренняя инциденция: его опора появляется сразу же с появлением вклада [Valin, 1994, p. 330]. Иными словами, существительное говорит само за себя.

В отличие от других направлений лингвистики, в психосистематике каждый ее критерий подчеркивает динамическую природу слова, всякий раз рождающегося заново по существующим в языке оперативным механизмам. Это значит, что все нюансы смыслов и употреблений любого слова как части речи возникают в момент актуализации, будучи связанными с потенциальной природой данной единицы и с речевой прагматической установкой [Скрелина, 2009, с. 204]. «Все части речи предстают не в своем результате, а в своем порождении, кинетизме; нет существительного, а есть субстантивация, нет прилагательного, а есть адъективация и т. д.» [Там же, с. 182].

Использование психосистематики позволит нам определить общую точку отсчета для сопоставительного исследования двухэлементных медицинских терминов в латинском, русском, немецком, французском языках.

Двухэлементный медицинский термин в латинском языке актуализируется в двух вариантах в зависимости от того, какими средствами выражено определение: прилагательным *Ductus choledochus* — желчный проток, или существительным в родительном падеже: *Septum nasi* — перегородка носа. В обоих случаях начальную позицию занимает имя существительное, являющееся опорой (объектом нашей

ментальной деятельности) для вклада значения, выражаемого либо прилагательным, либо существительным в родительном падеже. В терминах психосистематики определение инцидентно определяемому. Одна и та же функция определения в медицинском термине-словосочетании обусловлена разным отношением прилагательного и существительного к процессу субстантивации, психическому (ментальному) формированию опоры. В первом случае (*Ductus choledochus*) прилагательное инцидентно имени существительному в заключении субстантивации. Во втором случае (*Septum nasi*) определение создается направлением инциденции имени существительного в родительном падеже к инциденции имени существительного после заключения процесса субстантивации.

В латинском языке порядок слов в словосочетании медицинского термина воспроизводит движение мысли, за что латинский язык и был определен гуманистами эпохи Возрождения в качестве профессионального медицинского языка [Кузнецова, 2017, с. 276].

В русском языке первый компонент медицинского термина-словосочетания актуализуется с постановкой имени прилагательного в препозиции к существительному: *желчный проток.* Отсубстантивные прилагательные семантически не самостоятельны, они имеют сложную деривационную структуру лексического значения, так как признак не существует сам по себе, без его носителя. Относительные прилагательные как слова производные соотносятся по семантике с производящей основой, где на категориальное значение наслаивается словообразовательное значение [Воробьева, 2021, с. 4]. Во втором варианте актуализация происходит так же, как в латинском словосочетании: порядок слов соответствует последовательности в развертывании процесса субстантивации: *перегородка носа.* Наблюдаются случаи несоответствия латинским наименованиям: однословному латинскому термину в русском языке соответствует словосочетание «прилагательное + существительное»: *pancreas — поджелудочная железа, maxilla — верхняя челюсть.*

В немецком языке оба варианта латинского термина-словосочетания сливаются в один однословный термин: опора, начинающая процесс развертывания субстантивации, занимает в нем конечную позицию, а определение, репрезентирующее вклад значения к опоре адъективированным существительным, занимает первую позицию: *Nasenseptum, Gallengang*. При этом повторяется операциональность, существующая в языке. Существительное в функции определения адъективируется, потому что механизм соотнесенности определения с именем существительным есть внешняя инциденция I степени вклада к опоре [Скрелина, 2009, с. 180].

В характерной для немецкого языка закономерности передавать определительные синтаксические отношения сложным словом актуализируется архаическая черта индоевропейских языков, присущая им на ранних этапах развития, когда имя существительное и имя прилагательное составляли единую категорию имени [Арсеньева, Балашова, Берков, Соловьева, 1998, с. 72]. По мнению В. М. Жирмунского, определяющее слово имело форму чистой именной основы, по существу не являясь ни существительным, ни прилагательным [Жирмунский, 1956, с. 344]. Со временем (предположительно, в конце индоевропейской или в самом начале праславянской эпохи), несмотря на то, что механизм внешней инциденции I степени вклада к опоре нашел в немецком языке конкретное выражение в прилагательном, синтаксический способ оформления определения с помощью сложения основ двух существительных остался.

Во французском языке синтаксис в медицинском термине-словосочетании воспроизводит порядок слов, который был заимствован у своего прародителя — латинского языка. Процесс формирования словосочетания во французском языке может актуализоваться двумя путями: либо вклад значения прилагательного к опоре осуществляется в моменты незаконченной субстантивации, либо в постсубстантивацию, когда она уже завершена. В зависимости от того, захвачено ли прилагательное субстантивацией или нет, происходит изменение или сохранность его значения. В первом случае, участвуя в субстантивации, прилагательное изменяет свое значение квалификатива. Препозитивное прилагательное составляет вместе с существительным глобальное обозначение предмета или лица [Скрелина, Становая, 2012, с. 209], в результате чего может произойти лексикализация подобного рода: *grand homme, bonhomme, gentilhomme*. В двухэлементном медицинском термине прилагательное не должно вызвать никаких субъективных сдвигов в характере имени существительного. Существительное остается в статусе опоры, а прилагательное — в статусе внешней инциденции I степени к опоре:

Ductus choledochus — Canal biliaire;

Septum nasi — Septum nasal.

Изучение медицинского двухэлементного термина-словосочетания и факторов, определяющих его структуру, было проведено с использованием метода психосистематики, который дал возможность сопоставить лексические, морфологические и синтаксические структуры словосочетаний в четырех языках и выявить различия между ними. Сопоставление происходило на базе ментальной основы слово-

сочетания. Согласно Гумбольдту, на уровне внутренней формы, скрытой в подсознании, языки едины, как едина человеческая природа. То, что расхождения между языками и формой их воплощения в речи связаны с национальной формой речи-мысли, ментальностью, несомненно [Колесов, 2006, с. 586]. Об этом свидетельствует разная интерпретация в разных языках первого предложения Евангелия от Иоанна: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог* (Ин. 1:1) Греческое *Logos* воспринято через разные его предикаты: в латинском языке — как разум, как основа рассудочной деятельности, во французском языке — как степень и мера понимания, в немецком — как основание, в русском языке Слово Божье — как причина, первооснова всего.

Мы исходили из модели медицинского двухэлементного термина в латинском языке, рассматриваемого как оптимальный вариант, его синтаксическая структура дает зеркальное отображение ментальной: опора значения — вклад значения. Различия в репрезентации ментальной основы медицинского двухэлементного термина-словосочетания в современных языках объясняются расхождениями между национальными языковыми системами: тенденцией к точности во французском языке, склонностью к ясности в немецком языке, многоплановостью разноуровневых связей в русском языке.

Список источников

1. Арсеньева М. Г., Балашова С. П., Берков В. П., Соловьева Л. Н. Введение в германскую филологию : учеб. — М. : ГИС, 1998. — 314 с.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций : учеб. пособие. — 4-е изд., стер. — М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. — 163 с.
3. Воробьева О. И. Политический дискурс: семантика прилагательных. — Новосибирск : Академкнига, 2021. — 138 с.
4. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 224 с.
5. Жирмунский В. М. История немецкого языка. — М. : Изд-во лит. на ин. яз., 1956. — 387 с.
6. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. — СПб. : Петербургское востоковед., 2006. — 624 с.
7. Кузнецова Т. Я. Формирование медицинской латыни (когнитивно-дискурсивный подход) // Когнитивные исследования языка. — 2017. — Вып. 31, — С. 275–279.
8. Скрелина Л. М. Школа Гийома: психосистематика : учеб. пособие. — М. : Высш. шк., 2009. — 367 с.
9. Скрелина Л. М., Становая Л. А. Теоретическая грамматика французского языка : учеб. пособие. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. — 386 с.
10. Soutet O. La place de la psychosémiologie dans la théorie linguistique de Guillaume // Человек и его язык : материалы XX юбилейной Междунар. конф. — СПб. : Скифия, 2022. — С. 213–220.
11. Valin R. L'envers des mots: analyse psychomécanique du langage. — Québec : Les Presses de l'Université Laval, 1994. — 396 p.

References

1. Arsen'eva M. G., Balashova S. P., Berkov V. P., Solov'yova L. N. *Vvedenie v germanskuyu filologiyu: ucheb.* [Introduction to German philology: Textbook]. Moscow, GIS Publ., 1998, 314 p. (In Russian).
2. Boldyrev N. N. *Kognitivnaya semantika. Kurs lekcij: ucheb. posobie. 4-e izd., ster.* [Cognitive semantics. Lecture course in English philology: tutorial]. Moscow, Berlin, Direct-Media Publ., 2016, 163 p. (In Russian).
3. Vorobyova O. I. *Politicheskij diskurs: semantika prilagatel'nyh* [Political discourse: semantics of adjectives]. Novosibirsk, Akademkniga Publ., 2021, 138 p. (In Russian).
4. Guillaume G. *Principy teoreticheskoj lingvistiki* [Principles of theoretical linguistics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 224 p. (In Russian).
5. Zhirmunskij V. M. *Istoriya nemeckogo yazyka* [History of German]. Moscow, Foreign Languages Literature Publ., 1956, 387 p. (In Russian).
6. Kolesov V. V. *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* [Russian mentality in language and text]. Saint Petersburg, Petersburg Oriental studies Publ., 2006, 624 p. (In Russian).
7. Kuznetsova T. Ya. Cognitive-discursive approach to Latin medical vocabulary evolution. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language]. 2017, vol. 31, pp. 275–279. (In Russian).
8. Skrelina L. M. *Shkola Gijoma: psihosistematika: ucheb. posobie* [Guillaume's School: Psychosystematics: textbook]. Moscow, Higher School Publ., 2009, 367 p. (In Russian).
9. Skrelina L. M., Stanovaya L. A. *Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazyka: ucheb. posobie* [Theoretical grammar of the French language: textbook]. Saint Petersburg, RSPU named after A. I. Herzen Publ., 2012, 386 p. (In Russian).

10. Soutet O. La place de la psychosémiologie dans la théorie linguistique de Guillaume. *Chelovek i yego yazyk: materialy XX Mezdhdunar. konf.* [XX International Science Seminar named for L. M. Skrelina's “The Human and his language”]. Saint Petersburg, Skifia Publ., 2022, pp. 213–220. (In French).

11. Valin R. *L’envers des mots: analyse psychomécanique du langage*. Québec, Les Presses de l’Université Laval, 1994, 396 p.

Информация об авторах

Кузнецова Татьяна Яковлевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков и русского языка как иностранного Северного государственного медицинского университета.

Воробьева Ольга Ивановна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков и русского языка как иностранного Северного государственного медицинского университета.

Заиченко Лариса Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и русского языка как иностранного Северного государственного медицинского университета.

Information about the authors

Kuznetsova, Tatyana — doctor of philology, professor, professor of the Department of Foreign Languages and Russian as a Foreign Language of the Northern State Medical University.

Vorobyova, Olga — doctor of philology, professor, head of the Department of Foreign Languages and Russian as a Foreign Language of the Northern State Medical University.

Zaichenko, Larisa — candidate of philological sciences, associate professor of the Department of Foreign Languages and Russian as a Foreign Language of the Northern State Medical University.

Статья поступила в редакцию 08.11.2022;
одобрена после рецензирования 24.01.2023;
принята к публикации 24.01.2023.

Submitted 08.11.2022;
approved after reviewing 24.01.2023;
accepted for publication 24.01.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 59–67.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;1(64):59–67.

Научная статья
УДК 811.581.11
DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.007

Становление терминологического аппарата категории эвиденциальности в китайском языкознании

Ульяна Николаевна Решетнёва
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
ulresh@mail.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено изучению категории эвиденциальности в китайском языкознании. Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизировать опыт, накопленный китайскими учеными в данной области. Новизна заключается в выявлении подходов китайской лингвистики к определению категории эвиденциальности, ее статусу и видам. Цель статьи — определение своеобразия понятийно-терминологического аппарата категории эвиденциальности в китайской научной традиции. В результате обзорного исследования научных работ китайских ученых рассмотрено терминологическое разнообразие номинаций категории эвиденциальности, которое во многом обусловлено историей изучения категории и спецификой китайского языка, обобщены трактовки ее категориального статуса и установлены виды эвиденциальных значений. В статье делается вывод, что на современном этапе в китайской науке в целом сформирован понятийно-терминологический аппарат категории эвиденциальности, но вопросы, связанные с типологией ее видов, до настоящего времени носят полемический характер. Намечены перспективы дальнейшего исследования, которые видятся в изучении категории эвиденциальности китайского языка в дискурсивном пространстве.

Ключевые слова: китайский язык, категория эвиденциальности, терминологический аппарат; типология видов, эвиденциальные значения.

Для цитирования: Решетнёва У. Н. Становление терминологического аппарата категории эвиденциальности в китайском языкознании // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 59–67. DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.007.

Original article

Formation of the terminology of the evidentiality category in Chinese linguistics

Ulyana N. Reshetneva
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
ulresh@mail.ru

Abstract. The present research is concerned with the study of the evidentiality category in Chinese linguistics. The relevance of the study stems from the need to systematize the accumulated experience of Chinese scholars in this field. The novelty lies in identifying the approaches of Chinese linguistics to the definition of the category of evidentiality, its status and types. The aim of the article is to determine the peculiarity of the concepts and terminology of the evidentiality category in the Chinese scientific tradition. The survey research of scientific works of Chinese scholars showed the terminological diversity of the evidentiality category nominations, which is largely due to the history of its study and the specificity of the Chinese language. The author summarized the interpretations of its categorical status and identified types of evidentiality meanings. The article concludes that the Chinese science at the present stage, in general, has formed the concepts and terminology of the evidentiality category, but the issues related to the typology are so far polemical in nature. The article outlines the prospects for further research, which are seen in the study of the category of evidentiality in the Chinese language in the discursive space.

Keywords: Chinese Language, evidentiality category, terminology, typology, evidentiality meanings.

For citation: Reshetneva U. N. Formation of the terminological apparatus of the evidentiality category in Chinese linguistics. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 1(64):59–67. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.007.

Введение

В современном языкознании большое внимание уделяется новому лингвистическому явлению — категории эвиденциальности, которая понимается как указание на источник информации для говорящего.

© Решетнёва У. Н., 2023

Отечественные ученые интерпретируют ее «как область рамочных значений, представляющих собой указание на источник сведений» [Козинцева, 1994, с. 92]. Интерес к ней обусловлен антропоцентрическим фактором, решением вопроса о способе выражения средствами языка знаний об источнике информации.

В зарубежной лингвистике история изучения категории эвиденциальности восходит к трудам Ф. Боаса (1911), Р. Якобсона (1957), У. Чейфа и Дж. Николс (1986), Т. Уиллетта (1988), А. Айхенвальд (2003, 2004, 2018). В российской науке значимыми публикациями, посвященными изучению категории эвиденциальности, являются работы Н. А. Козинцевой (1994), И. А. Мельчука (1998), В. А. Плунгяна (2001, 2011), сборник статей под редакцией В. С. Храковского (2007).

В настоящее время при определенной освещенности российским научным сообществом вопросов, связанных с исследованием категории эвиденциальности на материале разных языков, в сфере китайского языка данное направление остается малоизученным. Аспекты этой категории рассматриваются лишь в рамках изучения перфекта китайского языка [Щварц, 2016]. Следует отметить, что область лингвистики, связанная с информацией и информированием, не осталась без внимания российской синологии. В трудах отечественных китаистов при исследовании публицистического и других стилей китайского языка ранее уже изучались вводные слова [Лытова, 2004] и глаголы информирования [Никитина, 2007] как указатели на источник информации, но без использования современной «эвиденциальной» терминологии.

На современном этапе проблема недостаточной изученности категории эвиденциальности китайского языка, в том числе ее терминологического аппарата, в отечественной науке стоит достаточно остро. Это указывает на *актуальность* нашей работы. Ее *новизна* состоит в том, что впервые в российской науке анализируется понятийно-терминологический аппарат категории эвиденциальности в китайском языкознании, систематизируются ее виды, используемые в китайских научных трудах. *Объект* исследования — категория эвиденциальности, *предмет* — ее понятийно-терминологический аппарат в трудах китайских исследователей. *Цель* — определение своеобразия понятийно-терминологического аппарата категории эвиденциальности в китайской научной традиции. Заявленная цель позволяет сформулировать *задачи* исследования: 1) установить терминологические номинации категории эвиденциальности в китайском языкознании; 2) проанализировать точки зрения китайских ученых на категориальный статус эвиденциальности; 3) выделить ее основные виды в трудах китайских исследователей. *Теоретической базой* исследования служат работы зарубежных и отечественных ученых в области категории эвиденциальности, в которых рассматриваются вопросы ее типологии и средств выражения: А. Айхенвальд, У. Чейфа, Н. А. Козинцевой, В. А. Плунгяна. *Материалом* для нашей статьи являются публикации китайских лингвистов, изучающих категорию эвиденциальности и особенности ее функционирования.

Являясь новым языковым явлением, категория эвиденциальности достаточно быстро становится популярным направлением лингвистических исследований в китайской науке. С начала ее изучения и до настоящего времени опубликовано большое количество монографий, научных статей и диссертационных исследований. Хотя в данной работе рассмотрены не все из них, в то же время сделана попытка учесть наиболее серьезные лингвистические труды, а также публикации последних лет, научная значимость которых порой может определиться лишь с течением времени. В статье дается краткий и далеко не исчерпывающий обзор их содержания. Работы китайских исследователей по возможности приводятся в хронологической последовательности, чтобы представить генезис научных взглядов.

Основные методы исследования — описательный, сопоставительный, типологический и таксономический. Их применение позволяет продемонстрировать разные аспекты исследуемой лингвистической категории, сделать выводы о сходстве и различии ее видов, проанализировать их классификацию. *Теоретическая значимость* статьи заключается в расширении представлений о категории эвиденциальности, способах ее номинаций и видах в китайской науке. На основе анализа лингвистических трудов уточнены и дополнены описания категории эвиденциальности китайского языка. *Практическая значимость* состоит в возможности использования результатов проведенного анализа при создании разделов теоретической грамматики и стилистики изучаемого языка, а также при исследовании категории эвиденциальности китайского языка в различных дискурсивных пространствах.

Степень изученности. В китайском языкознании история изучения категории эвиденциальности связана с работами Ху Чжуанлиня, который один из первых обратился к ее исследованию (1994). В своих трудах он обобщает результаты изысканий европейских ученых о новом языковом явлении и представляет свое видение эвиденциальных маркеров. Его работы по праву можно считать отправной точкой изучения категории эвиденциальности в китайской лингвистике. Позднее категория эвиденциальности привлекает внимание и других китайских лингвистов: Чжан Боцзяна (1997), Янь Чэньсуна (2000), Чжан Чэнфу и Юй Гуанъу (2003), Ню Баои (2005), Чжу Юншэна (2006), Фан Хунмэй (2006),

Лю Юня (2014), Юэ Яо (2014), Ду Цзясюань и Пань Цзяжуна (2022). С течением времени в китайской лингвистике расширяется круг вопросов, освещающих категорию эвиденциальности, приоритетными становятся ее дискурсивные и сопоставительные исследования. На современном этапе китайской наукой накоплен достаточно большой опыт исследования нового языкового явления. Подводя определенные его итоги, ученые в своих работах обобщают изученное предшественниками [吴晶晶 [У Цзинцзин], 2015, 146–147页], выделяют этапы научных изысканий категории эвиденциальности [周亚红, 茅慧 [Чжоу Яхун, Мао Хуэй], 2018, 111页], подчеркивают, что исследования категории эвиденциальности обладают высокой научной ценностью и достигли выдающихся результатов [李水, 辛平 [Ли Шуй, Синь Пин], 2020, 62页].

Основная часть

Подходы китайских ученых к определению и наименованию категории эвиденциальности

Анализ научных исследований указывает, что лингвистическая категория, именуемая evidentiality, в китайской науке трактуется с разных позиций. В рамках узкого подхода данная категория понимается как указание на источник информации/сведений для говорящего. В рамках широкого, помимо указания на источник информации, она также выражает отношение говорящего к этой информации. Именно такая трактовка категории эвиденциальности чаще всего манифестируется в трудах китайских лингвистов [张伯江 [Чжан Боцзян], 1997, 18页；房红梅 [Фан Хунмэй], 2006, 191页；刘云 [Лю Юнь], 2014, 325页；林馥嫌, 连小英 [Линь Фусянь, Лянь Сяоин], 2014, 53页；解晓珂 [Се Сяокэ], 2018, 85页]. В связи с этим в их публикациях анализируется взаимосвязь категории эвиденциальности и эпистемической модальности [张伯江 [Чжан Боцзян], 1997, 17页；张成福, 余光武 [Чжан Чэнфу, Юй Гуанъу], 2003, 51页 ；牛保义 [Ню Баои] 2005, 56页；房红梅 [Фан Хунмэй], 2006, 192页；乐耀 [Юэ Яо], 2014, 30页 ；王瑞杰, 刘建喜 [Ван Жуйцзе, Лю Цзяньси], 2018, 20页].

В настоящее время в китайской науке еще не существует единого варианта наименования категории эвиденциальности. В трудах китайских ученых используются его переводческие эквиваленты. В российской научной традиции также распространены разные термины для обозначения этого понятия: авторизация, заглазность, засвидетельствованность, инференциальность, очевидность, пересказывательность. В данной работе рассматривается терминологическое разнообразие номинаций нового лингвистического явления в китайском языкознании. Представленное в статье объединение китайских ученых, освещающих в своих трудах категорию эвидециальности, в группы весьма условно и далеко не полно, во многом связано с хронологией появления термина в науке. Первая группа исследователей категории эвиденциальности — Сунь Цзыхуэй (2007), Чжэн Цяньчжэнь (2015) — вслед за Ху Чжуанлинем в своих работах именует категорию эвиденциальности 可证性 — «доказательность» [胡壮麟 [Ху Чжуанлинь], 1994, 9页].

Другая группа ученых — Янь Чэньсун (2000), Чжан Чэнфу и Юй Гуанъу (2003), Лю Юнь (2014), Юэ Яо (2011, 2013, 2014) — в своих публикациях придерживается варианта 传信范畴 — «категория передачи информации», предложенного Чжан Боцзяном [张伯江 [Чжан Боцзян], 1997, 15页].

С течением времени в китайских исследованиях появляется еще один вариант номинации категории эвиденциальности 实据性 — «обоснованная доказательность». Большее распространение этот терминологический синоним получает после выхода статьи Ню Баои [牛保义 [Ню Баои], 2005, 53页] и находит свое применение в трудах ученых третьей группы — Чжоу Сяофэн, Ян Дань (2011), У Цзинцзин (2015).

Терминологические варианты названия категории эвиденциальности 示证 / 示证性 / 示证范畴 — «категория выражения доказательности» приобретают особую популярность после публикации Цзян Ди, в которой автор рассуждает о соотношении аспектуальности, эвиденциальности и эгоцентрической категории лхасского диалекта тибетского языка [江荻 [Цзян Ди] 2005, 71页]. В настоящее время данный термин наиболее частотен в статьях ученых четвертой группы, которая занимается исследованием национальных языков Китая и категорией эвиденциальности, куда входят в том числе Чжу Яньхуа (2012), Се Сяокэ (2018), Ду Цзясюань, Пань Цзяжун (2022). Обращает внимание особенность функционирования данной номинации категории эвиденциальности. Хотя 示证范畴 — «категория выражения доказательности» — чаще всего используется в статьях об особенностях национальных языков, в то же время некоторые ученые применяют данный термин при анализе эвиденциальности китайского языка

и в общетеоретических работах о категории эвиденциальности и эвиденциальных стратегиях разных языков [杜佳姮, 潘家荣 [Ду Цзясюань, Пань Цзяжун], 2022].

Наиболее популярным на современном этапе изучения категории эвиденциальности в китайской науке считается термин 言据性 — «доказательность речи» [周亚红，茅慧 [Чжоу Яхун, Мао Хуэй], 2018, 111页], который впервые встречается в публикации Фан Хунмэй [房红梅 [Фан Хунмэй], 2006, 191页] и далее используется в трудах еще одной, пятой группы ученых, среди них: Чжу Юншэна (2006), Лай Сяоюй (2009), Ван Тяньхуа (2010), Линь Фусянь и Лянь Сяоин (2014), Лай Яня (2017), Чжоу Яхун и Мао Хуэй (2018). Предпочтение выбора данного переводческого эквивалента Лай Сяоюй объясняет его семантикой: переводческий вариант 言据性 включает значение, которое можно выразить идиомой 言之有据 — «говорить обоснованно» [赖小玉 [Лай Сяоюй], 2009, 88页]. Об этом же пишет в своей статье Ван Тяньхуа. Ученый в более ранних публикациях использует вариант 可证性, а позднее применяет 言据性, объясняя изменение термина как раз значением указанной идиомы [王天华 [Ван Тяньхуа], 2010, 84页]. Отметим, что этот же фразеологизм использует Янь Чэньсун, характеризуя категорию эвиденциальности как 传信范畴 — «категорию передачи информации». Лингвист указывает, что в «китайской культуре есть утверждение “говорить обоснованно”, которое поясняет ответственность людей за истинность или ложность сказанного, нельзя бросаться словами» [严辰松 [Янь Чэньсун], 2000, 4页].

Обращает на себя внимание и тот факт, что по мере развития взглядов на новое лингвистическое явление исследователи используют разные терминологические синонимы, например, Ван Тяньхуа в рассмотренной ранее работе [王天华 [Ван Тяньхуа], 2010, 84页] и Сунь Цзыхуэй, который в одной из публикаций именует категорию эвиденциальности 可证性 [孙自挥 [Сунь Цзыхуэй], 2007], а в более поздней статье — 言据性 [孙自挥，陈渝 [Сунь Цзыхуэй, Чэнь Юй], 2010].

Трактовка категориального статуса эвиденциальности

Одним из актуальных вопросов современной лингвистической науки является трактовка типа категории эвиденциальности. Отечественные ученые обращают внимание на важность его решения и в зависимости от природы языка рассматривают ее как грамматическую, семантическую или семантико-прагматическую категорию [Кобрина, 2005, с. 87].

В трудах китайских исследователей можно увидеть все три похода к определению ее сущности. Одни ученые — Чжан Чэнфу и Юй Гуанъу, а также Ду Цзясюань и Пань Цзяжун — принимая во внимание концепцию А. Айхенвальд (2004, 2014, 2018), анализируют языки, обладающие граммемами эвиденциальности, поэтому в своих работах рассматривают эвиденциальность в ее классическом понимании как грамматическую категорию [张成福，余光武 [Чжан Чэнфу, Юй Гуанъу], 2003, 50页；杜佳姮, 潘家荣 [Ду Цзясюань, Пань Цзяжун], 2022, 45页]. Этой же точки зрения придерживаются, вслед за Х. Марин-Арресе (2015), Ван Жуйцзе и Лю Цзяньси [王瑞杰，刘建喜 [Ван Жуйцзе, Лю Цзяньси], 2018, 21页].

Часть лингвистов понимают категорию эвиденциальности как семантическую категорию. Янь Чэньсун проводит исследование на материале английского языка и считает ее семантической категорией [严辰松 [Янь Чэньсун], 2000, 4页]. Ван Тяньхуа рассматривает семантическую сферу категории эвиденциальности [王天华 [Ван Тяньхуа], 2010, 81页]. Юэ Яо указывает на ее прагматический характер [乐耀 [Юэ Яо], 2014, 28页]. Лай Сяоюй выявляет ее прагматические функции при изучении речевого общения на китайском языке [赖小玉 [Лай Сяоюй], 2009, 85页]. Лай Янь исследует эту же функцию в новостных репортажах [赖彦 [Лай Янь], 2017, 27页]. Ли Шуй и Синь Пин определяют категорию эвиденциальности как семантико-прагматическую категорию [李水，辛平 [Ли Шуй, Синь Пин], 2020, 63页].

Типология видов категории эвиденциальности

В российском научном сообществе выделяют прямую и косвенную эвиденциальность. При прямой эвиденциальности информация может быть получена через чувственное восприятие (зрительное, слуховое или основанное на общих ощущениях). В случае косвенной эвиденциальности информация основана на умозаключении (инференциальность) либо на сообщении другого лица (пересказывательность) [Козинцева, 1994, с. 93]. Существуют и другие типологии эвиденциальных значений [Плунгян, 2011, с. 349–358].

В китайском языкознании при характеристике данного вопроса подходы ученых к интерпретации видов категории эвиденциальности не менее разнообразны. Основоположник изучения категории в китайской науке Ху Чжуанлинь на основе модели У. Чейфа выделяет семь эвиденциалов 证素: убеждения 信念, индукция 归纳, слухи 传闻, дедукция 演绎, достоверность 信度, вербальные ресурсы 言语性资源

и ожидания 预期 [胡壮麟 [Ху Чжуанлинь], 1994, 22页]. В дальнейшем его последователи при изучении категории эвиденциальности в своих статьях рассматривают именно эти эвиденциалы [周晓凤，杨丹 [Чжоу Сяофэн, Ян Дань], 2011, 99页；郑倩贞 [Чжэн Цяньчжэнь], 2015, 67页]. Можно утверждать, что в китайской лингвистике сложилась своя традиция изучения категории эвиденциальности, которая восходит к трудам Ху Чжуанлиня.

Китайские ученые Чжан Чэнфу и Юй Гуанъу, анализируя категорию эвиденциальности 传信范畴, указывают четыре ее вида: зрительная эвиденциальность 眼见的, цитативность 引证的, инференциальность 推断的 и пересказывательность 转述的［张成福，余光武 [Чжан Чэнфу, Юй Гуанъу], 2003, 53页].

Немного другой позиции придерживается Лай Сяоюй, которая определяет три разновидности категории эвиденциальности: сенсорную 感知类 (sensory), инференциальность 推理类 (inferential) и слухи 传闻类 (hearsay) [赖小玉 [Лай Сяоюй], 2009, 86页].

Лю Юнь, рассматривая категорию эвиденциальности китайского языка, выделяет четыре источника информации 四种来源途径 категории эвиденциальности: визуальный 亲眼目睹 (visual), слухи 听说 (hearsay), репортативный 转述 (reported), инферентивный 推测 (inference) [刘云 [Лю Юнь], 2014, 325页].

Лингвисты Линь Фусянь и Лянь Сяоин указывают на шесть видов эвиденциалов 据素: слухи 传闻 (hearsay), убеждения 信念 (belief), индукция 归纳 (induction), дедукция 演绎 (deduction), надежность и речевой ресурс 信度 (reliability & verbal resource), ожидания 预期 (expectation). Помимо этих эвиденциалов, авторы рассматривают понятие «нулевой эвиденциал» 零据素 (zero evidential) [林馥嫌，连小英 [Линь Фусянь, Лянь Сяоин], 2014, 53页]. Ученые Линь Фусянь, Инь Сяобэй, анализируя врачебный дискурс, выделяют четыре вида эвиденциалов 据素: репортативные 转述, сенсорные 感官, убеждения 信念 и инферентивные 推测 [林馥嫌, 阴小蓓 [Линь Фусянь, Инь Сяобэй], 2020, 67页].

Лай Янь анализирует эвиденциальность в новостном дискурсе на основе подхода Т. Уиллетта, выделяя при этом прямые 直接言据 и косвенные 间接言据доказательства [赖彦 [Лай Янь], 2017, 27页].

Ван Жуйцзе и Лю Цзяньси считают, что эвиденциальность репрезентируется в двух видах: косвенно-инферентивная эвиденциальность 间接推断言据 (indirect-inferential evidence) и косвенно-репортативная эвиденциальность 间接报道言据 (indirect-reportative evidence) [王瑞杰，刘建喜 [Ван Жуйцзе, Лю Цзяньси], 2018, 21页].

Опираясь на работы А. Айхенвальд (2004, 2014, 2018), Ду Цзясюань и Пань Цзяжун рассматривают другие виды эвиденциальности: визуальная 视觉型, сенсорная 感官型, инферентив 推断型, предположение 假设型, пересказывательность 报道型, цитирование 引语型 [杜佳姮，潘家荣 [Ду Цзясюань, Пань Цзяжун], 2022, 45页].

Анализ публикаций китайских лингвистов показывает адаптацию воззрений зарубежных коллег на категорию эвиденциальности и их успешную интеграцию в научное пространство. В своих трудах китайские исследователи принимают во внимание точки зрения западных ученых либо предлагают свои авторские подходы при изучении природы и сущности категории эвиденциальности.

Выводы

Своеобразие понятийно-терминологического аппарата категории эвиденциальности китайского языка во многом обусловлено недолгой историей ее изучения и особенностями китайского языка. Хотя в трудах ученых бытуют авторские наименования категории эвиденциальности и подходы к анализу ее видов и средств репрезентации, в то же время можно утверждать, что в настоящее время в китайской науке в целом уже сформирован понятийно-терминологический аппарат этой категории. Точки зрения специалистов по определению понятия категории эвиденциальности, его объема и видов эвиденциальности демонстрируют единство с общемировыми эволюционными процессами изучения языковых явлений.

Среди китайских ученых наблюдается определенное единогласие, в большинстве своем они рассматирвают категорию эвиденциальности с позиций широкого подхода. Исследователи последовательно и успешно адаптируют западные концепции в рамках изучения категории эвиденциальности, которая, в зависимости от изучаемого языка и подхода к ее определению, понимается ими как грамматическая, семантическая или семантико-прагматическая категория. В то же время по ряду вопросов в области изучения данного лингвистического явления в научной среде еще существуют значительные расхождения. Категориальный статус эвиденциальности, типология ее видов — все это достаточно дискутируемые проблемы китайской лингвистики.

К специфике понятийно-терминологического аппарата категории эвиденциальности китайского языка относятся терминологическое многообразие, свободное бытование на современном этапе

переводческих эквивалентов термина evidentiality, выделение и использование определенного термина при описании эвиденциальности диалектов китайского языка, а также вариативность использования учеными разных терминов в своих работах. Перспективы дальнейшего исследования заключаются в детальном изучении средств выражения категории эвиденциальности и особенностей их функционирования в китайской языковой культуре.

Список источников

1. Кобрина О. А. Категория эвиденциальности: ее статус и формы выражения // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2005. — № 1 (004). — С. 86–98.
2. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. — 1994. — № 3. — С. 92–104.
3. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. — М. : РГГУ, 2011. — 672 с.
4. Лытова Г. А. Некоторые особенности употребления вводных слов китайского языка в художественных и публицистических текстах // Китайское языкознание. Изолирующие языки : XII Междунар. конф. — М., 2004. — С. 204–210.
5. Никитина Т. Н. Грамматика китайского публицистического текста : учеб. пособие. — СПб. : КАРО, 2007. — 224 с.
6. Шварц (Хорошкина) А. С. Показатели перфекта в современном китайском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. — 2016. — Т. 12, № 2. — С. 587–609.
7. 王瑞杰, 刘建喜. 英汉新闻语篇中认识立场策略的跨语言研究//山东外语教学. —2018年. —第39卷. —第4期. —19–29页 [Ван Жуйцзе, Лю Цзяньси. Кросс-лингвистическое исследование стратегий эпистемологической позиции в англоязычном и китайскоязычном новостных дискурсах // Обучение иностранным языкам в провинции Шаньдун. — 2018. — № 39 (04). — С. 19–29].
8. 王天华. 论言据性的语义范围//外语学刊. —2010年. —第1期. —总第152期. —81–84页 [Ван Тяньхуа. О семантической сфере категории эвиденциальности // Изучение иностранных языков. — 2010. — № 1 (152). — С. 81–84].
9. 杜佳姮, 潘家荣. 类型学视域下的示证研究//黔南民族师范学院学报. —2022年. —第42卷. —第3期. —44–48页 [Ду Цзясюань, Пань Цзяжун. Исследования эвиденциальности с точки зрения типологии // Вестник Цяньнаньского национального педагогического института. — 2022. — № 42 (3). — С. 44–48].
10. 赖小玉. 汉语言语交际的言据性研究//广东工业大学学报(社会科学版). —2009年. —第9卷. —第3期. —85–88页 [Лай Сяоюй. Изучение эвиденциальности речевого общения на китайском языке // Вестник Гуандунского технологического университета. Сер. общественных наук. — 2009. — № 9 (3). — С. 85–88].
11. 赖彦. 英汉新闻报道的言据性语用比较//浙江传媒学院学报. —2017年. —第24卷. —第5期. —27–31页 [Лай Янь. Сопоставление прагматического потенциала эвиденциальности в новостях на английском и китайском языках // Вестник Чжэцзянского института медиакоммуникаций. — 2017. — № 24 (5). — С. 27–31].
12. 李水, 辛平. 近十年现代汉语传信范畴研究综述//汉语学习. —2020年. —第4期. —62–75页 [Ли Шуй, Синь Пин. Обзор исследований категории эвиденциальности в китайском языке за последние десять лет // Изучение китайского языка. — 2020. — № 4. — С. 62–75].
13. 林馥嫌, 连小英. 英语广告言据性的人际功能分析//福建医科大学学报(社会科学版). —2014年. —第15卷. —第4期. —53–56页 [Линь Фусянь, Лянь Сяоин. Анализ интерперсональной функции категории эвиденциальности в англоязычной рекламе // Вестник Фуцзяньского медицинского университета. Сер. общественных наук. — 2014. — № 15 (4). — С. 53–56].
14. 林馥嫌, 阴小蓓. 医生话语中据素的人际功能探析//福建医科大学学报(社会科学版). —2020年. —第21卷. —第3期. —66–70页 [Линь Фусянь, Инь Сяобэй. Анализ интерперсональной функции эвиденциалов во врачебном дискурсе // Вестник Фуцзяньского медицинского университета. Сер. общественных наук. — 2020. — № 21 (03). — С. 66–70].
15. 刘云. 汉语传信范畴的功用及其表达//华中学术. —2014年. —第2期. —324–331页 [Лю Юнь. Функции категории эвиденциальности китайского языка и способы их выражения // Наука Центрального Китая. — 2014. — № 2. — С. 324–331].
16. 牛保义. 国外实据性理论研究//当代语言学. —2005年. —第7卷. —第1期. —53–61页 [Ню Баои. Зарубежные исследования теории эвиденциальности // Современное языкознание. — 2005. — № 7 (01). — С. 53–61].
17. 解晓珂. 拉祜语阿莱话的示证范畴//普洱学院学报. —2018年. —第34卷. —第4期. —85–90页 [Се Сяокэ. Категория эвиденциальности алайского диалекта языка лаху // Вестник Пуэрского института. — 2018. — № 34 (04). — С. 85–90].
18. 孙自挥. 科学语篇的可证性//修辞学习. —2007年. —第6期. (总144期). —31–35页 [Сунь Цзыхуэй. Эвиденциальность научного дискурса // Изучение стилистики. — 2007. — № 06. — С. 31–35].

19. 孙自挥, 陈渝. 大学生英语论文写作的言据性研究//西南交通大学学报(社会科学版). —2010年. —第11卷. —第5期. — 44－48页 [Сунь Цзыхуэй, Чэнь Юй. Изучение категории эвиденциальности в англоязычных выпускных квалификационных работах студентов // Вестник Юго-Западного университета путей сообщения. Общественные науки. — 2010. — № 11 (5). — С. 44–48].

20. 吴晶晶. 汉语实据性系统研究综述//科教导刊. —2015年. —第29期. —146－147页 [У Цзинцзин. Обзор исследований эвиденциальной системы китайского языка // Научно-образовательный журнал. — 2015. — № 29. — С. 146–147].

21. 房红梅. 言据性研究述评//现代外语(季刊). —2006年. —第29卷. —第2期. —191－196页 [Фан Хунмэй. Обзор исследований категории эвиденциальности // Современные иностранные языки. Ежеквартальное издание. — 2006. — № 29 (2). — С. 191–196].

22. 胡壮麟. 可证性，新闻报道和论辩语体//外语研究. —1994年. —第2期. (总40期). —22－28页 [Ху Чжуанлинь. Эвиденциальность, новостные сообщения и аргументативный стиль // Изучение иностранных языков. — 1994. — № 2 (40). — С. 22–28].

23. 江荻. 藏语拉萨话的体貌、示证及自我中心范畴//语言科学. —2005年. —第4卷. —第1期. (总第14期). —70－78页 [Цзян Ди. Аспектуальность, эвиденциальность и эгоцентрическая категория лхасского диалекта тибетского языка // Языкознание. — 2005. —№ 4 (1). — С. 70–88].

24. 张伯江. 认识观的语法表现//国外语言学. —1997年. —第2期. —15－19页 [Чжан Боцзян. Лингвистическое выражение эпистемологии // Зарубежная лингвистика. — 1997. — № 2. — С. 15–19].

25. 张成福, 余光武. 论汉语的传信表达——以插入语研究为例//语言科学. —2003年. —第2卷. —第3期(总第4期). —50－58页 [Чжан Чэнфу, Юй Гуанъу. О выражении эвиденциальности китайского языка на примере изучения вводных слов // Языкознание. — 2003. — № 2 (3). — С. 50–58].

26. 郑倩贞. BBC新闻网中新闻报道的可证性分析//青春岁月. —2015年. —第9期. —67－68页 [Чжэн Цяньчжэнь. Анализ эвиденциальности новостных сообщений информационного агентства BBC // Молодежь. — 2015. — № 9. — С. 67–68].

27. 周晓凤, 杨丹. 英语新闻语篇的实据性分析//长春师范大学学报：人文社会科学版. —2011年. —第30卷. —第3期. —98－101页 [Чжоу Сяофэн, Ян Дань. Анализ эвиденциальности англоязычного новостного дискурса // Вестник Чанчуньского педагогического университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». — 2011. — № 30 (3). — С. 98–101].

28. 周亚红，茅慧. 国内言据性研究的可视化分析 // 哈尔滨学院学报. —2018年. —第39卷. —第5期. —110－113页 [Чжоу Яхун, Мао Хуэй. Визуальный анализ отечественных исследований эвиденциальности // Вестник Харбинского университета. — 2018. — № 39 (5). — С. 110–113].

29. 乐耀. 现代汉语传信范畴的性质和概貌//语文研究. —2014年. —第2期. (总第131期)—27－34页 [Юэ Яо. Статус и общая характеристика категории эвиденциальности современного китайского языка // Лингвистические исследования. — 2014. — № 2 (131). — С. 27–34].

30. 严辰松. 语言如何表达“言之有据”：传信范畴浅说//解放军外国语学院学报. —2000年. —第23卷. —第1期. —4－7页 [Янь Чэньсун. Как язык выражает категорию «говорить истину»: краткие сведения о категории эвиденциальности // Вестник университета иностранных языков НОАК. — 2000. — № 23 (1). — С. 4–7].

References

1. Kobrina O. A. Category of Evidentiality: Its Status and Forms of Expression. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. 2005, no. 1 (004), pp. 86–98. (In Russian).

2. Kozintseva N. A. The Category of Evidentiality (problems of typological analysis). *Voprosy Yazykoznanija* [Topics in the study of language]. 1994, vol. 3, pp. 92–104. (In Russian).

3. Plungyan V. A. *Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of world languages]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2011, 672 p. (In Russian).

4. Lytova G. A. Some peculiarities of the use of parenthetical words of the Chinese language in fiction and publicistic texts. *Kitayskoye yazykoznaniye. Izoliruyushchiye yazyki: XII Mezhdunarodnaya konferenciya* [Chinese Linguistics. Isolating languages: 12th Intern. Conf.], Moscow, 2004, pp. 204–210. (In Russian).

5. Nikitina T. N. *Grammatika kitayskogo publitsisticheskogo teksta.* [Grammar of Chinese publicistic text]. Saint Petersburg, KARO Publ., 2007, 224 p. (In Russian).

6. Shvarts (Khoroshkina) A. S. Indicators of the Perfect in Modern Chinese. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudi instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research]. 2016, vol. 12, no. 2, pp. 587–609. (In Russian).

7. 王瑞杰, 刘建喜. 英汉新闻语篇中认识立场策略的跨语言研究. 山东外语教学. 2018年. 第39卷. 第4期. 19－29页 [Wang Ruijie, Liu Jianxi. A Cross-linguistic Study of Epistemic Stance Strategies in Journalistic Discourse in English and Chinese. *Shandong Foreign Language Teaching*. 2018, vol. 39, no. 4, pp. 19–29]. (In Chinese).

8. 王天华. 论言据性的语义范围. 外语学刊. 2010年. 第1期. 总第152期. 81－84页 [Wang Tianhua. On the Semantic Domain of Evidentiality. *Foreign Language Research*. 2010, no. 1 (152), pp. 81–84]. (In Chinese).

9. 杜佳姮, 潘家荣. 类型学视域下的示证研究. 黔南民族师范学院学报. 2022年. 第42卷. 第3期. 44－48页 [Du Jiaxuan, Pan Jiarong. Research on Evidentiality from the Perspective of Linguistic Typology. *Journal of Qiannan Normal University for Nationalities*. 2022, vol. 42, no. 3, pp. 44–48]. (In Chinese).

10. 赖小玉. 汉语言语交际的言据性研究. 广东工业大学学报（社会科学版）. 2009年. 第9卷. 第3期. 85－88页 [Lai Xiaoyu. Evidentiality in Chinese Verbal Communication. *Journal of Guangdong University of Technology (Social Sciences Edition)*. 2009, vol. 9, no. 3, pp. 85–88]. (In Chinese).

11. 赖彦. 英汉新闻报道的言据性语用比较. 浙江传媒学院学报. 2017年. 第24卷. 第5期. 27－31页 [Lai Yan. Comparing the Pragmatic Potential of Evidentiality in English and Chinese News. *Journal of Zhejiang University of Media and Communications*. 2017, vol. 24, no. 5, pp. 27–31]. (In Chinese).

12. 李水, 辛平. 近十年现代汉语传信范畴研究综述. 汉语学习. 2020年. 第4期. 62－75页 [Li Shui, Xin Ping. A Review of Studies on Evidentiality in Recent Ten Years. *Chinese Language Learning*. 2020, no. 4, pp. 62–75]. (In Chinese).

13. 林馥嫌, 连小英. 英语广告言据性的人际功能分析. 福建医科大学学报（社会科学版）. 2014年. 第15卷. 第4期. 53－56页 [Lin Fuxian, Lian Xiaoying. Analysis of the interpersonal function of the evidentiality category in English-language advertising. *Journal of Fujian Medical University (Social Science Edition)*. 2014, vo1. 15, no. 4, pp. 53–56]. (In Chinese).

14. 林馥嫌, 阴小蓓. 医生话语中据素的人际功能探析. 福建医科大学学报（社会科学版）. 2020年. 第21卷. 第3期. 66－70页 [Lin Fuxian, Yin Xiaobei. Analysis of the interpersonal function of evidentials in medical discourse. *Journal of Fujian Medical University (Social Science Edition)*. 2020, vol. 21, no. 3, pp. 66–70]. (In Chinese).

15. 刘云. 汉语传信范畴的功用及其表达. 华中学术. 2014年. 第2期. 324－331页 [Liu Yun. The Functions of the Evidentiality Category of the Chinese Language and the Ways of Their Expression. *Central China Academics*. 2014, no. 2, pp. 324–331]. (In Chinese).

16. 牛保义. 国外实据性理论研究//当代语言学. 2005年. 第7卷. 第1期. 53－61页 [Niu Baoyi. Foreign Research on Evidentiality Theory. *Contemporary Linguistics*. 2005, vol. 7, no. 1, pp. 53–61]. (In Chinese).

17. 解晓珂. 拉祜语阿莱话的示证范畴. 普洱学院学报. 2018年. 第34卷. 第4期. 85－90页 [Xie Xiaoke. Evidentiality in Lahu Language Alai dialect. *Journal of Puer University*. 2018, vol. 34, no. 4, pp. 85–90]. (In Chinese).

18. 孙自挥. 科学语篇的可证性. 修辞学习. 2007年. 第6期.（总144期）. 31－35页 [Zihui. The Evidentiality of Scientific Discourse. *Studies in Stylistics*. 2007, no. 6, pp. 31–35]. (In Chinese).

19. 孙自挥, 陈渝. 大学生英语论文写作的言据性研究. 西南交通大学学报（社会科学版）. 2010年. 第11卷. 第5期. 44－48页 [Sun Zihui, Chen Yu. A Study of Evidentiality in English Theses by Chinese University Students. *Journal of Southwest Jiaotong University (Social Sciences)*. 2010, vol. 11, no. 5, pp. 44–48]. (In Chinese).

20. 吴晶晶. 汉语实据性系统研究综述. 科教导刊. 2015年. 第29期. 146－147页 [Wu Jingjing. Research on the System of Chinese Evidentiality Theory. *The Guide of Science & Education*. 2015, no. 29, pp. 146–147]. (In Chinese).

21. 房红梅. 言据性研究述评//现代外语（季刊）. 2006年. 第29卷. 第2期. 191－196页 [Fang Hongmei. Review of Evidentiality Research. *Modem Foreign Languages (Quarterly)*. 2006, vol. 29, no. 2, pp. 191–196]. (In Chinese).

22. 胡壮麟. 可证性，新闻报道和论辩语体. 外语研究. 1994年. 第2期.（总40期）. 22－28页 [Hu Zhuanglin. Evidentiality, reporting and argumentation. *Foreign Languages Studies*. 1994, no. 2 (40), pp. 22–28]. (In Chinese).

23. 江荻. 藏语拉萨话的体貌、示证及自我中心范畴. 语言科学. 2005年. 第4卷. 第1期（总第14期）. 70－78页 [Jiang Di. Aspect, evidentiality and egocentricity in Lhasa Tibetan. *Linguistic Sciences*. 2005, vol. 4, no. 1, pp. 70–88]. (In Chinese).

24. 张伯江. 认识观的语法表现. 国外语言学. 1997年. 第2期. 15－19页 [Zhang Bojiang. The grammatical representations of epistemology. *Foreign Linguistics*. 1997, no. 2, pp. 15–19]. (In Chinese).

25. 张成福, 余光武. 论汉语的传信表达——以插入语研究为例. 语言科学. 2003年. 第2卷. 第3期（总第4期）. 50－58页 [Zhang Chengfu, Yu Guangwu. On Evidentiality in Mandarin Chinese: with Parenthticals as an Illustration. *Linguistic Sciences*. 2003, vol. 2, no. 3, pp. 50–58]. (In Chinese).

26. 郑倩贞. BBC新闻网中新闻报道的可证性分析. 青春岁月. 2015年. 第9期. 67－68页 [Zheng Qianzhen. Evidentiality analysis in news reports of the BBC News Agency. *Youth Years*. 2015, vol. 9, pp. 67–68]. (In Chinese).

27. 周晓凤, 杨丹. 英语新闻语篇的实据性分析. 长春师范大学学报：人文社会科学版. 2011年. 第30卷. 第3期. 98－101页 [Zhou Xiaofeng, Yang Dan. On theEvidentiality of English News. *Journal of Changchun Normal University (Humanities and Social Sciences)*. 2011, vol. 30, no. 3, pp. 98–101]. (In Chinese).

28. 周亚红，茅慧. 国内言据性研究的可视化分析. 哈尔滨学院学报. 2018年. 第39卷. 第5期. 110－113页 [Zhou Yahong, Mao Hui. A Visualized Analysis on the Evidentiality Study in China. *Journal of Harbin University*. 2018, vol. 39, no. 5, pp. 110–113]. (In Chinese).

29. 乐耀. 现代汉语传信范畴的性质和概貌. 语文研究. 2014年. 第2期（总第131期）. 27－34页 [General characteristic and nature of the evidentiality category of modern Chinese. *Language study*. 2014, no. 2 (131), pp. 27–34]. (In Chinese).

30. 严辰松. 语言如何表达“言之有据”: 传信范畴浅说. 解放军外国语学院学报. 2000年. 第23卷. 第1期. 4–7页 [Yan Chensong. Evidentials and Evidentiality in English. *Journal of PLA University of Foreign Languages*. 2000, vol. 23, no. 1, pp. 4–7]. (In Chinese).

Информация об авторе

Решетнёва Ульяна Николаевна — кандидат филологических наук, доцент Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Information about the author

Reshetneva, Uliana — candidate of philology, associate professor at the Higher School of International Relations, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023;
одобрена после рецензирования 03.02.2023;
принята к публикации 03.02.2023.

Submitted 26.01.2023;
approved after reviewing 03.02.2023;
accepted for publication 03.02.2023.

РАЗДЕЛ III

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 68–77.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;1(64):68–77.

Научная статья
УДК 82-31, 81-25
DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.008

Текстуры как средство достижения адекватности перевода

Сергей Владимирович Лобанов
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия
s.lobanov@365.rsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема перевода художественного текста, автор которого достаточно строго придерживается определенной техники создания произведения. Цель статьи — проиллюстрировать вариант применения такой техники при переводе на русский язык, выявить суть приемов, к которым прибегает писатель. Американский писатель Чак Паланик предлагает метод «микширования текстур» для художественного литературного творчества. О творческом методе Паланика написано немало научных статей, но в данной публикации впервые рассматривается применение метода текстур в том виде, в котором он сформулирован самим автором и закреплен в трактате Consider This. Актуальность статьи видится в предлагаемых в ней конкретных рекомендациях по переводу новых произведений писателя и переосознанию уже опубликованных. В статье рассматривается потенциал использования элементов метода микширования текстур для перевода других авторов.

Ключевые слова: Чак Паланик, художественная литература, постмодернизм, рекомендации по писательскому мастерству, микширование, типы коммуникации, повествование от лица, слова автора, прямая речь, социальная модель поведения, характерологическая функция, звукоподражание.

Для цитирования: Лобанов С. В. Текстуры как средство достижения адекватности перевода // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 68–77. DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.008.

Original article

Textures as a means to achieve adequacy in translation

Sergey V. Lobanov
Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia
s.lobanov@365.rsu.edu.ru

Abstract. The article considers the problem of belles-lettres style text translation, chiefly of post-modern origin. The object of the consideration is Chuck Palahniuk's prose. As is widely agreed, the author has developed a certain original method of fiction writing and follows this method. Part of the writer's method is "mixing textures" — a term Palahniuk borrowed from DJs' argot. The author extensively resorts to music terminology, thus explaining certain musical, dynamic and rhythmical quality of his writing style. The article aims to illustrate the device of mixing textures as applied in translator's work. This article is a first attempt to treat the author's text after Palahniuk's "coming out" with Consider This, an autobiographic treatise of his writing career.

Keywords: Chuck Palahniuk, fiction literature, post-modern literature, writing workshop, mixing textures, types of communication, attribution, direct speech, social model, onomatopoeia.

For citation: Lobanov S. V. Textures as a means to achieve adequacy in translation. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 1(64):68–77. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.008.

© Лобанов С. В., 2023

Часть первая, не совсем филологическая

Language is not our first language

Трудно сказать, какой автор для переводчика удобнее: затворник, о творческих методах и мотивах создания произведений которого можно судить лишь по его текстам, либо «светский лев», обильно комментирующий свои собственные книги в дискурсе существующего «фэндома».

К переводу первого можно подойти с феноменологической точки зрения и, проанализировав текст per se, выработать собственный метод перевода. Тогда можно упрекнуть переводчика за незамеченную цитату там, нераспознанную аллюзию тут, но в отсутствии инструкции, пояснений от автора о том, как конкретно интерпретировать текст, мнение одного переводчика против мнения другого — лишь слова без доказательной базы. Подобного рода трудности вызывает работа, в частности, над постмодернистскими текстами, где лингвистический перевод вообще может не привести к основной цели — вызвать у реципиента то же психоэмоциональное и когнитивное состояние, что и текст оригинала у носителя языка и культуры. Поэтому переводов Р. Бротигана, Т. Пинчона и Дж. Джойса — сколь эклектично ни выглядело бы такое соседство — может быть множество, а эквивалентности от любого из них ожидать крайне трудно. В качестве иллюстрации — небольшой отрывок из романа Т. Пинчона в двух разных переводах:

«Но Марго, — с напором, — я только что от комиссара Вестона. Старика в комнате смеха прихлопнули из того же духового ружья, что и профессора Квокенбуша, — или что-то в этом роде» [Пинчон].

«Марго, — серьезно прервал он, — я только что побывал у комиссара Уэстона, старика завалили прямо в их дурдоме, причем пугач тот самый, из которого шлепнули профессора Квакенбуша. — И понес что-то в этом роде» [Пинчон, 2009, с. 3].

Оба варианта — переводы следующего текста:

“ ‘But Margo,’ earnestly, ‘I’ve just come from Commissioner Weston, and that old man in the fun house was murdered by the same blowgun that killed Professor Quackenbush,’ or something.” [Pynchon, 1996, p. 3].

В первую очередь обращает на себя внимание лексическая «разнузданность» обоих переводчиков — *прихлопнули, завалили, шлепнули, дурдом, пугач*, которые отсутствуют в английском тексте. Даже невинное *старик*, которое вполне могло бы быть *пожилым человеком*, получает свою дозу «стилистической радиации» от окружающего контекста и приобретает, вероятно, не совсем заслуженную коннотацию. На фоне этой приниженной лексики теряются, становятся незаметны неточности перевода: *blowgun* — духовая трубка, а не *ружье* и тем более не *пугач*; *funhouse* — не *дурдом*, и в английском имеет более расширенное значение, нежели *комната смеха*. Желание переводчиков сделать текст смешным понятно: Пинчон пишет хоть и не весело, но смешно. Однако смешно здесь вовсе не от высокой концентрации разговорной лексики, а от аллюзий на персонажей американской комической и детективной киноклассики из фильма и сериалов A Day at the Races, The Shadow, The Three Stooges. Имена героев частично изменены (Margo, Quackenbush вместо Margot, Hackenbush), некоторые сюжетные линии экранизаций упомянуты односложно (fun house, blowgun), но для носителя языка и культуры это делает текст лишь забавнее и бросает читателю некий интеллектуальный вызов. Правда, для читателя вне пределов культуры смысл (но, увы, не психоэмоциональное состояние от прочтения) становится доступным лишь после знакомства со специальным литературоведческим исследованием [Grant]. В итоге перед читателем смысл текста на русском языке, в котором переведены все слова, понятен, однако цель употребления слов не ясна, а знакомства со стилем автора не происходит.

С другой стороны, переводя тексты автора, который сам любит комментировать и пояснять плоды собственного творчества, приходится столкнуться с рядом ограничений, так как автор может создать целый дискурс, метатекст, предписывающий сохранять определенные структурные элементы текста или соблюдать некий системный ритуал, следование которому способствует или может даже обеспечивать эквивалентность восприятия текста перевода тексту оригинала.

Чак Паланик относится, скорее, к последнему, второму типу, а потому представляет определенный научный интерес для переводчика-филолога. Писатель всегда щедро делился секретами мастерства, но особенной ценностью в этом смысле обладает вышедший в 2020 году трактат-исповедь Consider This — монологическая беседа с начинающим литератором. Цель данной статьи — продемонстрировать и раскрыть суть систематизированных приемов, к которым прибегает писатель, и проиллюстрировать вариант их применения в русском переводе.

Паланик предлагает рассматривать художественное повествование как поток информации. Понятие «потока» писатель — с присущей ему образностью — уподобляет музыке, и литературное произведение в его представлении — это последовательность сменяющих друг друга ритмических рисунков

(ever changing series of rhythms). Автор произведения уподоблен не композитору и не исполнителю, а диджею, миксующему аудиодорожки. Сравнение интересное, поскольку Паланик описывает не процесс создания живой музыки, а музыки уже записанной (“records you have to spin”) на пластинки, то есть пользуется образом, указывающим на постмодернистский характер литературного произведения, созданию которого Паланик обучает. Переводчик — не писатель, советы писателя по созданию произведения рассчитаны не совсем на нас, однако, поскольку Паланик обучает созданию текста на разных уровнях — от фонетического до сверхфразового — не стоит игнорировать подсказки автора. Что если, прислушавшись к ним, удастся хотя бы отчасти познакомить читателя со стилем автора, не прибегая к компенсации средствами, которых в оригинале нет? Что если эти подсказки помогут «сохранить легкость общения между автором и читателем, но уже в другой культуре»? [Колкер, 2011, с. 3].

Чтобы выполнить задание автора, необходимо разобраться, что за «ритмы» имеет в виду Паланик.

В книге Making Music [DeSantis] в качестве основной парадигмы структурных элементов музыкального произведения предлагаются три основных: verse, chorus, bridge. Это названия отличающихся мелодией, гармонией или ритмом структурных элементов музыкального произведения. В других источниках можно встретить и более расширенную номенклатуру таких элементов. Например, если обратиться к практике музыкальной аранжировки и микширования, можно обнаружить, что в меню виртуальной драм-машины EZ Drummer 2 (Toontrack©) ритмические рисунки, или «паттерны», поделены на семь основных видов: intro, verse, pre-chorus, chorus, bridge, fill и ending. Поскольку эти наименования не являются терминологической лексикой, трудно утверждать, что некоторые из них не совпадают по функции с названиями, встречающимися в другой музыкальной литературе или в профессиональном арго звукорежиссеров и композиторов: refrain, hook, post-chorus, conclusion, outro, elision, instrumental solo, ad lib, coda. Каждый из музыкальных отрывков, соответствующий указанным номенклатурным наименованиям, предположительно является самостоятельным мини-произведением. Однако в синтагматической, или, если пользоваться музыкальной терминологией, секвенсорной последовательности каждый из них выполняет свою функцию в том общем музыкальном произведении, частями которого все они являются.

Итак, перед нами — парадигма элементов от intro до outro. Они обладают конкретным акустическим содержанием, темпом, продолжительностью, громкостью, сменой тональности и всеми остальными возможными физическими параметрами создания музыкального произведения. И эти же элементы соединяются в линейную последовательность. Художественная ценность каждого элемента-«паттерна» и всей секвенции в целом определяют, насколько, по выражению Паланика, автор-«диджей» сможет “keep… audience dancing” [Palahniuk, 2020a, p. 17].

Применительно к реципиенту художественного текста это, вероятно, значит: насколько смена паттернов-текстур в тексте увлечет читателя, как долго тот не выпустит книгу из рук. Обращаясь к воображаемому ученику — начинающему писателю — автор предлагает тому завладеть вниманием читателя, постоянно меняя “textures of information” [Palahniuk, 2020a, p. 17]. Поскольку далее автор везде называет их просто “textures”, так поступим и мы. Под такими «текстурами» автор имеет в виду различные (как языковые, так и экстралингвистические) средства управления вниманием читателя: “...tricks to control the mood. To calm it down to a lull. Then to raise it to a crescendo. But to always keep changing, varying, evolving the stream of information so it seems fresh and immediate and keeps the reader hooked.” [Ibid.] («...средства управления настроением. Чтобы, усыпив внимание, убаюкать читателя. И вдруг взвиться в крещендо. Но непременно менять, переключать, обновлять информационный поток, чтобы тот выглядел свежо и актуально, чтобы цеплял читателя» (пер. наш. — *С. Л.*). Примечательно, что, объективно оценивая свой литературный дар, Чак Паланик рассматривает собственный художественный текст как «поток информации». Вероятно, это следствие настойчивой самоидентификации автора в первую очередь как журналиста, о чем шла речь в предыдущей статье об особенностях перевода Чака Паланика [Лобанов, 2022].

В качестве таких постоянно переключающихся средств управления автор предлагает следующие:

1) три типа коммуникации (описание, наставление, восклицание);

2) повествование от первого, второго и третьего лица;

3) громкий (субъективный) и тихий (объективный) голос, или, как автор называет эти голоса, буквально «большой» и «маленький»;

4) слова автора при введении прямой речи;

5) создание и повтор ключевых фраз;

6) вербализация течения времени;

7) создание списков предметов;

8) создание социальных ритуалов и моделей поведения;

9) использование прямой и косвенной речи для варьирования черт характера и поступков героев.

Может показаться, что автор предлагает некий механистический способ создания художественного произведения. Однако внимательное прочтение The Invention of Sound, как и других романов Паланика, показывает, что обозначенные текстуры редко применяются обособленно. Воспринимать их как отдельно заготовленные «ингредиенты» для создания рецепта романа не стоит. Более того, максимального художественного эффекта автор достигает, варьируя комбинации этих текстур. В частности, создание разных социальных ритуалов комбинируется с ключевыми фразами для усиления связности и цельности текста. Некоторые из текстур (например, «списки») уже были рассмотрены в предыдущей статье. Поэтому цель данного исследования — рассмотреть не столько отдельные указанные выше текстуры, сколько проанализировать конкретные случаи реализации эффекта «микширования» при их помощи.

Как известно, чтобы соблюсти близость к исходному тексту, при переводе иногда нужно от него отступить. Однако нарушение границ текстур или вовсе несоблюдение их наличия при переводе автора, который провозглашает таковые краеугольными, основополагающими элементами стиля, может создать у читателя неверное представление о том, что он «читал Паланика». Поэтому рассмотрим конкретные случаи применения текстур в переводе как средство сохранения авторского стиля.

Часть вторая: переводческие аспекты микширования текстур как средства овладения вниманием читателя

Your overseas translators will adore you
for using concrete verbs.

1. При создании художественного произведения автор прибегает к трем видам, или, как он их называет, типам коммуникации — описанию, наставлению и восклицанию. Не будучи лингвистом, Паланик не уточняет, что имеет в виду различные частные формы грамматической категории наклонения, но, вероятнее всего, под текстурой «тип коммуникации» подразумевает именно их. Смешение этих текстур придает тексту естественность, погружает в доверительный диалог автора или героя с читателем:

“The figure on the gurney, covered completely and strapped down, it looked small. A woman, Mitzi guessed. ...It could cook a person down like that. Like mummification. Desiccation. The other residents would know who.” [Palahniuk 2020b, p. 11].

«Тельце на каталке было накрыто и пристегнуто ремнями. Женщина, подумала Митци. ...Человека легко могло упарить, вроде как мумифицировать, обезводить, иссушить. Кто там, под ремнями? Соседи знают» [Паланик, 2022, с. 16].

Модальность *would know* из примера выше можно передать разными способами, в том числе и модальным глаголом на русском языке. Но общее частое несовпадение значений и значимости модальных глаголов в русском и английском нередко заставляют искать обходные пути перевода достаточно эмоционального в данном случае *would*. Учитывая предложение Паланика «микшировать» способы передачи информации, представляется удачным выразить модальность при помощи смены наклонения: вопрос «Кто там, под ремнями?» с точки зрения реципиента-читателя вполне можно рассматривать как императивное требование-наставление «узнай!», «посмотри!».

Кроме того, наставление, или обращение во втором лице, разрушает четвертую стену, приближает автора к читателю. Смена обращенности, переход от повествования в третьем лице к инструктированию-назиданию во втором создает напряжение, так как на какое-то время уводит читателя от повествования:

“She’d tried it once, Mitzi had, the Fontaine Method. ...The soft belt of a terry cloth bathrobe worked well. With one end tied to the knob a person tossed the rest of the belt over the top of the door and fashioned it into a noose. You stood on a chair, kicked the chair aside, and performed your gibbet dance against the door’s smooth, painted surface.” [Palahniuk, 2020b, p. 12].

«Митци и сама как-то попробовала “уйти по-Фонтейновски”. ...Тут прекрасно подходит мягкий поясок махрового халата. Один конец — к ручке, другой перекидываешь через дверку, мастеришь петельку. Забираешься на стул, даешь ему хорошего пинка и пляшешь сарабанду на гладкой поверхности крашеной двери» [Паланик, 2022, с. 17].

В примере выше описывается способ самоубийства через повешенье. Автор переключается между лицами в повествовании: *she’d tried — a person tossed — you stood*, придавая действию то конкретику (*she*), то обезличивая действие (*a person*), то вовлекая читателя в последний акт человеческой драмы (*you stood*). Такая смена текстур провоцирует переводчика на подобное же переключение: *Митци... попробовала — тут... подходит — забираешься ... даешь... и пляшешь*.

К восклицаниям Паланик относит любые эмотивно окрашенные языковые единицы, выбивающиеся из синтаксической структуры предложения. Это могут быть и значимые слова, и ономатопоические:

sigh, voila, pow-pow, skreeeeech!, vrooooom! Восклицание прерывает сплошной информационный поток описания или повествования, срабатывая своеобразным звуковым эффектом:

"Something popped inside her head, a popping sound, and blood flooded her mouth. But instead of her backbone, her nose had broken against the floor." [Palahniuk, 2020b, p. 62].

«Что-то лопнуло в голове. Раздалось — чпок! — и рот наполнился кровью. Сломался не хребет, сломался нос» [Паланик, 2022, с. 75].

В примере выше в оригинальном тексте нет звукоподражания, в переводе подобная вольность допущена. В качестве объяснения остается привести рекомендацию автора по созданию текста в его стиле: "Three parts description. Two parts instruction. One part onomatopoeia. Mix to taste." [Palahniuk, 2020a, p. 18].

2. Повествование от первого, второго и третьего лица.

Повествование от первого лица налагает ответственность за все происходящее на автора и в то же время ограничивает информацию только сведениями от автора. При повествовании от третьего лица в тексте появляется некто всесильный и всезнающий. Повествование от второго лица может как «гипнотизировать» обращением к читателю и разрушением четвертой стены, так и раздражать постоянным вовлечением в действие. Следует заметить, что способность «раздражать читателя» — не всегда отрицательное свойство текста. У рассматриваемого автора это становится художественным приемом.

Паланик утверждает, что текст, в котором присутствуют все три лица, в конечном итоге выглядит текстом от первого. В следующем примере повествование ведется от третьего лица, текст насыщен местоимениями *he, her, she, they*, один из героев назван автором по имени:

" 'You remember my guinea pig?'

He poked around in his memory the way a person feels for a light switch inside the doorway of a dark room. Foster brightened. 'Ringo.'

Concern clouded her face. 'Rufus,' she corrected. Right again. They drove in silence for a few blocks." [Palahniuk, 2020b, p. 58].

«— А помнишь мою морскую свинку?

Беспорядочно тыча и шаря в памяти, словно в поисках выключателя на пороге темной комнаты, Фостер брякнул:

— Ринго!

— Руфус, — озабоченно поправила девушка.

И ведь опять верно!.. Несколько перекрестков проехали в полной тишине» [Паланик, 2022, с. 71].

Одна короткая безличная реплика *right again* формально принадлежит автору, но звучит эмоционально, нервно. Ее в сердцах мог бы отпустить человек, теряющий инициативу в разговоре и утрачивающий воспоминания о безвозвратных и дорогих ему событиях. Поэтому в переводе использован восклицательный знак с многоточием. Есть ощущение, что такая пунктуация придает силы голосу первого лица, а значит, и весь эпизод звучит словно от лица героя.

Комбинация же второго и третьего лиц маскирует, скрывает повествователя [Palahniuk, 2020a, p. 19].

3. Аудитивное восприятие художественного текста — характерная черта писательского метода Паланика. И даже такую логическую дихотомию, как «субъективное vs объективное» в произведении, автор представляет с точки зрения восприятия звуков, называя объективное "little voice" и противопоставляя этот «голос» субъективному, тому, что он называет "big voice". «Тихим голосом» (little voice) сообщаются факты, передается чувственное восприятие — запах, звук, вкус, рисуется картинка. «Громким» (big) даются оценки, проводятся рассуждения, отпускаются комментарии [Palahniuk, 2020a, p. 20].

Интересного эффекта автор добивается, когда, подобно диск-жокею, смешивает эти «голоса». В следующем примере авторское воображение путем физических манипуляций впускает потусторонний мир в мир реальный:

"The smoke shifted, swirled and eddied in the small room like so many ghosts. A bitter smell. Legions of lost souls crowding around them. Mitzi tried not to inhale." [Palahniuk, 2020b, p. 54].

«Дым струился, клубился, вихрился по комнате, как сонмище призраков. Пахло горечью. Легионы потерянных душ толпились вокруг. Митци изо всех сил старалась не дышать» [Паланик, 2022, с. 66].

Этот пример — лишь частный случай смешения субъективного и объективного. В нем проявляется цель метода, а формальные признаки переключения "little/big voice", как и сам механизм, состоят совсем в другом. Строго говоря, этот механизм имеет мало отношения к переводческим проблемам и относится скорее к писательскому мастерству. Однако переводчику необходимо его соблюсти. Автор считает, что переключение происходит, когда "some nonfiction form… emerges from the character's life" [Palahniuk, 2020a, p. 20], то есть используется «нехудожественная форма, объект из жизни персонажа».

Это могут быть реальные предметы быта, письма, укромные места, где субъективные откровения звучат с большей силой. В The Invention of Sound есть и подобные места («звуковой колодец» Митци, «комната страха» Блаш, кабинет Фостера), и предметы. Но главное формальное проявление механизма в романе — это интерлюдии в виде дневника одной из героинь, голливудской актрисы Блаш Джентри. Она пишет мемуары под претенциозным и полным киношных аллюзий названием «Оскаропокалипсис сегодня». Поскольку сам роман Паланика формально не разбит на главы, вся рубрикация состоит в пустых строках между страницами, посвященными двум главным антагонистам: вымышленные мемуары («роман в романе») служат местом подведения итогов борьбы и выхода на поверхность скрытых сюжетных линий. Далее — пример того, как выглядят переключения на «громкий голос»:

“**From Oscarpocalypse Now by Blush Gentry (p. 1)**

Don’t call me a movie star. I’m not, not anymore. I’m a certified gemologist these days. If I’m offered roles, it’s not for my acting acumen. The last parts I want to play are the sort of freak show cameos that Patty Hearst got duped into.” [Palahniuk, 2020b, p. 14].

«**Из “Оскаропокалипсиса сегодня”, автор — Блаш Джентри (стр. 1)**

Не называйте меня кинозвездой. Я не звезда, уже нет, я дипломированный геммолог. Если мне сейчас и предлагают роли, то не за актерский талант. А я меньше всего на свете хотела бы играть камео во фрик-шоу типа тех, в которые втянули Пэтти Херст» [Паланик, 2022, с. 19].

Громкость, субъективность, оценочность «голоса» обеспечивается как полужирным шрифтом заголовка (нигде более в тексте романа не употребляемом), агрессивно-самоуверенным тоном мемуаров, так и интертекстуальными отсылками к классической литературе, что характерно для текста постмодерна: “Don’t call me a movie star” звучит очень похоже на “Call me Ishmael”.

4. Необходимость избегать повтора слов автора («он сказал... она сказала...») — одно из первых правил переводчика. Рекуррентная атрибуция речи, которая в английском может выглядеть приемлемо и органично, в русском воспринимается негативно и снижает качество художественности текста. Паланик со своим журналистским навыком отображения активного действия в повествовании стремится, с одной стороны, заменять слова автора действиями персонажей, а с другой — не упускать возможности продемонстрировать в диалоге, кому принадлежит та или иная реплика. Писатель считает, что слова автора в виде “he said...” (attributions) читатель воспринимает как ритмические паузы в тексте. Чтобы реципиент текста не перепрыгивал взглядом такие паузы-пустоты, для атрибуции речи автор предлагает использовать физические действия, которые герои в данный момент совершают:

“ ‘Don’t tell me.’

Foster urged her along. ‘You were a witch.’

‘No.’ She drew out the word, stalling. Triumphant, she cried, ‘I was an elf!’

Unnerved, Foster changed lanes abruptly. A horn honked behind them. ‘You were?’ He was losing hold of his most valuable possessions, his memories.” [Palahniuk, 2020b, p. 57].

«— Погоди-ка, не подсказывай!

Фостер подгонял:

— Ты нарядилась ведьмой.

— Нет… — Она растянула слово, вспоминая, а потом воскликнула победоносно: — Эльфом!

Это был удар. Фостер резко перестроился, где-то позади забибикали.

— Эльфом?

Он на глазах терял самое дорогое, что у него было: воспоминания» [Паланик, 2022, с. 70].

Текст насыщен глаголами: некоторые из них более конкретны и предметны: *changed lanes, honked*; другие более абстрактны и модализируют действие: *drew out (the word), was losing hold, urged*. Все так или иначе выполняют роль слов автора, маркируют принадлежность речи персонажей. И только один из них является глаголом прагматики речи, передает речевое намерение — *cried*. В переводе в общем и целом соблюдена текстура атрибуции речи героев действиями.

5. Следующий прием, к которому прибегает автор и который, пожалуй, стал визитной карточкой писателя, — повтор ключевых фраз, служащих правилами, законами, неким внутренним фольклором для героев произведения. Этот прием появился в самой первой книге автора, где группа маргинализированных персонажей повторяет солидаризирующую их мантру: “The first rule of fight club is you don’t talk about fight club”. Такой прием — вовсе не нововведение в англоязычной литературе, однако, как “nada” у Хемингуэя или “Are we not Men?” в уэллсовском The Island of Dr. Moreau, подобный повтор-девиз носит важную характерологическую функцию в произведении, является интересной художественной находкой сам по себе и, что важно для писателя, который хочет внести вклад в идиоматику

языка своей культуры, потенциально способен обессмертить имя автора. Кстати, сам писатель обозначил этот прием несколько двусмысленно: «Что сказать, когда сказать нечего?» (“What do you say when there’s nothing to say?” [Palahniuk, 2020a, p. 27].

Не обделен ключевыми рефренами и роман The Invention of Sound. На авантитуле книги под ее названием стоит слоган: “Keep Telling Yourself It’s Only a Movie” («Думаешь, это всего лишь кино?»). Этот слоган имплицирует основную идею произведения: реальность, работающая на создание вымысла, куда ужаснее самого страшного вымысла. Большинство героев книги связаны с киноиндустрией, и все они хотят «попасть в кино». Но вот в какой роли они там нужны, какая конкретно часть человека «попадет в фильм», что остается за кадром, а что записывается на аудиодорожку — знают лишь те, кто снимают фильм. Переводческая задача здесь — распознать рефрен, обеспечить рекуррентность ключевой фразы в узнаваемом виде по всему произведению:

(1) “Mitzi looked her up and down. She nodded after the Porsche. ‘You want to be in his next release?’ ” [Palahniuk, 2020b, p. 28].

«Митци оглядела ее с ног до головы и кивнула в сторону “порше”.

— Хочешь попасть в следующий фильм?» [Паланик, 2022, с. 36].

(2) “He nodded toward the cake, saying, ‘Make a wish.’

The pink-polished fingertips of one hand touched the pearls. She regarded the cake before whispering, ‘I want to be in the movies.’ ” [Palahniuk, 2020b, p. 50].

«Фостер кивнул на тортик.

— Загадай желание.

Пальчики с розовыми полированными ноготками коснулись жемчуга. Именинница взглянула на тортик и промурлыкала:

— Хочу попасть в кино» [Паланик, 2022, с. 62].

(3) “Mitzi didn’t turn to face him, but she asked, ‘Would you like to be in a movie?’ ” [Palahniuk, 2020b, p. 81].

«Не поворачиваясь, Митци спросила:

— Хочешь попасть в кино?» [Паланик, 2022, с. 97].

(4) “A man’s voice followed. The voice of Mitzi’s father, as blocky as his handwriting, said, ‘Would you like to be in a movie, Lucinda?’ ” [Palahniuk, 2020b, pp. 189–190].

«Послышался мужской голос. Голос отца Митци, твердый, как его почерк, спросил:

— Хочешь попасть в кино, Люсинда?» [Паланик, 2022, с. 210].

Во всех четырех случаях вопрос о желании «попасть в кино» обращен к будущей жертве жестокого убийства. Вопрос «маркирует» героя, к которому обращен, после первого же случая употребления этой ключевой фразы в книге читатель понимает неизбежность события. Поэтому даже в последнем примере (4), когда о судьбе пропавшей героини ничего не известно точно, читатель уверен: Люсинда погибла. Пример (2) взят из первой четверти текста. Его цель — держать читателя в напряжении всю книгу, гадая, постигнет ли героиню судьба остальных.

Принцип смены текстур, или, как метафорично называет его Паланик, «микширования аудиотреков», четко срабатывает при употреблении ключевых фраз. Структурная композиция романа напоминает аранжировку песни с чередованием «куплет — припев», только на более сложном уровне, с бóльшим количеством текстур. В непосредственной близости от ключевых фраз автор аккумулирует другие «ритмические рисунки», необходимые для движения сюжета всего романа. Если пропозиция “would you like to be in the movies?” соответствует понятию “refrain”, то энциклопедические исторические экскурсы о работе шумовика в кинематографе (идущие после “refrain”) попадают под определение “hook” — другого композиционного элемента звуковой дорожки; списки-перечисления, требующиеся для настройки аудиозаписывающего оборудования, вероятно, — “pre-chorus”; кульминация каждой из сцен (убийство) — “chorus”; основной текст повествования — “verse”. В каждой из повторяющихся по сходному сюжету сцен читатель готов к определенной последовательности действий. Далее — иллюстрация сходства содержания текстур типа “hook”, которые встречаются в тексте после “refrains”, пронумерованных ранее как 1 и 3:

(5) “Mitzi pressed on. ‘Do you know what the Wilhelm scream is, dear?’ The girl’s eyes found her own. <...>. ‘You’ve heard it,’ Mitzi prompted, ‘the Wilhelm scream.’ It was a man’s scream first recorded in 1951 for a film titled Distant Drums. ...Since it was created, the Wilhelm scream has been used in more than four hundred features, as well as countless television projects and video games.” [Palahniuk, 2020b, p. 43].

«Митци попробовала разговорить ее:

— Солнышко, ты когда-нибудь слышала про “крик Вильгельма”?

Они встретились глазами. <...>.

— Однако сам крик ты слышала, — заверила Митци. — Это вопль, записанный мужским голосом в тысяча девятьсот пятьдесят первом году для фильма “Далекие барабаны”. ...С момента записи этот крик использовали в более чем четырех сотнях художественных фильмов, бессчетном количестве телепередач и компьютерных игр» [Паланик, 2022, с. 53].

(6) “She asked, ‘Do you know what the Goofy holler is?’

‘Yeah,’ Jimmy lied.

‘It’s a yodel recorded by an Austrian ski racer named Hannes Schroll,’ she explained, ‘first used in a 1941 cartoon called The Art of Skiing.’ The yodel had since been used in hundreds of films and thousands of television productions and video games. It’s quite possibly the most famous recording of a human voice. Schroll never earned a cent from it.” [Palahniuk, 2020b, p. 81].

«— Ты знаешь, что такое “вопль Гуфи”?

— Ага, — соврал Джимми.

— Это йодль, записанный австрийским лыжником Гансом Шроллем и прозвучавший впервые в тысяча девятьсот сорок первом году, в мультике “Искусство катания на лыжах”. С тех пор он звучал в сотнях фильмов, тысячах телепрограмм и в видеоиграх. Можно сказать, это самая знаменитая запись человеческого голоса. Только вот Шроллю с этого ни цента не перепало» [Паланик, 2022, с. 97].

Поскольку в каждой из повторяющихся сцен читатель готов к рекуррентной синтаксической структуре и типизированной информации, в конце романа очень мощно срабатывает прием обманутых ожиданий, когда в очередной композиции “refrain” — “hook” — “pre-chorus” неожиданно элиминируется “chorus” — убийства не происходит. Следующий отрывок иллюстрирует позицию “hook” для примера (2) выше:

(7) “Mitzi pressed on. ‘Do you know what the Wilhelm scream is, dear?’ The girl’s eyes found her own.

The girl shook her head.

Mitzi gave the standard lecture. How ordinary people give everything and never see the huge profits generated from their life and death. How even the most intimate moments of our lives are now reproduced and sold as a commodity.

The girl giggled. ‘Not always,’ she said.” [Palahniuk, 2020b, pp. 181–182].

«— Солнышко, ты когда-нибудь слышала про “крик Вильгельма”?

Их глаза встретились, и девушка покачала головой. Тогда Митци прочла ей привычную лекцию о том, как обычные люди жертвуют всем, но не получают взамен ничего, а другие снимают пенки, — как зарабатывают на жизни других и умудряются наживаться на смерти. Рассказала Митци и о том, как даже самые сокровенные мгновения жизни человека сейчас стали товаром, — как их можно скопировать и продать.

Девушка хихикнула:

— А вот и не всегда» [Паланик, 2022, с. 201].

Необходимо обратить внимание, что начальные реплики главной героини в позиции “hook” в примерах (5) и (7) не просто структурно сходны, а полностью идентичны: “Mitzi pressed on... eyes found her own”. Этот конкретный прием включает, видимо, сразу несколько текстур: создание и повтор ключевых фраз, создание ритуалов и моделей поведения, использование прямой речи для реализации характерологической функции.

6. Создание социальных моделей для подражания — одна из идеологических задач писателя. Сам он объясняет это стремление так: “A reader is more likely to feel socially awkward and crave a story that offers a way to be in the company of others.” [Palahniuk, 2020a, p. 30]. Психологическая обоснованность заявлений писателя не входит в задачи настоящего исследования. Однако можно не сомневаться, что Паланик по праву считается выразителем мнения целого поколения, и его обобщение о «социальной неадаптированности» современного читателя небезосновательно. Поэтому дать читателю «рассказ, в котором предлагается, как вести себя в обществе», можно считать программной задачей писателя. Модели эти не всегда ортодоксальны, но и писатель — трансгрессивный, так что выбор, следовать или не следовать этим моделям, не всегда однозначен. В The Invention of Sound к таким моделям относится посещение групп психологической помощи (сквозная для писателя тема), выявление педофилов, общение в Даркнете. Вероятно, к подобным моделям можно отнести и оригинальные развлечения, предлагаемые автором. В частности, в романе описываются уникальные аудитивные психотерапевтические сеансы с использованием ультрареалистичного звука.

Звук и создание (“invention”) гиперреалистичного звука посредством звукозаписи — центральная тема романа. При описании творческой работы шумовика — звукооператора, создающего экспрессивные аудиокартины мира из имеющихся образцов звукозаписей, — Паланик использует выразительные лингвистические средства:

“Mitzi put Foster aboard a ship. ...She shut off the studio lights and began to build the world by creating the ocean. The mid-Atlantic in March, a storm-tossed, wind-churned ocean. She broke waves against the wooden hull and whistled the wind through the rigging. She made the canvas sails billow and snap. Rain strafed the decks, and water sloshed in the bilges.” [Palahniuk 2020b, p. 213].

«Митци построила для Фостера корабль. ...Отключив свет в студии, она начала сотворение мира с созидания океана. И вот корабль уже посреди Атлантики в марте — бушует шторм, ветер взбивает океанские волны. Водяные валы бьют в доски борта, ветер свистит в такелаже. Паруса наполняются и хлопают, ливень решетит по палубам, вода хлюпает в трюме» [Паланик, 2022, с. 236].

В этой текстуре «создания ритуала для фэндома» (развлечения для поклонников писателя) прослеживается связь с текстурой «громкого vs тихого голоса»: здесь фиксируются как объективные, регистрируемые органами чувств звуки и свет (*shut off — whistled — billow — snap — sloshed*), так и предлагаются субъективно интерпретированные, воображаемые под воздействием восприятия гиперреалистичных звуков образы (*ship — ocean — mid-Atlantic in March — storm-tossed — wind-churned — waves — wooden hull — rigging-canvas sails — decks — bilges*).

Здесь наблюдается именно повторяющаяся, пригодная для «микширования» текстура, а не частный случай описания, так как и в другом эпизоде романа мы встречаем подобный психотерапевтический сеанс:

“Mitzi built a garden. When the stranger growing inside her fussed, she did just as her father had done and set up a cot in the sound pit. ...She stretched an arm to shut off the studio lights, bank by bank, until the dark and silence were absolute. ...She cued a chorus of nighttime crickets. She brought up the sound of peeping tree frogs. The gushing sound of water she adjusted to a trickle. A melodious trickle like a fountain. The fountain’s tinkle she matched with the sound of wind chimes. <...>.

In this, this soundproof, lightless void, she conjured a paradise. And soon the stranger within her seemed to fall asleep. And as the tinkle of water and wind chimes ran on their endless loop, Mitzi, on her nest of moldering blankets, even she fell asleep.” [Palahniuk, 2020b, pp. 192–193].

«Когда маленький чужак внутри закапризничал, Митци поступила так, как всегда делал отец, ставя раскладушку в акустическом колодце: она устроила себе сад. ...Протянув руку, каскад за каскадом стала отключать студийный свет, пока не воцарилась полная тишина и темнота. ...Митци... включила запись ночного хора сверчков. Потом добавила посвист древесных лягушек. Запись хлесткой струи воды убавила до тонкой струйки — получился певучий, нежный фонтанчик. В журчание фонтанчика вплела подвеску легких колокольчиков на ветерке. <...>.

В этом звуконепроницаемом мире, куда не попадал ни единый лучик света, Митци создала рай. Чужак в ней успокоился и, похоже, заснул. А вскоре, под закольцованные в бесконечную петлю колокольчики и журчанье, заснула и Митци в своем гнезде из заплесневевших пледов» [Паланик, 2022, с. 212–214].

В обоих случаях прослеживается сходный сценарий: для такого звукового сеанса требуется звукооператор и клиент; в обоих случаях сеанс представляет собой творчество оператора и является терапией для пациента.

Вероятно, с целью микширования текстур автор снабжает текст мрачно-остроумными замечаниями, имеющими потенциал закономерностей и также подходящими под категорию социальных моделей для подражания, жизненных мудростей и правил поведения:

“Only in prisons and aboard submarines were people more excited about food than they were in office jobs.” [Palahniuk, 2020b, p. 24].

«Только зэки в тюрьме и матросы на подводной лодке больше радуются жратве, чем офисные работники» [Паланик, 2022, с. 31].

Итак, переводческая необходимость сохранить статус «общения между автором и читателем, но уже в другой культуре» ведет к логически следующей из нее необходимости проникновения в творческий метод писателя. Один из методов Чака Паланика — микширование текстур, под которыми автор понимает разноуровневые (фонолого-морфонологические, лексические, синтаксические, интертекстуальные) языковые конструкции. Осознание и следование принципам создания оригинального текста может послужить качественным подспорьем при интерпретировании текста.

Список источников

1. Лобанов С. В. Стилеобразующие средства художественного текста как детерминанта выбора средств перевода // Иностранные языки в высшей школе. — 2022. — № 4 (63). — С. 84—90. — DOI: 10.37724/RSU.2022.63.4.011.

2. Паланик Ч. Рождение звука / пер. с англ. С. Лобанова. — М. : АСТ, 2022. — 256 с.

3. Пинчон Т. Выкрикивается лот 49 / пер. с англ. А. Махлаюк, С. Слободянюк. — М. : Эксмо, 2009. — 240 с.

4. Пинчон Т. Когда объявят лот 49 / пер. с англ. Г. Григорьев. — URL : http://lib.ru/INPROZ/PYNCHON/49.txt (дата обращения: 25.01.2023).

5. По Э. А. Ворон = The Raven / пер. с англ. Я. Колкера. — М. : Гуманитарий, 2011. — 16 с.

6. Grant J. Kerry A Companion to The Crying of Lot 49. — University of Georgia Press, 2008. — 208 p.

7. DeSantis D. Making Music 74 Creative Strategies for Electronic Music Producers. — URL : https://cdn-resources.ableton.com/resources/uploads/makingmusic/MakingMusic_DennisDeSantis.pdf (дата обращения: 25.01.2023).

8. Palahniuk Ch. Consider This. — Grand Central Publ., 2020a. — 188 p.

9. Palahniuk Ch. The Invention of Sound. — Grand Central Publ., 2020b. — 229 p.

10. Pynchon T. The Crying of Lot 49. — Random House, 1996. — 128 p.

References

1. Lobanov S. V. Style-forming Linguistic Means in Prose Fiction as the Determiner of Translation Strategies. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022, no. 4 (63), pp. 84–90. DOI: 10.37724/RSU. 2022.63.4.011. (In Russian).

2. Palahniuk Ch. *Rozhdeniye Zvuka* [The Invention of Sound]. Moscow, AST Publ., 2022, 256 p. (In Russian).

3. Pynchon T. *Vykrikivayetsa Lot 49* [The Crying of Lot 49]. Transl. by A. Makhlayuk, S. Slobodyanyuk. Moscow, Exmo Publ., 2009, 240 p. (In Russian).

4. Pynchon T. *Kogda Obyavyat Lot 49* [The Crying of Lot 49]. Transl. by G. Grygoryev. Available at: http://lib.ru/INPROZ/PYNCHON/49.txt / (accessed 25.01.2023).

5. Poe E. A. *Voron* [The Raven]. Transl. by J. Kolker. Moscow, Gumanitariy Publ., 2011, 16 p.

6. Grant J. Kerry A Companion to The Crying of Lot 49. University of Georgia Press, 2008. 208 p.

7. DeSantis D. Making Music 74 Creative Strategies for Electronic Music Producers. Available at: https://cdn-resources.ableton.com/resources/uploads/makingmusic/MakingMusic_DennisDeSantis.pdf (accessed 25.01.2023).

8. Palahniuk Ch. Consider This. Grand Central Publ., 2020a, 188 p.

9. Palahniuk Ch. The Invention of Sound. Grand Central Publ., 2020b, 229 p.

10. Pynchon T. The Crying of Lot 49. Random House, 1996, 128 p.

Информация об авторе

Лобанов Сергей Владимирович — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков института истории, философии и политических наук Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Information about the author

Lobanov, Sergey — candidate of philology, associate professor, chair of Foreign Languages, Institute of History, Philosophy and Political Sciences, Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Статья поступила в редакцию 31.01.2023;
одобрена после рецензирования 04.02.2023;
принята к публикации 04.02.2023.

Submitted 31.01.2023;
approved after reviewing 04.02.2023;
accepted for publication 04.02.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 78–85.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;1(64):78–85.

Научная статья
УДК 81´253
DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.009

Военный переводчик в истории российского переводоведения

Светлана Юрьевна Потапова
Центр немецкого языка (партнер Гёте-Института) при Международной академии бизнеса и новых технологий, Ярославль, Россия
potapova@mubint.ru

Аннотация. История советского и российского переводоведения была бы неполной без одной важной главы — главы о военном переводчике. Как это ни покажется странным, но такого раздела нет практически ни в одном отечественном учебнике по теории и истории перевода. С нашей точки зрения, настало время для сбора и обобщения материалов самого широкого спектра о военных переводчиках с целью ответить на вопросы, связанные с данной специальностью (в каких источниках можно найти информацию о военных переводчиках; как и где их обучают; какие задачи выполняют военные переводчики в мирное и военное время и т. д.). Анализ данных материалов поможет сделать первичные наброски к главе об истории отечественной военной переводческой школы в целом и о профессии военного переводчика в частности. Данная статья посвящена попытке найти некоторые ответы на поставленные выше вопросы.

Ключевые слова: военный переводчик, военный перевод, Военный институт иностранных языков, Военное издательство, обязанности военного переводчика, перевод художественной литературы, военная лексика.

Для цитирования: Потапова С. Ю. Военный переводчик в истории российского переводоведения // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 78–85. DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.009.

Original article

Military translators throughout the history of Russian translation studies

Svetlana Yu. Potapova
German Language Center (Partner of Goethe-Institute), Yaroslavl International University of Business and New Technologies, Yaroslavl’, Russia
potapova@mubint.ru

Abstract. The history of Soviet and Russian translation studies would not be complete without one important chapter — that on military translators. Strange as it may seem, there is no such chapter in any textbook on the theory and history of translation. In our opinion, the time has come for gathering and generalizing all sorts of data about military translators so as to clarify a number of issues concerning that profession (which sources give information about military translators; where and how they are trained; what duties they perform in times of peace and war etc.). Analysis of such data would help make a preliminary sketch for the chapter on the history of Russian military translation school on the whole and military translator profession in particular. This article is an attempt to find some answers to the questions above.

Keywords: Military translator, military translation, Military College of Foreign Languages, Voyennoye Izdatelstvo (Military Publishers), military translator duties, translation of fiction, military vocabulary.

For citation: Potapova S. Yu. Military translators throughout the history of Russian translation studies. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 1(64):78–85. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.009.

Введение

Известно, что к услугам переводчиков прибегали в армиях всех стран еще с древних времен, но до определенного периода переводческое сопровождение военной деятельности не рассматривалось как отдельная проблема, не существовало специальных учебных заведений для подготовки военных переводчиков, не было и самого термина «военный перевод». Справедливости ради необходимо заметить, что в нашей стране соответствующая специальность была утверждена достаточно давно: 21 мая 1929 года вышел приказ № 125 заместителя народного комиссара по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета Советского Союза И. С. Уншлихта «Об установлении звания для начсостава Рабоче-

© Потапова С. Ю., 2023

крестьянской Красной армии (РККА) “Военный переводчик”». Несмотря на данный приказ, полноценная система подготовки военных переводчиков началась только в канун Великой Отечественной войны. По сути, только с появлением такого исторического понятия, как «мировая война», с возникновением устойчивых международных военных коалиций, с созданием множества новых родов войск и служб в вооруженных силах воюющих государств, а также технически сложных средств вооружения, высшее военное руководство начало осознавать острую потребность в специально подготовленных военных переводчиках.

Основная часть

Военный институт иностранных языков Красной армии (ВИИЯ КА) — кузница военных переводчиков

Важнейшую роль в подготовке военных переводчиков сыграл вуз, отсутствие подробной информации о котором в истории отечественного переводоведения стало бы непростительным упущением. Только неполный перечень имен крупнейших ученых нашей страны — выпускников данного учебного заведения — дает представление о качестве лингвистической подготовки в этом учебном учреждении: В. Г. Гак, Е. А. Гофман, В. Д. Девкин, В. Н. Комиссаров, Л. К. Латышев, А. С. Лурье, Л. Л. Нелюбин, В. М. Суходрев, М. Я. Цвиллинг, А. Д. Швейцер и мн. др. Опуская второстепенные данные из истории возникновения этого уникального военного вуза с лингвистическим уклоном, ограничимся констатацией того обстоятельства, что официальной датой создания Военного института иностранных языков (ВИИЯ), название которого за время его существования несколько раз претерпевало изменения, считается февраль 1940 года, когда постановлением Совета народных комиссаров СССР при втором Московском государственном педагогическом институте иностранных языков был создан военный факультет, на котором должна была осуществляться подготовка преподавателей-военных со знанием немецкого, английского, французского языков. В следующем году факультет был переименован в военный факультет западных языков при первом и втором Московских государственных педагогических институтах иностранных языков. С началом Великой Отечественной войны потребность в переводчиках с немецкого языка значительно возросла. По этой причине 12 апреля 1942 года факультет западных языков был реорганизован в Военный институт иностранных языков Красной армии (ВИИЯ КА).

Военные переводчики в годы Великой Отечественной войны

В условиях военного времени программа подготовки военных переводчиков была сокращена, и в Военном институте иностранных языков предлагалась курсовая система подготовки специалистов. Считается, что за годы Великой Отечественной войны курсы окончили более 4 500 военных переводчиков, которые внесли огромный вклад в дело победы нашей страны в войне с гитлеровской Германией. В немногочисленных публикациях, посвященных роли военных переводчиков в Великой Отечественной войне, упоминаются случаи, когда именно благодаря переводчикам удавалось избежать ненужного кровопролития на поле боя, называются поименно военные переводчики, сыгравшие выдающуюся роль в победе СССР [Коломейцева, Володин, 2022].

В связи с этим необходимо упомянуть следующие знаковые имена наиболее известных военных переводчиков, работавших в годы Великой Отечественной войны, которые встретились нам в обозначенной выше публикации:

1) Олег Александрович Трояновский, заслуга которого, среди прочих, состояла в том, что он с 1942 года выполнял функции редактора-переводчика в Совинформбюро, с конца 1944 года работал в совместном комитете СССР, США и Великобритании по ведению психологической войны против фашистской Германии, был членом советской делегации, которая участвовала в переговорах по разработке устава готовящегося Нюрнбергского процесса, а в 1946 году переводил на Парижской мирной конференции по разработке мирных договоров со странами-союзниками гитлеровской Германии.

2) Лев Александрович Безыменский, сын поэта А. И. Безыменского, прошедший обучение на курсах военных переводчиков в Военном институте иностранных языков, в декабре 1942 года был назначен военным переводчиком разведотдела штаба Донского фронта под командованием маршала К. К. Рокоссовского. В качестве переводчика Л. А. Безыменский принимал участие в допросах фельдмаршала Ф. Паулюса, В. Кейтеля, Г. Геринга и других пленных немецких генералов. 1 мая 1945 года Безыменский переводил письмо Й. Геббельса и М. Бормана для маршала Г. К. Жукова, в котором сообщалось о смерти Гитлера.

3) Евгений Абрамович Гофман, главная заслуга которого заключалась в том, что с февраля 1946 года он возглавил группу советских переводчиков на Нюрнбергском процессе, длившемся 10 месяцев и 10 дней и позволившем ему стать теоретиком и практиком синхронного перевода. Синхронный перевод начал применяться лишь в 40-х годах прошлого столетия и прошел серьезную проверку именно во

время Нюрнбергского процесса, где каждое слово находилось под прицелом и могло оказать определяющее влияние на ход процесса, на судьбу одного или нескольких обвиняемых.

По инициативе клуба выпускников Военного института иностранных языков, День военного переводчика было предложено отмечать с 21 мая 2000 года. Однако, по нашим наблюдениям, инициатива осталась почти незамеченной и не получила достаточной известности в общественном сознании, наряду с такими праздниками, как День артиллериста, День танкиста, День Военно-воздушных сил и т. п.

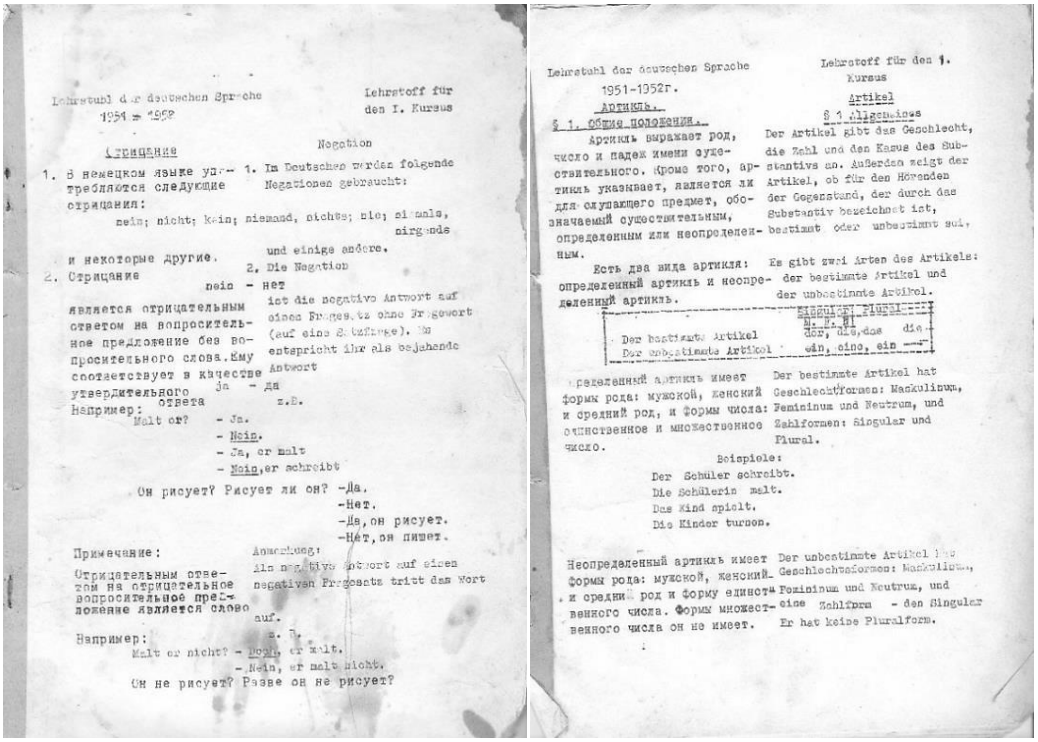
Что написано о военных переводчиках

Работа военного переводчика как в мирное, так и в военное время, как и деятельность военного фотокорреспондента, журналиста, документалиста, не всегда заметна, но чрезвычайно важна и максимально ответственна. Причины, по которым информация о подготовке военных переводчиков представлена в отечественной учебной литературе по истории перевода весьма скудно, достаточно очевидны и лежат, с нашей точки зрения, в плоскости определенной закрытости и секретности информации, связанной с военной проблематикой. Попытка обратиться к вопросам, связанным с военным переводом и компетенциями военного переводчика, была предпринята автором данного материала несколько лет назад, а результаты изложены на страницах научного журнала «Иностранные языки в высшей школе» [Потапова, 2018]. Автор статьи является обладателем уникальных архивных материалов, унаследованных от отца, Ю. А. Сазонова, профессионального военного переводчика, выпускника Военного института иностранных языков, ученика легендарного переводчика-синхрониста М. Я. Цвиллинга, сокурсника не менее известного переводчика главных лиц отечественной политики В. М. Суходрева. Автором данного исследования опубликованы в 2008 году воспоминания Сазонова тиражом в 5 экземпляров, что позволяет расценивать книгу «Краткое жизнеописание Ю. А. Сазонова с некоторыми пояснениями, или “Былое и думы”» как частную рукопись, которой сам автор присвоил шутливый гриф «Для внутрисемейного пользования». В качестве материалов для исследования мы намерены использовать архивные свидетельства и артефакты, бережно собранные Сазоновым: распечатки учебных материалов, по которым он проходил обучение в 50-е годы прошлого века в Военном институте иностранных языков, оригиналы советских газет и печатных изданий Германской Демократической Республики, где были опубликованы его статьи, книги Военного издательства, которое доверяло Сазонову работу над переводами художественной литературы и военных книг с немецкого и венгерского языков. Данные архивные и мемуарные материалы как важный источник информации, подлежащий анализу и обобщению, могут быть использованы для иллюстрации ряда положений, которые должны, с нашей точки зрения, войти в главу об истории отечественного военного перевода.

Лингвистическая подготовка военных переводчиков в 50-е годы XX века в ВИИЯ

Важно подчеркнуть, что военный переводчик — это кадровый офицер, поэтому и путь героя нашей статьи — Ю. А. Сазонова — начинался с участия в 1951 году в проверке знаний воинских уставов и общих научных военных дисциплин для поступления в Военный институт иностранных языков. Эти вступительные испытания Сазонов успешно выдержал в Куйбышеве при Приволжском военном округе, так как после окончания Великой Отечественной войны территориально находился в воинской части недалеко от Саратова. Призванный в армию из небольшого районного города Рязанской области 13 января 1943 года в возрасте 17 лет, Сазонов получил специальность бортмеханика в Иркутской военной школе, а затем сдал экстерном экзамены в Балашовском училище дальней авиации. Казалось бы, логичным для получения высшего образования было поступление в Авиационную инженерную академию, но Сазонов решил продолжить изучение немецкого языка на профессиональном уровне и поступил в один из самых престижных вузов того времени — Военный институт иностранных языков, выдержав невероятный конкурс в 25 человек на место. Об особенностях обучения в данном вузе на переводческом факультете Сазонов рассказывает в своих воспоминаниях: «Учебные группы были у нас небольшие, всего по семь человек, поэтому спрашивали ежедневно каждого, и отсутствовать было нельзя… Широко применялось сокращение со старших курсов. Правило было таково: получил на переходных экзаменах хотя бы одну тройку — собирай чемодан… Ответственность за учебу всегда была у меня на первом месте. Даже отправляясь на летние каникулы, я всегда брал с собой какую-нибудь книжку на немецком языке, которая рекомендовалась для внеаудиторного чтения…» [Краткое жизнеописание Ю. А. Сазонова …]. Сохранившиеся в семейном архиве материалы дают некоторое представление о том, по каким учебным пособиям проходило обучение и какие лингвистические дисциплины изучались будущими военными переводчиками. По размещенному ниже рисунку видно, что обучение проходило не по учебникам, а по распечаткам, выполненным неизвестными авторами на немецком и русском языках по таким аспектам,

как грамматика, фонетика, лексикология, фразеология немецкого языка. Примечательно, что практически везде приведен текст на русском языке с его параллельно выполненным вариантом перевода на немецкий язык (рис. 1–3).



Lehrstuhl der deutschen Sprache
1951 – 1952

Lehrstoff für den I. Kursus

Отрицание

1. В немецком языке употребляются следующие отрицания:
nein; nicht; kein; niemand, nichts; nie; niemals, nirgends
и некоторые другие.
2. Отрицание nein – нет является отрицательным ответом на вопросительное предложение без вопросительного слова. Ему соответствует в качестве утвердительного ответа ja – да
Например:
Malt er? – Ja.
– Nein.
– Ja, er malt
– Nein, er schreibt
Он рисует? Рисует ли он? – Да.
– Нет.
– Да, он рисует.
– Нет, он пишет.

Примечание:
Отрицательным ответом на отрицательное вопросительное предложение является слово auf.
Например:
Malt er nicht? – Doch, er malt.
– Nein, er malt nicht.
Он не рисует? Разве он не рисует?

Negation

1. Im Deutschen werden folgende Negationen gebraucht:
nein; nicht; kein; niemand, nichts; nie; niemals, nirgends
und einige andere.
2. Die Negation nein – nein ist die negative Antwort auf einen Fragesatz ohne Fragewort (auf eine Satzfrage). Ihr entspricht ihr als bejahende Antwort ja – ja
z.B.
– Ja.
– Nein.
– Ja, er malt
– Nein, er schreibt

Anmerkung:
Die negative Antwort auf einen negativen Fragesatz tritt das Wort auf.
z. B.
– Doch, er malt.
– Nein, er malt nicht.

Lehrstuhl der deutschen Sprache
1951-1952г.

Lehrstoff für den 1. Kursus

Артикль.

§ 1. Общие положения.

Артикль выражает род, число и падеж имени существительного. Кроме того, артикль указывает, является ли для слушающего предмет, обозначаемый существительным, определенным или неопределенным.

Есть два вида артикля: определенный артикль и неопределенный артикль.

Определенный артикль имеет формы рода: мужской, женский и средний род, и формы числа: единственное и множественное число.

Неопределенный артикль имеет формы рода: мужской, женский и средний род и форму единственного числа. Формы множественного числа он не имеет.

Artikel

§ 1. Allgemeines

Der Artikel gibt das Geschlecht, die Zahl und den Kasus des Substantivs an. Außerdem zeigt der Artikel, ob für den Hörenden der Gegenstand, der durch das Substantiv bezeichnet ist, bestimmt oder unbestimmt sei.

Es gibt zwei Arten des Artikels: der bestimmte Artikel und der unbestimmte Artikel.

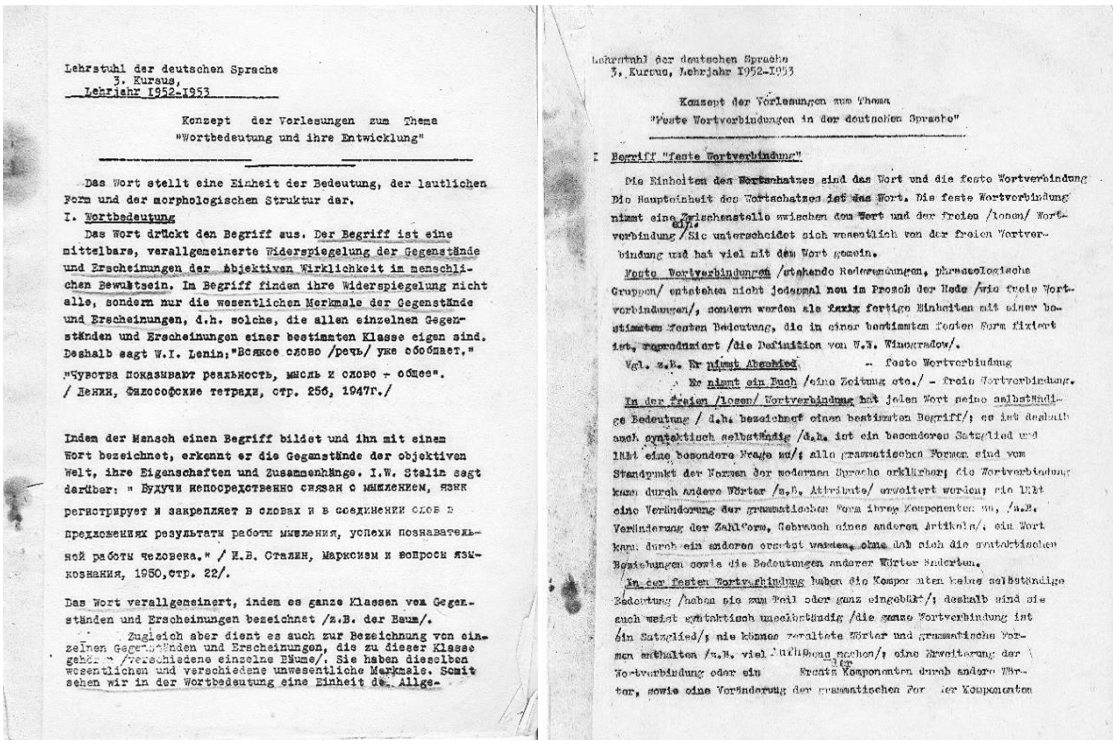
	Singular			Plural
	M.	F.	N.	
Der bestimmte Artikel	der	die	das	die
Der unbestimmte Artikel	ein	eine	ein	–

Der bestimmte Artikel hat Geschlechtformen: Maskulinum, Femininum und Neutrum, und Zahlformen: Singular und Plural.

Beispiele:
Der Schüler schreibt.
Die Schülerin malt.
Das Kind spielt.
Die Kinder turnen.

Der unbestimmte Artikel hat Geschlechtsformen: Maskulinum, Femininum und Neutrum, und eine Zahlform – den Singular. Er hat keine Pluralform.

Рис. 1. Учебные раздаточные материалы кафедры немецкого языка по грамматике (темы «Отрицание» и «Артикль») для студентов 1-го курса 1951/1952 учебного года ВИИЯ



Lehrstuhl der deutschen Sprache
3. Kursus,
Lehrjahr 1952-1953

Konzept der Vorlesungen zum Thema
"Wortbedeutung und ihre Entwicklung"

Das Wort stellt eine Einheit der Bedeutung, der lautlichen Form und der morphologischen Struktur dar.

I. Wortbedeutung

Das Wort drückt den Begriff aus. Der Begriff ist eine mittelbare, verallgemeinerte Widerspiegelung der Gegenstände und Erscheinungen der objektiven Wirklichkeit im menschlichen Bewußtsein. Im Begriff finden ihre Widerspiegelung nicht alle, sondern nur die wesentlichen Merkmale der Gegenstände und Erscheinungen, d.h. solche, die allen einzelnen Gegenständen und Erscheinungen einer bestimmten Klasse eigen sind. Deshalb sagt W.I. Lenin: "Всякое слово /речь/ уже обобщает."

"Чувства показывают реальность, мысль и слово – общее".
/ Ленин, Философские тетради, стр. 256, 1947г./

Indem der Mensch einen Begriff bildet und ihn mit einem Wort bezeichnet, erkennt er die Gegenstände der objektiven Welt, ihre Eigenschaften und Zusammenhänge. I.W. Stalin sagt darüber: " Будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека." / И.В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 22/.

Das Wort verallgemeinert, indem es ganze Klassen von Gegenständen und Erscheinungen bezeichnet /z.B. der Baum/.

Zugleich aber dient es auch zur Bezeichnung von einzelnen Gegenständen und Erscheinungen, die zu dieser Klasse gehören /verschiedene einzelne Bäume/. Sie haben dieselben wesentlichen und verschiedene unwesentliche Merkmale. Somit sehen wir in der Wortbedeutung eine Einheit des Allge-

Lehrstuhl der deutschen Sprache
3. Kursus, Lehrjahr 1952-1953

Konzept der Vorlesungen zum Thema
"Feste Wortverbindungen in der deutschen Sprache"

I Begriff "feste Wortverbindung"

Die Einheiten des Wortschatzes sind das Wort und die feste Wortverbindung. Die Haupteinheit des Wortschatzes ist das Wort. Die feste Wortverbindung nimmt eine Zwischenstelle zwischen dem Wort und der freien /losen/ Wortverbindung /Sie unterscheidet sich wesentlich von der freien Wortverbindung und hat viel mit dem Wort gemein.

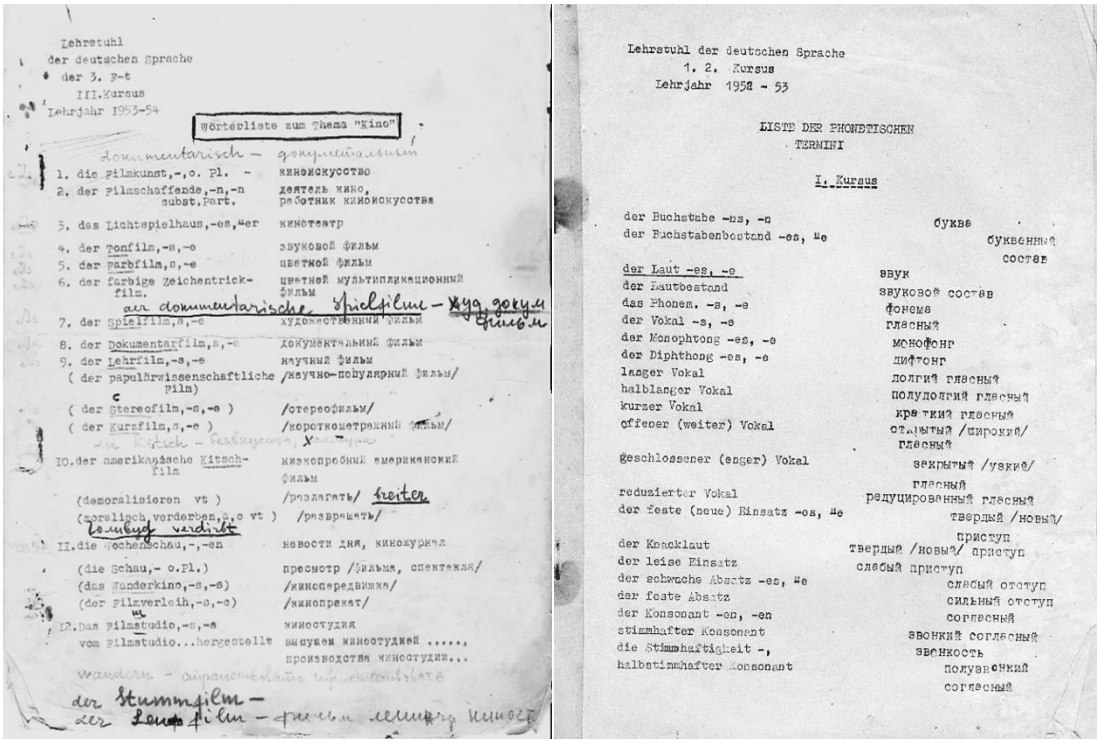
Feste Wortverbindungen /stehende Redewendungen, phraseologische Gruppen/ entstehen nicht jedesmal neu im Prozeß der Rede /wie freie Wortverbindungen/, sondern werden als fertige Einheiten mit einer bestimmten festen Bedeutung, die in einer bestimmten festen Form fixiert ist, reproduziert /die Definition von V.V. Winogradow/.

Vgl. z.B. Er nimmt Abschied. – feste Wortverbindung
Er nimmt ein Buch /eine Zeitung etc./ – freie Wortverbindung.

In der freien /losen/ Wortverbindung hat jedes Wort seine selbständige Bedeutung / d.h. bezeichnet einen bestimmten Begriff/; es ist deshalb auch syntaktisch selbständig /d.h. ist ein besonderes Satzglied und läßt eine besondere Frage zu/; alle grammatischen Formen sind vom Standpunkt der Normen der modernen Sprache erklärbar; die Wortverbindung kann durch andere Wörter /z.B. Attribute/ erweitert werden; sie läßt eine Veränderung der grammatischen Form ihrer Komponenten zu, /z.B. Veränderung der Zahlform, Gebrauch eines anderen Artikels/, ein Wort kann durch ein anderes ersetzt werden, ohne daß sich die syntaktischen Beziehungen sowie die Bedeutungen anderer Wörter ändern.

In der festen Wortverbindung haben die Komponenten keine selbständige Bedeutung /haben sie zum Teil oder ganz eingebüßt/; deshalb sind sie auch meist syntaktisch unselbständig /die ganze Wortverbindung ist ein Satzglied/; sie können veraltete Wörter und grammatische Formen enthalten /z.B. viel Aufhebens machen/; eine Erweiterung der Wortverbindung oder ein Ersatz einer Komponenten durch andere Wörter, sowie eine Veränderung der grammatischen Formen der Komponenten

Рис. 2. Учебные раздаточные материалы кафедры немецкого языка ВИИЯ для студентов 3-го курса 1952/1953 учебного года (темы «Значение слова» и «Фразеологические единицы немецкого языка»)



Lehrstuhl
der deutschen Sprache
der 3. F-t
III.Kursus
Lehrjahr 1953-54

Wörterliste zum Thema "Kino"

1. die Filmkunst,-,o. Pl. -	киноискусство
2. der Filmschaffende,-n,-n subst.Part.	деятель кино, работник киноискусства
3. das Lichtspielhaus,-es,ᵉer	кинотеатр
4. der Tonfilm,-s,-e	звуковой фильм
5. der Farbfilm,s,-e	цветной фильм
6. der farbige Zeichentrick-film.	цветной мультипликационный фильм
7. der Spielfilm,s,-e	художественный фильм
8. der Dokumentarfilm,s,-s	документальный фильм
9. der Lehrfilm,-s,-e	научный фильм
(der populärwissenschaftliche Film)	/научно-популярный фильм/
(der Stereofilm,-s,-s)	/стереофильм/
(der Kurzfilm,s,-e)	/короткометражный фильм/
10.der amerikanische Kitsch-Film	низкопробный американский фильм
(demoralisieren vt)	/развлагать/
(sittlich verderben,z.o vt)	/развращать/
11.die Wochenschau,-,-en	новости дня, киножурнал
(die Schau,- o.Pl.)	просмотр /фильма, спектакля/
(das Wanderkino,-s,-s)	/кинопередвижка/
(der Filmverleih,-s,-s)	/кинопрокат/
12.Das Filmstudio,-s,-s	киностудия
vom Filmstudio...hergestellt	выпущен киностудией ....., производства киностудии...

Lehrstuhl der deutschen Sprache
1. 2. Kursus
Lehrjahr 1952 - 53

LISTE DER PHONETISCHEN TERMINI

I. Kursus

der Buchstabe -ns, -n	буква
der Buchstabenbestand -es, ᵉe	буквенный состав
der Laut -es, -e	звук
der Lautbestand	звуковой состав
das Phonem. -s, -e	фонема
der Vokal -s, -e	гласный
der Monophtong -es, -e	монофонг
der Diphthong -es, -e	дифтонг
langer Vokal	долгий гласный
halblanger Vokal	полудолгий гласный
kurzer Vokal	краткий гласный
offener (weiter) Vokal	открытый /широкий/ гласный
geschlossener (enger) Vokal	закрытый /узкий/ гласный
reduzierter Vokal	редуцированный гласный
der feste (neue) Einsatz -es, ᵉe	твердый /новый/ приступ
der Knacklaut	твердый /новый/ приступ
der leise Einsatz	слабый приступ
der schwache Absatz -es, ᵉe	слабый отступ
der feste Absatz	сильный отступ
der Konsonant -en, -en	согласный
stimmhafter Konsonant	звонкий согласный
die Stimmhaftigkeit -,	звонкость
halbstimmhafter Konsonant	полузвонкий согласный

Рис. 3. Учебно-методическая разработка кафедры немецкого языка ВИИЯ для студентов 3-го курса 1953/1954 учебного года (разговорная тема «Кино») и материал по фонетике немецкого языка для 2–3-го курсов 1954/1955 учебного года

Находящиеся в личном распоряжении автора статьи, но не размещенные здесь материалы свидетельствуют о том, что на переводческом факультете ВИИЯ большое внимание уделялось как рассмотрению вопросов лингвистической теории, когда все теоретические дисциплины изучались на иностранном языке, так и вопросам практического овладения немецким языком по темам самого широкого спектра. По понятным причинам мы не можем судить о том, как проходило овладение вопросами, связанными с военной проблематикой и военной терминологией, так как такие материалы, скорее всего, не подлежали выносу за пределы ВИИЯ.

Работа военного переводчика в условиях военных конфликтов

К счастью, основная работа военного переводчика Ю. А. Сазонова с немецким языком проходила исключительно в мирное время. Между тем второй иностранный язык — венгерский — оказался неожиданно востребованным именно в период так называемого Венгерского восстания 1956 года, именуемого в советских источниках Венгерским контрреволюционным мятежом, когда военному переводчику предстояло проявить все приобретенные навыки и компетенции в экстремальных условиях. В воспоминаниях Сазонова увиденное в те дни в Будапеште описывается довольно подробно, упоминается много реальных имен военнослужащих, называются их должности и служебные обязанности, в деталях излагается план перемещения к месту событий, обозначаются точные цифры в отношении численности подразделений, наличия боевой техники и т. д., но, судя по всему, данные об участии советских вооруженных сил в венгерских событиях пока до конца не рассекречены, поэтому мы не будем использовать имеющиеся в нашем распоряжении сведения в открытой публикации.

Как офицер, военный переводчик Ю. А. Сазонов имел право передвигаться по Венгрии только с пистолетом и ручной гранатой. В функциональные обязанности переводчика при советской комендатуре входило: осуществление перевода во время допроса задержанных участников восстания до проведения следствия; составление соответствующих протоколов; оповещение членов семей депортированных венгров для проведения дальнейших следственных действий в Ужгороде и т. д.; перемещение по стране с профессиональным инженером для выполнения специфических задач (связанных, например, с определением грузоподъемности и проходимости дорожных мостов). При проведении таких заданий с целью безопасности Сазонова сопровождал автоматчик. С различными поручениями переводчику доводилось

участвовать в ночных рейдах по неблагополучным местам венгерской столицы, в розыске преступника, который, по имеющейся версии, скрывался в цыганском таборе, и мн. др.

Как доказывают факты, приведенные в воспоминаниях Ю. А. Сазонова, основными функциями военных переводчиков в условиях военного конфликта становятся следующие:

1) перевод военных документов (солдатских книжек, распоряжений, приказов, инструкций, сводок и т. д.);

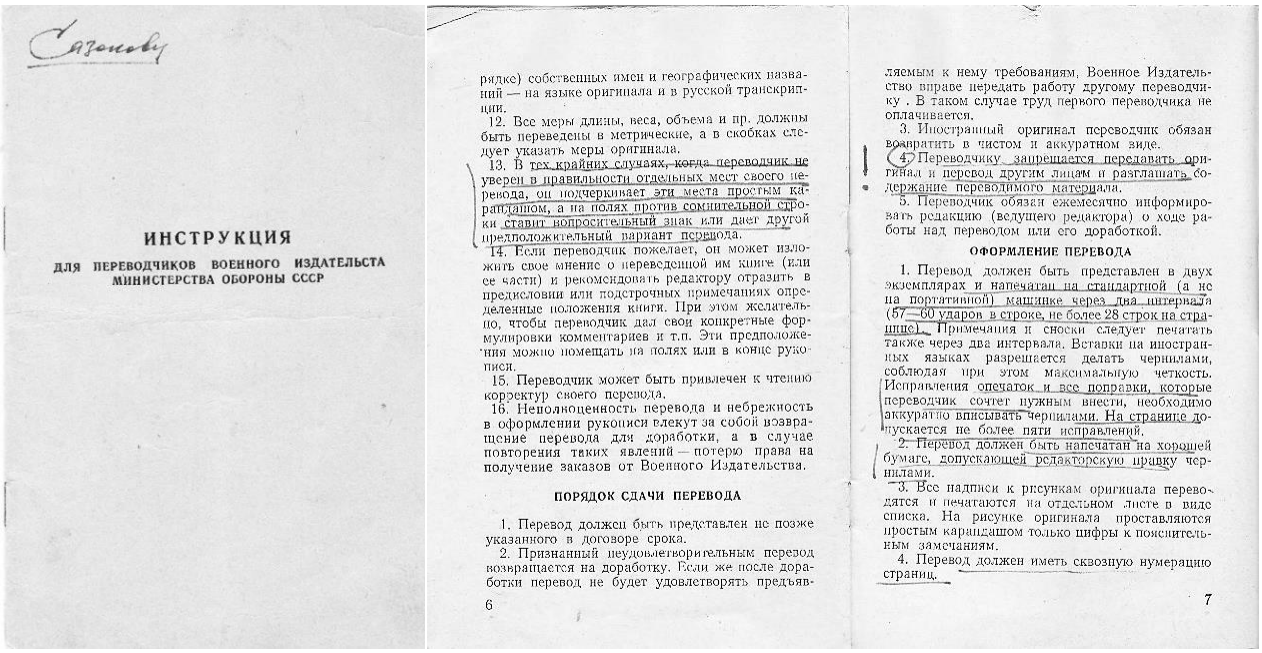
2) составление протоколов допроса;

3) подготовка аналитических справок, полученных из различных источников, об актуальной обстановке.

При этом от военного переводчика требуется знание военной терминологии, организационно-штатной структуры армии противника, владение знаниями о стране, ее политическом устройстве, религии и т. д. Военный переводчик должен уметь быстро реагировать в экстремальной ситуации, быть готовым принимать участие в боевых действиях, в том числе и с оружием в руках.

Военное издательство и его сотрудничество с военными переводчиками

Ю. А. Сазонов тесно работал с Военным издательством, сотрудничеством с которым очень дорожил. Издательство доверило ему перевод шести книг с немецкого и венгерского языков. Смеем предположить, что в силу специфики издаваемой литературы «Воениздат» работал исключительно с профессиональными военными переводчиками. Косвенное подтверждение данной гипотезы нашлось в имеющихся архивных материалах. Речь идет о документе под названием «Инструкция для переводчиков военного издательства Министерства обороны СССР» (год издания и другие выходные данные в документе отсутствуют. — *С. П.*), обнаруженная автором статьи в одной из книг, переведенных Сазоновым. В самом первом абзаце документа из семи страниц сказано, что «перевод поручается лицам, хорошо владеющим иностранным языком и являющимся специалистами в той области знаний, к которой относится подлежащий переводу материал». А поскольку данное издательство занималась либо выпуском отечественной или зарубежной художественной литературы по военной проблематике, либо изданием книг по целевому заказу Министерства обороны СССР, можно с достаточно большой долей уверенности утверждать, что заказы получали профессиональные военные переводчики. Другие разделы упомянутой инструкции (5-й и 9-й), содержащие примеры перевода наименований военных операций, названий военных кораблей, видов оружия, типов самолетов, обозначений воинских званий и т. д., только подтверждают высказанную версию (рис. 4).



Сазонову

ИНСТРУКЦИЯ

ДЛЯ ПЕРЕВОДЧИКОВ ВОЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

рядке) собственных имен и географических названий — на языке оригинала и в русской транскрипции.

12. Все меры длины, веса, объема и пр. должны быть переведены в метрические, а в скобках следует указать меры оригинала.

13. В тех крайних случаях, когда переводчик не уверен в правильности отдельных мест своего перевода, он подчеркивает эти места простым карандашом, а на полях против сомнительной строки ставит вопросительный знак или дает другой предположительный вариант перевода.

14. Если переводчик пожелает, он может изложить свое мнение о переведенной им книге (или ее части) и рекомендовать редактору отразить в предисловии или подстрочных примечаниях определенные положения книги. При этом желательно, чтобы переводчик дал свои конкретные формулировки комментариев и т.п. Эти предположения можно помещать на полях или в конце рукописи.

15. Переводчик может быть привлечен к чтению корректур своего перевода.

16. Неполноценность перевода и небрежность в оформлении рукописи влекут за собой возвращение перевода для доработки, а в случае повторения таких явлений — потерю права на получение заказов от Военного Издательства.

ПОРЯДОК СДАЧИ ПЕРЕВОДА

1. Перевод должен быть представлен не позже указанного в договоре срока.

2. Признанный неудовлетворительным перевод возвращается на доработку. Если же после доработки перевод не будет удовлетворять предъявляемым к нему требованиям, Военное Издательство вправе передать работу другому переводчику. В таком случае труд первого переводчика не оплачивается.

3. Иностранный оригинал переводчик обязан возвратить в чистом и аккуратном виде.

4. Переводчику запрещается передавать оригинал и перевод другим лицам и разглашать содержание переводимого материала.

5. Переводчик обязан ежемесячно информировать редакцию (ведущего редактора) о ходе работы над переводом или его доработкой.

ОФОРМЛЕНИЕ ПЕРЕВОДА

1. Перевод должен быть представлен в двух экземплярах и напечатан на стандартной (а не на портативной) машинке через два интервала (57—60 ударов в строке, не более 28 строк на странице). Примечания и сноски следует печатать также через два интервала. Вставки на иностранных языках разрешается делать чернилами, соблюдая при этом максимальную четкость. Исправления опечаток и все поправки, которые переводчик сочтет нужным внести, необходимо аккуратно вписывать чернилами. На странице допускается не более пяти исправлений.

2. Перевод должен быть напечатан на хорошей бумаге, допускающей редакторскую правку чернилами.

3. Все надписи к рисункам оригинала переводятся и печатаются на отдельном листе в виде списка. На рисунке оригинала проставляются простым карандашом только цифры к пояснительным замечаниям.

4. Перевод должен иметь сквозную нумерацию страниц.

6

7

Рис. 4. Инструкция для переводчиков Военного издательства Министерства обороны СССР

В послужном списке Ю. А. Сазонова числится в общей сложности 6 книг, переведенных на русский язык единолично или в соавторстве с коллегами. Заметим, что книги выпускались достаточно большими тиражами (от 15 500 до 100 000 экземпляров). Книги, названия которых свидетельствуют о том, что их перевод мог быть выполнен только военным переводчиком (Лотар Рендулич «Управление войсками», тираж 15 500; коллективная монография «Бундесвер — армия реванша», тираж 25 000), могут стать объектом самостоятельного исследования особенностей перевода немецкой военной лексики и терминологии на русский язык.

В данной статье мы обратимся к примеру перевода немецкой художественной литературы, содержащей большое количество военной терминологии и поэтому вышедшей в Военном издательстве. Речь пойдет о романе Des Soldaten Gleichschritt писателя Густава Ябса, вышедшем в ГДР в издательстве Deutscher Militärverlag в 1964 году [Gustav Jabs, 1964]. Ю. А. Сазонов получил данную книгу лично из рук немецкого писателя, перевод произведения был заказан советским Военным издательством. В результате в 1965 году вышла книга Ябса «Вторая семья» в переводе Сазонова тиражом в 65 000 экземпляров.

Поделимся некоторыми размышлениями в отношении военной лексики, которая встречается в художественной литературе в целом и в указанном выше произведении в частности. В художественной литературе наличие военной лексики сигнализирует прежде всего о принадлежности произведения или его отдельных фрагментов к теме войны или военному делу. В авторской речи и в речи персонажей произведения художественной литературы военная лексика с разной степенью точности передает суть событий и характер отношений между людьми, принимающими участие в описываемых действиях в условиях военного времени. К разряду «военная лексика» относятся следующие лексические группы: военные термины, военные профессионализмы и лексические единицы военного жаргона. Эти три категории в пространстве произведения художественной литературы отличаются своей функциональной спецификой. По нашим наблюдениям, военные термины, вышедшие за пределы специальных текстов, утрачивают присущую им точность, приобретая черты военных профессионализмов. Читатель, не принадлежащий к военной среде и не имеющий специальных военных знаний, воспринимает их как вкрапления, относящиеся к профессиональной речи. Военный переводчик может заметить неточности использования военных терминов в художественной литературе или в художественном фильме о войне. Специалист Ю. А. Сазонов часто возмущался «элементарными», с его точки зрения, ошибками в речевом использовании на языке оригинала и при переводе в советских кинолентах лексических единиц уставного регистра “Jawohl!” («Так точно!») и “Zu Befehl!” («Слушаюсь!»).

Эти наблюдения важны, по нашему мнению, для анализа военной лексики в упомянутой книги Густава Ябса. Произведение буквально насыщено военной терминологией, что доказывает частичная выборка военной лексики, которую мы разделили по следующим тематическим (весьма условным) группам:

1) общие понятия, связанные с военной проблематикой (Kaserne, Waffe, Krieg, Armee, Kommandantur, Offizier, Soldat, Disziplin halten, Dienststunde, Zapfenstreich, Kompanieklub, Kommando, Luftalarm, Schießplatz, im Gleichritt, Sturmgepäck, Schutzmaske, Militärische Ordnung, Vorgesetzter, exerzieren, Gewehr umhängen, NATO-Manöver, Kriegstrommel, Staatsgrenze, Befehl);

2) принадлежность к роду войск (Pioniere, Schützen, Panzermänner, Artilleristen, Funker);

3) боевые действия (Angriff, Gefecht, Flakgeschütz, angreifen, Feuer unterlaufen, Artilleriefeuer, Treffer, Mot.-Schützenzug im Angriff, Schützengraben, Übungsgelände);

4) названия подразделений и обозначения воинских званий (Hauptfeldwebel, Unteroffizier, Zug, Oberleutnant, Oberstleutnant, Zugführer, Kompanie, Kompanieführer, Kompaniechef, Hauptmann, Gruppenführer, Leutnant, Regiment, Regimentkommandeur, UvD — Unteroffizier vom Dienst);

5) виды вооружения и средства поражения (Gewehr, Kugel, Maschinengewehr, MG, Maschinenpistole, MPi, Granate, Kanone, Panzer, Patronentaschen, SPW — Schützenpanzerwagen);

6) разговорная лексика и инвективы разговорной речи военнослужащих (Scheiße, Verflucht! Verdammt! Maulheld, alte Hasen, sei kein Frosch! Sie sind aber keß!).

Подчеркнем, что речь в данном случае идет всего лишь о произведении художественной литературы, где активно используется военная лексика, создающая фон, на котором происходит основное действие главных персонажей. В данном случае от читателя не требуется военных знаний, ему важно лишь разобраться в человеческих отношениях в условиях военных действий. При этом перевод подобного произведения максимально точно может осуществить именно профессиональный военный переводчик, разбирающийся в тонкостях военного ремесла. В качестве заключительного примера приведем вариант использования словосочетания “Militärische Disziplin”, многократно встреченный в данном романе, которое военный переводчик автоматически передаст на русский язык вариантом «Воинская дисциплина»,

а не «Военная дисциплина», как может перевести специалист, знающий язык, но не знакомый с особенностями словоупотребления в военном контексте.

Заключение

Проанализированные данные о профессии военного переводчика, полученные нами главным образом из семейных архивных материалов, позволяют говорить о возможности их использования для формирования некоторых параграфов при написании главы о военном переводчике в справочном или учебном пособии по истории отечественного переводоведения. Дальнейшее исследование может быть направлено на выявление новых векторов в деятельности военного переводчика, в частности в мирное время в стране изучаемого языка, чему мы намерены посвятить следующую статью.

Список источников

1. Коломейцева П. А., Володин В. В. Роль военных переводчиков в годы Великой Отечественной войны // Юный ученый. — 2022. — № 7 (59). — С. 34–36. — URL : https://moluch.ru/young/archive/59/3134/ (дата обращения: 05.02.2023).

2. Краткое жизнеописание Ю. А. Сазонова с некоторыми пояснениями, или «Былое и думы» // Личный архив С. Ю. Потаповой.

3. Потапова С. Ю. Профессия переводчика: романтика и будни // Иностранные языки в высшей школе. — 2018. — № 2 (45). — С. 106–116.

References

1. Kolomeitseva P. A., Volodin V. V. Military translators role during the Great Patriotic War. *Yuny Uchyony* [Young Scholar]. 2022, no. 7 (59), pp. 34–36. Available at: https://moluch.ru/young/archive/59/3134/ (accessed 05.02.2023). (In Russian).

2. A brief biography of Yu. A. Sazonov with some explanations, or “The Past and Thoughts”. *Lichnyy arkhiv S. Yu. Potapovoy* [Personal archive of S. Yu. Potapova]. (In Russian).

3. Potapova S. Y. On the Bread and Wine of an Interpreter´s Job. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertialy Education]. 2018, no. 2 (45), pp. 106–116. (In Russian).

Информация об авторе

Потапова Светлана Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, директор Центра немецкого языка (партнер Гёте-Института) при Международной академии бизнеса и новых технологий; почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации,

Information about the author

Potapova, Svetlana — doctor of philology, professor, director of German Language Center (Partner of Goethe-Institute) Yaroslavl International University of Business and New Technologies; merited educator of Tertiary Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 27.01.2023;
одобрена после рецензирования 06.02.2023;
принята к публикации 08.02.2023.

Submitted 27.01.2023;
approved after reviewing 06.02.2023;
accepted for publication 08.02.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 86–96.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;1(64):86–96.

Научная статья
УДК 81’255:82=581=161
DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.010

Определение фасцинационной и фактуальной доминанты в переводе художественного текста (на примере китайской классической поэзии)

Елена Викторовна Романовская
Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
lotos1709@mail.ru

Аннотация. Теория фасцинации Ю. В. Кнорозова в сочетании с авторским видением дихотомии фасцинационной и фактуальной информации в русле комбина́торной семантики применяется к области художественного перевода. Понятия эквивалентного и адекватного перевода разграничиваются на основе теории уровней Линь Юйтана. Рассматриваются свойства поэтического текста, способствующие возникновению фасцинационного эффекта. Предлагается методика расчета фасцинационного и фактуального соответствия перевода исходному тексту на примере русского, английского и немецкого переводов стихотворения Ду Фу «Поднимаюсь на высоту».

Ключевые слова: фасцинация, фактуальная информация, художественный перевод, эквивалентность, адекватность, китайская классическая поэзия.

Для цитирования: Романовская Е. В. Определение фасцинационной и фактуальной доминанты в переводе художественного текста (на примере китайской классической поэзии) // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 86–96. DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.010.

Original article

Determination of fascinative and factual dominant element in literary text translation (the case of Chinese classical poetry)

Elena V. Romanovskaya
The Centre for the Belarusian Culture, Language and Literature Researches
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
lotos1709@mail.ru

Abstract. Yu. V. Knorozov’s fascination theory in combination with the author’s vision of the dichotomy of fascination and factual information in line with combinatory semantics is applied to the field of literary translation. Lin Yutang’s level theory is used to differentiate the concepts of equivalent and appropriate translation. The paper examines the aspects of the poetic text contributing to the appearance of the fascination effect. The author proposes a method of calculating the fascination and factual correspondence of the translation to the source text using the example of Russian, English and German translations of the poem Du Fu Climbing High.

Keywords: fascination, factual information, literary translation, equivalence, appropriate translation, Chinese classical poetry.

For citation: Romanovskaya E. V. Determination of fascinative and factual dominant element in literary text translation (the case of Chinese classical poetry). *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 1(64):86–96. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.64.1.010.

Поэзия — это очень тонкое взаимодействие формы и содержания в фасцинационном и фактуальном единстве. Фасцинация — разновидность вербальной информации, вызывающей иррациональную реакцию индивида при воздействии на его отношение к миру. Фактуальная информация (фактуация) — разновидность вербальной информации, вызывающей рациональную реакцию индивида при воздействии на его модель мира (подробнее о фасцинации и фактуальной информации см.: [Кнорозов, 1973 ; Романовская, 2016, 2019]; подробнее о модели мира см.: [Гордей, 2006]).

© Романовская Е. В., 2023

Художественный перевод является одним из наиболее сложных видов переводческой деятельности, что обусловлено спецификой художественного текста, а также трудностями, возникающими в процессе отображения исходного текста средствами иного языка в рамках иной культуры. Цель художественного перевода заключается в необходимости «передать художественно-эстетические достоинства оригинала, создать полноценный художественный текст на языке перевода» [Комиссаров, 1999, с. 114].

Проблемой, давно сформулированной в области межъязыкового перевода, является противоречие между установкой на исходный текст (source text orientation) и установкой на переводной текст (target text orientation), в сущности сводимое к проблеме соотношения буквального и вольного, эквивалентного и адекватного перевода.

Под буквальным переводом понимается пословный перевод с сохранением синтаксической структуры оригинального текста, что не всегда возможно из-за несоответствия нормам переводного языка либо отсутствия прямого переводческого эквивалента. Буквальный перевод является ядром концепции формального соответствия, согласно которой переводчик стремится передать все элементы исходного текста, включая и непривычные для носителя переводящего языка. Вольный перевод означает перевод, для которого характерны неоправданные отступления от семантического и формально-стилистического соответствия перевода оригинальному тексту. Если буквальный перевод является результатом отсутствия трансформаций, то вольный перевод — результат избыточной трансформированности.

Понятия эквивалентности и адекватности перевода неизменно находятся в центре различных концепций перевода, однако трактовки этих понятий неодинаковы. Согласно В. Н. Комиссарову, эквивалентность — это «смысловая общность приравниваемых друг к другу единиц языка и речи» [цит. по: Швейцер, 1988, с. 92], адекватность — синоним «хорошего» перевода; по мнению А. Д. Швейцера, эквивалентность — это соответствие текста перевода исходному, а адекватность — соответствие перевода как процесса данным коммуникативным условиям [Швейцер, 1988].

Для четкого разграничения категорий эквивалентности и адекватности мы предлагаем определить уровни перевода, как, например, сделано в концепции перевода Линь Юйтана [1]. Линь Юйтан выделял «перевод слов» (字译) и «перевод предложений» (句译). В первом случае «переводчик должен переводить значения каждого иероглифа (слова) поочередно одно за другим, с тем чтобы значения этих разрозненных иероглифов (слов) собрать воедино, и затем получить смысл всего предложения… При переводе предложений следует гибко относиться к значению отдельных слов; предложение представляет собой организованную структуру, и концентрированное значение всего предложения есть “артерия” предложения, а значения слов являются “обобщенным значением” (总意义) взаимосвязанных и соединенных вместе компонентов» [2] [Щичко, 2007, с. 12].

В таком понимании эквивалентный перевод совершается на микроуровне — уровне лексических единиц и их сочетаний, но предполагает применение переводческих трансформаций для соблюдения синтаксических норм языка перевода (так называемая денотативная эквивалентность). Цель эквивалентного перевода заключается в максимально точном отображении фактуальной информации (предметно-логического содержания) текста. Эквивалентный перевод является центром концепции нормативно-содержательного соответствия, когда переводчик стремится отобразить важные элементы содержания и при этом соблюсти нормы переводящего языка [Алексеева, 2004, с. 142].

Адекватный перевод осуществляется на макроуровне — уровне предложения и выше, учитывает целостность текста как единой системы и подразумевает оптимальное количество переводческих трансформаций для максимально возможного отображения как фактуальной, так и фасцинационной информации исходного текста. Как отмечает М. Б. Раренко, если эквивалентный перевод можно назвать максимальным (в плане передачи фактуальной информации), то адекватный перевод — оптимальным [Раренко, 2010, с. 11].

Эквивалентность либо адекватность перевода, по нашему мнению, обусловлены доминантой перевода, в терминологии А. А. Ухтомского [Ухтомский, 2019]. Доминанта в переводоведении представляет собой «конкретный элемент, который переводчик считает наиболее важным в тексте, которому он придает особое значение в передаче на другом языке идеи произведения» [Тороп, 1995, с. 104]. Доминанта перевода может обозначать целевую установку переводчика на передачу определенного типа информации: отображение фактуальной информации на микроуровне соответствует буквальному переводу, передача фактуальной информации в ущерб фасцинационной на макроуровне — эквивалентному

[1] Согласно замечанию Э. Бенвениста, «только понятие уровня поможет нам обнаружить во всей сложности форм своеобразие строения частей и целого» [цит. по: Гальперин, 2007, с. 3].

[2] Сопоставим с понятием «сверхфразовое единство», выделяемым в области анализа художественного текста.

переводу, оптимальное соотношение фактуальной и фасцинационной информации — адекватному переводу, приоритет фасцинационной составляющей в ущерб фактуальной — вольному переводу.

В адекватном переводе художественного текста неизбежно присутствуют элементы вольного перевода. Переводчик оказывается перед выбором: придерживаться буквальной точности, то есть максимально возможного отображения семантики элементов, либо при необходимости жертвовать буквальной точностью перевода элементов и пытаться передать семантику целого [3].

Художественный текст характеризуется сложной внутренней структурой и специфической формой организации, способствующей высокому содержанию фасцинационной информации. Среди основных свойств художественного текста, отвечающих за фасцинационный эффект, можно выделить неопределеннозначность, ритмизацию, когерентность.

Неопределеннозначность, эллипсы либо незавершенность описания способствуют активизации воображения индивида и заставляют его дополнить информацию до завершенного целого, что сопровождается сильным фасцинационным эффектом. Неопределеннозначность китайских классических стихов находит выражение в таких категориях, как 模糊 [móhú] «неясность», 含蓄 [hánxù] «таящееся накопление» [4]. Как пишет Лю Хуайжун, “模糊性在中国古典诗词中表现得更为明显，这除了客观事物的模糊，人类的认识和语言的模糊等一般原因外，主要是由于中国古典诗词有其自身的独特性，即抒情性” («В китайской классической поэзии неясность выражена еще более отчетливо. Помимо неясности, присущей объективным явлениям, человеческому знанию и языку, основная причина [неясности] заключается в специфике самой поэзии, а именно в выражении чувств») [цит. по: 李浩 [Ли Хао], 2000, 83页]. Следует учитывать, что конфуцианские нормы поведения предписывали сдержанность, а «прямоговорение» и открытое выражение своих чувств были под негласным запретом. Один из способов скрыть истинный смысл стихотворения заключался в его «неясности».

Понятие «таящееся накопление» (в переводе В. М. Алексеева) подразумевает колоссальную семантическую нагрузку лаконичных стихотворных строк китайского стиха: “隐也者，文外之重旨者也” [Yǐn yě zhě, wén wài zhī zhòng zhǐ zhě yě] («Скрытое заключается в богатом смысле за словами» [刘勰 [Лю Се], V–VI века]; “含不尽之意，见于言外” [Hán bù jìn zhī yì, jiànyú yán wài] («[То, что] содержит неисчерпаемый смысл, заключается в невысказанном») [李浩 [Ли Хао], 2000, 89页]. Скрытые смыслы находят выражение в использовании прямых или косвенных цитат, аллюзий, реминисценций, имен собственных, словесных клише и других форм так называемых *дяньгу* (典故), то есть обращений к древним книгам, предшествующим письменным источникам [5] [Кравцова, 2004, с. 24].

Ритмическая организация служит одним из основных отличительных признаков поэтического произведения (она, хотя и в меньшей степени, характерна и для прозы), играя интегрирующую роль в достижении целостности текста. Функция ритма заключается в придании стихотворению определенного темпа, имеющего возбуждающее либо успокаивающее воздействие, в создании эмоционального фона для восприятия конкретного содержания, а также в способности нести определенную семантическую нагрузку, вызывая ассоциации с определенной эпохой, тематикой, автором либо произведением (например, написанная стихом старинных народных былин «Песня про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова [Гаспаров, 2012, с. 5]).

Элементы ритмической организации китайских классических стихов включают фиксированную длину строк, рифму, межстрочные и внутристрочные паузы, повторы (на уровне иероглифов и их элементов), параллелизмы, цезуру и зеркальное отображение тонов в смежных строках.

Для китайской классической поэзии характерна равностопность строки: в древней поэзии — четыре иероглифа, в стихах старого и нового стилей — пять либо семь иероглифов в строке. Для сравнения, в русском силлабическом стихе наиболее распространены строки в 11 и 13 слогов, максимальной длиной строки из наиболее употребительных размеров в силлабо-тоническом стихосложении обладают шестистопные ямб и хорей (12 слогов), четырехстопные дактиль, амфибрахий и анапест (12 слогов). Можно предположить, что для наилучшего восприятия максимальная длина строки не должна превышать 14 слогов.

---

[3] Как пишет Лю Чундэ, “Owning to the differences in the characteristics of various languages, it is both impossible and unnecessary for the translator to render the original poems word by word” («В силу разных характеристик различных языков, переводчику невозможно и не нужно передавать оригинальные стихи слово в слово») [цит. по: Zhou, 2007]. Схожую мысль высказывает М. Б. Раренко: «…адекватный перевод в области художественных текстов никак не предполагает “фотографической” точности воспроизведения оригинала. Мастерство переводчика во многом определяется умением жертвовать какими-то смыслами и выразительными средствами, находя в языке перевода те, которые могут их заместить» [Раренко, 2010, с. 17].

[4] Неопределеннозначность свойственна и китайским иероглифам: «Китайское представление о подобии всех уровней Вселенной ведет к тому, что один и тот же китайский иероглиф можно интерпретировать на разных уровнях — от конкретно-бытового до отвлеченно-философского, от рыночных реалий до метафор мироздания, от физиологизмов до астрономических терминов» [Городецкая, 2002].

[5] Аналогичное явление характерно для литературы постмодернизма.

Китайской поэзии на протяжении нескольких тысячелетий ее развития свойственно обязательное применение рифмы. Рифма служила также индикатором раздела строк. Строка классического китайского стиха 句 не обладала ритмической и композиционной завершенностью и рассматривалась как часть пары — двустишия, или связки 联. Первая строка связки именовалась 出句 [chūjù] «задающая строка», вторая — 对句 [duìjù] «отвечающая строка».

В теории и практике классического стихосложения тоны распределялись по двум группам: группу «ровного тона» (平声), подразделяющуюся на «верхний ровный тон» (上平声) и «нижний ровный тон» (下平声), и группу «косых тонов» (仄声), включающую «высокий» (上声), «ниспадающий» (去声) и «входящий» (入声) тоны. Подобное разделение было теоретически оформлено такими учеными, как Шэнь Юэ (441–513), Чжоу Юн (?–485) и др.

Для классической китайской поэзии, в силу специфики китайского языка, повторяющиеся рифмы были обычным явлением, с VII века существовали словари, в которых фиксировались группы рифм, количество и состав этих групп. В одну такую группу входили иероглифы, читавшиеся одинаковым тоном и имевшие одну и ту же финаль (часть слога за исключением начального согласного). В книге рифм 集韵 (XI век) приведены 106 групп рифм. Группа верхнего ровного тона насчитывала 15 групп, группа нижнего ровного тона — 15, группа высокого тона — 29, группа нисходящего тона — 30, группа входящего тона — 17.

В стихах нового стиля существовала строгая система: обязательно рифмовались «отвечающие» строки: вторая, четвертая, шестая и восьмая (люйши), вторая и четвертая (цзюэцзюй). Рифма также часто применялась к «задающей» строке первой связки: AABA (цзюэцзюй), AABA ABAB (люйши).

Мелодика стихов нового стиля отличается соответствием заданным тональным комбинациям, состоящим из ровных и косых тонов. В пятисловных люйши и цзюэцзюй выделяются четыре комбинации «ровных» и «косых» тонов. В семисловных люйши и цзюэцзюй используются аналогичные ритмические схемы, однако в начале строки прибавляются два знака, читающиеся тоном, отличным от группы тонов следующих двух знаков:

(平平) 仄仄仄平平	(仄仄) 平平仄仄平
(平平) 仄仄平平仄	(仄仄) 平平平仄仄

Согласно общему правилу, расположение тонов в первой строке обязательно должно быть обратным расположению тонов во второй строке двустишия (принцип няньдуй).

В рамках жестко регламентированной регулярной поэзии отклонения от тонального рисунка также были четко прописаны: требуется обязательное соблюдение тонов второго и четвертого слов (в пятисловном стихе), второго, четвертого, шестого (в семисловном стихе). Кроме того, согласно закону компенсации (拗救), замена ровного тона компенсируется заменой косого тона (и наоборот) в пределах одной строки либо в смежных строках.

Художественный текст актуализирует свойство когерентности, присущее сложно устроенным системам, в которых целое приобретает свойства, не сводимые к свойствам элементов [6]. В поэтическом тексте свойство когерентности выражено еще более явно. Каждый элемент строки оказывает огромное влияние на все остальное окружение, семантическая нагрузка лексических единиц обусловлена их теснейшими сцеплениями, образующими так называемую «семантику группы». Любая перестановка элементов стихотворного ряда, а также пересказ стихотворения близким по содержанию прозаическим текстом, влекут за собой разрушение «семантики группы» и, как следствие, утрату фасцинационного эффекта.

Для отображения фасцинационных свойств перевода мы предлагаем процедуру количественного подсчета коэффициента фасцинационного соответствия перевода оригиналу. Расчет осуществляется по методу выведения средней арифметической.

Коэффициент фасцинационного соответствия оригиналу высчитывается следующим образом:

$$\text{КФцС} = \frac{\sum x}{n}, \qquad (1)$$

где КФцС — коэффициент фасцинационного соответствия; $\sum x$ — сумма коэффициентов по отдельно взятому параметру; n — численность совокупности параметров.

[6] Об этой общей закономерности Ю. В. Кнорозов писал: «Возникновение системы высшего порядка в результате качественного скачка приводит к появлению новых свойств, которые, естественно, не могут быть сведены к свойствам составляющих систему единиц. Так, свойства элементарных частиц не аналогичны свойствам основной дифференцированной системы неживой природы — атома, а свойства высших интегрированных систем — молекулы, кристалла — не являются суммой свойств составляющих их атомов» [Кнорозов,1973, с. 325–326].

Коэффициент фасцинационного соответствия призван отражать общий уровень трансформированности, художественной обработки перевода поэтического произведения. Для вычисления КФцС мы анализируем параметры, играющие роль в создании фасцинационного эффекта: наличие ритма, рифмы и длины строки, что отражает степень «цитатоспособности» (легкость восприятия и заучивания наизусть), неопределеннозначности (раскрытие имплицитных значений дяньгу при их наличии в оригинале), когерентности (отсутствие элементов, вызывающих нежелательный фасцинационный эффект, например, неудачный выбор лексической единицы, вызванный межъязыковой интерференцией; нарушение валентности, норм поэтического синтаксиса и др.).

Коэффициент фактуального соответствия оригиналу определяется по аналогичной формуле:

$$\text{КФкС} = \frac{\sum \text{x}}{n}, \quad (2)$$

где КФкС — коэффициент фактуального соответствия; $\sum$x — сумма коэффициентов по отдельно взятому параметру; n — численность совокупности параметров.

Коэффициент фактуального соответствия свидетельствует о степени эквивалентного (нормативно-содержательного) соответствия перевода оригиналу. Для расчета КФкС проанализировано наличие переводческих трансформаций (опущения, добавления, замены), а также параллелизмы, повторы (при их наличии в оригинале).

Параллелизм 对仗 в китайской классической поэзии представляет собой обязательный элемент стихотворения. Самым распространенным видом параллелизма служит сопоставление смежных строк, при этом все элементы одной строки строго соответствуют элементам другой строки и лексически, и грамматически. Правилами стихосложения предписывается использование параллелизма во второй и третьей связках (если параллелизм применяется лишь в одной связке, это, как правило, вторая связка).

Явление редупликации лексической единицы (叠字) широко распространено в китайской поэзии. Повтор лексических единиц выступает важным ритмообразующим элементом и мощным фасцинационным приемом, фокусирующим внимание читателя на повторяющихся элементах, например: “临行密密缝” [lín xíng mì mì fèng] «Перед отъездом делаю плотный-плотный шов»; “采采卷耳” [cǎi cǎi juǎn ěr] «Собираю, собираю подорожник» [7].

В китайском стихе могут повторяться не только иероглифы, но и их элементы (графемы). Повторение одинаковых графем и их комбинаций является разновидностью графического ритма, сходного с пространственным ритмом, встречающимся в архитектуре, живописи, скульптуре. Графический ритм лежит в основе некоторых художественных приемов, восходящих к особенностям иероглифической письменности. На графическом ритме построен художественный прием глоссографии, заключающийся в повторении графических элементов. Например, большой визуальной выразительностью обладает строка из поэмы Цюй Юаня (屈原) «Горному духу» (山鬼): “石磊磊兮葛蔓蔓” [shí lěiléi xī gé màn màn] «Камни громоздятся-громоздятся, мох стелется-стелется». В первых трех иероглифах повторяется графема 石 [shí] «камень», в последних трех иероглифах — графема 艹 [cǎo] «трава». В итоге у читателя с первого взгляда создается впечатление нагромождения камней и густо стелющейся растительности.

Соотношение коэффициентов дает возможность определить доминанту перевода: низкий КФцС при высоком КФкС свидетельствует о том, что доминанта перевода состоит в отображении фактуального содержания оригинала (эквивалентный перевод), высокие КФцС и КФкС — о высокой степени художественной обработки при точном отображении фактуального содержания (адекватный перевод), высокий КФцС при низком КФкС — о большом количестве элементов вольного перевода.

Выполним анализ стихотворения Ду Фу «Поднимаюсь на высоту» (табл. 1).

Таблица 1

Семисловное люйши Ду Фу (杜甫) «Поднимаюсь на высоту» (登高)

Стихотворение в иероглифической записи	**Стихотворение в фонетической записи (НКФА)**
登高	Dēng gāo
風急天高猿嘯哀，渚清沙白鳥飛回。	Fēng jí tiān gāo yuán xiào āi, zhǔ qīng shā bái niǎo fēi huí.
無邊落木蕭蕭下，不盡長江滾滾來。	Wú biān luò mù xiāo xiāo xià, bù jìn Cháng Jiāng gǔn gǔn lái.
萬裡悲秋常作客，百年多病獨登臺。	Wàn lǐ bēi qiū cháng zuò kè, bǎi nián duō bìng dú dēng tái.
艱難苦恨繁霜鬢，潦倒新停濁酒杯。	Jiān nán kǔ hèn fán shuāng bìn liáo dǎo xīn tíng zhuó jiǔ jiǔ bēi.

[7] О дублировании как способе экстенсификации семантики см. работы Н. И. Руденко, Цао Чэня.

Подстрочный перевод

Поднимаюсь (на) высоту [8]

Ветер стремительный, небо высокое, обезьяны воют скорбят, отмель чистая, песок белый, птицы летят возвращаются.

Без границ опадающие деревья/листья шуршат шуршат падают, нет конца Великая река [9] бурлит бурлит/катит катит (волны) приходит.

Десять тысяч ли [10], унылая осень, постоянно являюсь гостем [живу на чужбине], сто лет [вся жизнь] много болезней, одиноко поднимаюсь (на) башню.

Тяготы трудности горечь мучение, обильный иней (покрыл) виски, дряхлый/павший духом вновь останавливаю мутного/неочищенного вина стакан.

Метрическая схема

平仄平平平仄**平**，**仄**平**平**仄仄平平
平平仄仄平平仄，仄仄平平仄仄平
仄仄平平平仄仄，仄平平仄仄平平
平平仄仄平平仄，仄仄平平仄仄平

Стихотворение отличает высокая точность соответствия предписанной мелодической схеме. В первой связке отклонения от заданного тона присущи тонам первого и седьмого знаков «задающей» строки, первого и третьего знаков «отвечающей» строки. Принцип няньдуй соблюден. Знаки 哀 [āi], 回 [huí], 來 [lái], 臺 [tái], 杯 [bēi] принадлежат группе рифм верхнего ровного тона № 10 灰 [hui].

Название стихотворения 登高 [dēng gāo] «Поднимаюсь (на) высоту» играет важную роль, поскольку именно в нем содержится косвенное указание на то, что в стихотворении речь идет о событиях во время праздника двойной девятки. В первой и второй связках описана картина природы (景), которая будто бы отвечает душевному настроению героя (情). В третьей и четвертой связках идет речь о душевном (潦倒 [bìn liáo] «павший духом») и физическом (多病 [duō bìng] «много болезней») состоянии героя, его действиях (登臺 [dēng tái] «поднимаюсь (на) террасу»), жизненном пути (常作客 [cháng zuò kè] «постоянно живу на чужбине»).

Стихотворение построено на параллелизмах. Как и предписано правилами стихосложения, прием параллелизма использован во второй и третьей связках. Элементы из разных строк находятся во взаимном синтаксическом и семантическом соответствии: 無邊 [wú biān] «без границ» — 不盡 [bù jìn] «нет конца», 落木 [luò mù] «опадающие листья» — 長江 [Cháng Jiāng] «Великая река», 蕭蕭 [xiāo xiāo] «шуршат шуршат» — 滚滚 [gǔn gǔn] «бурлит бурлит» и т. д.

В первой связке задающая строка включает четыре иероглифа с графемой «рот» (高猿嘯哀), три иероглифа с детерминативом «вода» (渚清沙). Во второй связке в трех иероглифах «задающей» строки ключом служит графема «трава» (艹), три иероглифа «отвечающей» строки содержат ключ «вода» (氵). В начале заключительной связки в смежных иероглифах используется одинаковый детерминатив: 艱 [jiān] «трудности» и 難 [nán] «тяготы».

Дублированный знак 蕭蕭 [xiāoxiāo] представляет собой звукоподражание падающей листве или свисту ветра. Дублированный знак 滚滚 [gǔngǔn] имеет значение «бурлить», «течь потоком». В данном случае дублирование знаков используется для экстенсификации семантики, обозначая многократность («[листья] шуршаще-шуршаще [падают]») и длительность процесса («[река] бурляще-бурляще [приходит]»).

Образы в картине природы, изображенной в первых двух связках, служат косвенным указанием на душевное состояние героя: вой обезьян, традиционно символизирующий тоску; падающие листья (примета осени, увядания, печали). Образ инея, символизирующий седину на висках, встречается в китайской поэзии очень часто и также относится к традиционным образам.

Проведем анализ переводов стихотворения на русский, английский и немецкий языки.

---

[8] Стихотворение создано в 767 году в день праздника двойной девятки, в который принято подниматься на возвышенности, любоваться окрестностями и пить вино из хризантем.

[9] Река Янцзы.

[10] Огромное расстояние, необъятные дали.

Поднявшись на высоту

Стремителен ветер, и небо высоко.
В лесу обезьяны вопят.
Над чистой, осенней водою потока
Осенние птицы летят.

Осенние листья кружат, опадая,
Багряны они и легки,
И тянутся вдаль от родимого края
Просторы Великой реки [11].

Куда меня гнало и гонит доныне
По тысячам разных дорог?
На старой террасе, на горной вершине,
Я снова совсем одинок.

Сижу, позабывший о прежней отраде,
Покрыла виски седина —
Печальный изгнанник, сижу я, не глядя
На чару хмельного вина.

(пер. А. И. Гитовича) [цит. по: Кравцова, 2004, с. 276–277]

Для перевода А. И. Гитовича присуща четкая ритмизация, в качестве стихотворного размера использован амфибрахий (четырехстопный — в нечетных строках, трехстопный — в четных строках). Перевод зарифмован с применением перекрестной рифмы abab. Каждый иероглиф отображен посредством одной стопы. Одна строка оригинала передается двумя строками перевода. Благодаря трехдольности размера и отсутствию ритмических сбоев стихотворение отличается размеренным, неторопливым темпом, соответствующим своему содержанию.

Параллелизм второй и третьей связок и повторы (в том числе графические) в переводе не отражены. Образы оригинала в основном передаются при помощи буквального перевода: «стремителен ветер, и небо высоко» (風急天高), «обезьяны вопят» (猿嘯), «листья кружат, опадая» (落木), «покрыла виски седина» (繁霜鬢).

В переводе встречается довольно много добавлений: «в лесу», «багряны они и легки», «вдаль от родимого края», «на *старой* террасе, *на горной вершине*», «*не глядя* на чару»; опущений: «скорбят», «песок белый», «унылая осень», «много болезней», «вновь останавливаю»; замен: «*вдаль от родимого края*», «чару *хмельного* вина» вместо «неочищенное вино», «осенние птицы» вместо «птицы» (в результате возникает повторение эпитета «осенний» в смежных строках перевода).

Аллюзия на праздник двойной девятки в переводе не раскрыта, из-за чего имплицитные смыслы, связанные с традиционными особенностями этого торжества, остаются неясными для читателя, принадлежащего к иной культуре.

Рассмотрим перевод стихотворения на английский язык.

Climbing High

In the sky’s abyss, cries of apes inconsolably out-wail the winds;
Over clear shoals and white sand, gulls riding gusts circle and dive.

From the boundless forest above dead leaves rustle, rustle down,
As endlessly below the great Yangtze surges, surges on.

Arriving in woeful autumn, thousands of miles journeying, *ever*
Journeying, a hundered years sick, alone I scale this crag —

Recalling, regretting each defeat and grief that has early aged me.
Yet worse! Now my ill health forbids even a solacing cup of dark wine!

(transl. by Stanton Hager) [Climbing High …]

[11] Согласно примечанию, данному в «Хрестоматии по литературе Китая», под Великой рекой подразумевается река Хуанхэ [Кравцова, 2004, с. 712], что не соответствует действительности, поскольку стихотворение было написано в Куйчжоу, где протекает река Янцзы.

В англоязычном переводе присутствует ритмизация, рифма не применяется. Соблюдается принцип эквилинеарности, из-за чего минимальная длина строки равна тринадцати слогам, максимальная достигает семнадцати слогов.

Параллелизм второй связки передан достаточно точно: “From the boundless forest above dead leaves rustle, rustle down, / As endlessly below the great Yangtze surges, surges on” (букв. «Из бескрайнего леса сверху мертвые/сухие листья шуршат, шуршат вниз, / Так бесконечно внизу великая Янцзы течет, течет дальше»). Отражено сопоставление синонимичных сочетаний 無邊 [wú biān] «без границ» — 不盡 [bù jìn] «без конца»: “boundless — endlessly”; дублирование знаков 蕭蕭 [xiāo xiāo] и 滚滚 [gǔn gǔn]: “rustle, rustle down” («шуршат, шуршат вниз») — “surges, surges on” («вздымается, вздымается дальше»).

Интересное решение найдено переводчиком при отражении дублирования графем в знаках 艱 [jiān] «трудности» и 難 [nán] «тяготы» посредством префиксов: **re**calling, **re**gretting («вспоминая, сожалея»).

При переводе образов оригинала широко использованы трансформации, ведущие к усилению экспрессии: 天高 [tiān gāo] «небо высокое» — in the sky’s abyss («в небесной бездне»), 猿嘯哀 [yuán xiào āi] «обезьяны вопят скорбно» — cries of apes inconsolably out-wail the winds («крики обезьян, безутешно воющих громче ветров»); 落木 [luò mù] «опадающие листья» — dead leaves («мертвые/сухие листья»); 登臺 [dēng tái] «поднимаюсь (на) башню» — scale this crag («измеряю эту скалу»). Образ 悲秋 [bēi qiū] «унылая осень» передан достаточно точно — “woeful autumn” («горестная осень»). Образ 繁霜鬢 [fán shuāng bìn] «обильный иней (на) висках» переведен парафразом — “has early aged me” («рано состарили меня»).

Сочетание常作客 [cháng zuò kè] «постоянно живу на чужбине» — “journeying, *ever* / Journeying” («странствуя, *всегда* / Странствуя») в переводе обладает большей экспрессией, чем в оригинале. Причиной служит дублирование в смежных строках слова “journeying” и сильный акцент на слове “*ever” («всегда»)*, выделенном и графически (курсивное начертание), и композиционно (расположение в конце строки влечет за собой возникновение после слова *“ever”* долгой междустрочной паузы).

Для перевода характерны добавления: “riding gusts” («летят в порывах [ветра]»), “*arriving* in woeful autumn” («*прибывая* горестной осенью»), “*yet* worse” («*еще* хуже»), “*solacing* cup” («*утешающая* чаша»); опущение: “新亭” («вновь останавливаю»); конкретизация: “gulls” («чайки» вместо «птицы»).

Рассмотрим перевод стихотворения на немецкий язык.

Der Aufstieg

Unter hohem Himmel und brausenden Wind
klingt der Affen klagende Weis’,

Über klarer Insel, weißem Sand
ziehn die Vögel ihre Kreis.

Der vielen Bäume welkes Laub
raschelnd niedefällt’s,

Und unentwegt der große Strom
sich ewig worwärts wältzt.

Des unsteten Lebens trister Herbst
lässt mich ein Fremder sein,

Mit soviel ständigen Gebrechen
zur Höh’ steig’ ich allein.

Die Schläfen tragen reichlich Reif
ob meines schweren Seins,

Entbehren muss ich mittellos
den Becher trüben Weins [12].

(Andreas Blumhofer, Donghui Yang)

Перевод ритмизован и рифмован с применением холостой рифмовки *abcb*. Одна строка оригинала передается двумя строками перевода, разделение строки осуществляется строго по цезуре.

[12] Перевод сопровождается оригиналом, буквальным переводом и достаточно подробным комментарием [Blumhofer, Yang, 2015, s. 68–69].

Четко отражен параллелизм первой связки: “Unter hohem Himmel und brausenden Wind / klingt der Affen klagende Weis’, / Über klarer Insel, weißem Sand / ziehn die Vögel ihre Kreis“ («Под высоким небом и шумным ветром / звучит обезьян жалобный крик, / Над чистым островом, белым песком / рисуют птицы свои круги»).

Синтаксический параллелизм второй связки, а также дублирование не сохранены, но лексическими средствами переданы семантические параллели: “welkes Laub rauschend niedefällt’s“ («высохшая листва шелестящая падает») — “unentwegt der große Strom sich ewig worwärts wältzt“ («постоянно большая река нескончаемо вперед катит [волны]»).

Перевод выполнен достаточно точно, с сохранением образов: “soviel ständigen Gebrechen“ («так много постоянных недугов»); “die Schläfen tragen reichlich Reif“ («виски покрыты (букв. «носят») обильным инеем»), “den Becher trüben Weins“ («бокал мутного вина»).

В ряде случаев присутствуют замены: “ziehn die Vögel *ihre Kreis*” («рисуют птицы *свои круги*»); добавления: “entbehren *muss* ich mittellos” («лишиться *должен* я безучастно»).

Приведем результаты подсчета КФцС (табл. 2) и КФкС (табл. 3) переводов стихотворения Ду Фу «Поднимаюсь на высоту» на русский, английский и немецкий языки.

Таблица 2

Результаты расчета КФцС переводов стихотворения Ду Фу «Поднимаюсь на высоту» на русский, английский и немецкий языки

Перевод	Ритм	Рифма	Длина строки, слоги	Дяньгу	Когерентность	**КФцС**
А. И. Гитович (рус.)	1	1	1 (8–12)	0	1	**0.8**
Стэнтон Хэйгер (англ.)	1	0	0 (13–17)	0	1	**0.4**
А. Блумхофер, Ян Дунхуэй (нем.)	1	1	1 (5–11)	1	1	**1**

Таблица 3

Результаты расчета КФкС переводов стихотворения Ду Фу «Поднимаюсь на высоту» на русский, английский и немецкий языки

Перевод	Параллелизм	Добавления	Опущения	Замены	**КФкС**
А. И. Гитович (рус.)	0	0 (7 ед.)	0 (5 ед.)	0 (5 ед.)	**0**
Стэнтон Хэйгер (англ.)	1	0 (4 ед.)	0 (4 ед.)	0 (1 ед.)	**0,25**
А. Блумхофер, Ян Дунхуэй (нем.)	1	0 (1 ед.)	0 (1 ед.)	1	**0,5**

Таким образом, расчет коэффициентов позволяет проследить общую тенденцию: чем выше КФцС, тем выше степень художественной обработки перевода; чем выше КФкС, тем выше степень эквивалентного соответствия оригиналу. КФцС перевода на русский язык составляет 0,8 (табл. 2), КФкС — 0 (табл. 3), что свидетельствует о фасцинационной доминанте перевода. Стоит отметить большое количество переводческих трансформаций (15 единиц). Для перевода характерны элементы интерпретации, из-за чего его нельзя считать точным смысловым эквивалентом оригинала, но в отношении передачи фасцинационной составляющей перевод выполнен на достаточно высоком уровне. КФцС перевода на английский язык равен 0,4 (табл. 2), КФкС — 0,25 (табл. 3). Перевод отличает большое количество не всегда оправданных переводческих трансформаций, гиперболизированность образов, большая длина строки. КФцС перевода на немецкий язык соответствует 1 (табл. 2), КФкС — 0,5 (табл. 3). Высокие показатели передачи как фактуальной, так и фасцинационной информации оригинала позволяют охарактеризовать данный перевод как прекрасный пример сотрудничества носителей китайского и немецкого языков.

Список источников

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие. — СПб. : Филол. фак. СПбГУ. ; М. : Академия, 2004. — 352 с.

2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М. : КомКнига, 2007. — 144 с.

3. Гаспаров М. Л. Метр и смысл. — М. : Фортуна ЭЛ, 2012. — 416 с.

4. Гордей А. Н. Модель мира как пресуппозиция языковой картины мира // Художественный дискурс: интерпретация и коммуникативные константы : материалы науч.-теорет. конф. — Минск : Минский гос. лингвист. ун-т, 2006. — С. 17–20.

5. Городецкая О. М. Поэтика иероглифа. — URL : http://www.baruchim.narod.ru/Gorodetskaya.html. (дата обращения: 21.10.2011).

6. Кнорозов Ю. В. К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. — М. : Наука, 1973. — С. 324–334.

7. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : курс лекций. — М. : ЭТС, 1999. — 192 с.

8. Кравцова М. Е. Хрестоматия по литературе Китая. — СПб. : Азбука-классика, 2004. — 768 с.

9. Раренко М. Б. Основные понятия переводоведения (отечественный опыт) : терминолог. сл.-справ. — М., 2010. — 260 с.

10. Романовская Е. В. Фасцинация как семантическая категория // Научные чтения, посвящ. В. В. Мартынову : сб. науч. тр. / редкол. : Г. А. Цыхун (отв. ред.), А. Н. Гордей (зам. отв. ред.) [и др.]. — Минск : РИВШ, 2016. — Вып. 3. — С. 16–25.

11. Романовская Е. В. Теория фасцинации в контексте проблем художественного перевода (на примере переводов китайской классической поэзии «ши») // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Гуманитарные науки: История. Филология. Философия. — 2019. — № 1 (112). — С. 125–131.

12. Тороп П. Тотальный перевод. — Тарту : Науч. поиск, 1995. — 256 с.

13. Ухтомский А. А. Доминанта. — СПб. : Питер, 2019. — 512 с.

14. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. — М. : Наука, 1988. — 212 с.

15. Щичко В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода : учеб. пособие. — 2-е изд. — М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. — 223 [1] с.

16. Andreas Blumhofer, Donghui Yang. Chinesische Gedichte der Tangzeit. Lesen — Übersetzen — Verstehen. — Herstellung und Verlag : BoD — Books on Demand, Norderstedt, 2015. — S. 68–69.

17. Climbing High by Tu Fu (712–770) — Famous poems, famous poets // All Poetry. — URL : https://allpoetry.com/poem/13958183-Climbing-High-by-Tu-Fu---712-770--by-Du-Fu (дата обращения: 10.08.2022).

18. Zhou Ning. The Transference of Imagery in Classical Chinese Poetry Translation. — URL : https://www.researchgate.net/publication/255591900_The_Transference_of_Imagery_in_Classical_Chinese_Poetry_Translation (дата обращения: 01.08.2022).

19. 唐诗的美学阐释 / 李浩著 —— 合肥：安徽大学出版社，2000. —316页 [Ли Хао. Истолкование эстетики танской поэзии. — Хэфэй : Изд-во Аньхойского ун-та, 2000. — 316 с.].

20. 刘勰。文心雕龙 [Лю Се. Резной дракон литературной мысли]. — URL : https://www.gushiwen.cn/guwen/wenxin.aspx (дата обращения: 12.08.2021).

References

1. Alekseyeva I. S. *Vvedeniye v perevodovedeniye* [Introduction to translation studies]. Saint Petersburg, Filologicheskiy fakul'tet SPbGU Publ., Moscow, Akademiya Publ., 2004, 352 p. (In Russian).

2. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob"yekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, 2007, 144 p. (In Russian).

3. Gasparov M. L. *Metr i smysl* [Meter and meaning]. Moscow, Fortuna EL Publ., 2012, 416 p. (In Russian).

4. Hardzei A. N. The World Model as a Presupposition of the Linguistic Image of the World. *Khudozhestvennyy diskurs: interpretatsiya i kommunikativnyye konstanty* [Artistic Discourse: Interpretation and Communicative Constants]. Minsk, Minsk State Linguistic University Publ., 2006, pp. 7–20. (In Russian).

5. Gorodetskaya O. M. *Poetika iyeroglifa* [Poetics of the hieroglyph]. Available at: http://www.baruchim.narod.ru/Gorodetskaya.html (accessed 21.10.2011.). (In Russian).

6. Knorozov Yu. V. On the Classification of Signaling. *Osnovnyye problemy afrikanistiki* [Basic Problems of African Studies]. Moscow, Science Publ., 1973, pp. 324–334. (In Russian).

7. Komissarov V. N. *Sovremennoye perevodovedeniye. Kurs lektsiy* [Modern translation studies. Lecture course]. Moscow, ETS Publ., 1999, 192 p. (In Russian).

8. Kravtsova M. Ye. *Khrestomatiya po literature Kitaya* [Chinese Literature Reader]. Saint Petersburg., Azbuka-klassika Publ., 2004, 768 p. (In Russian).

9. Rarenko M. B. *Osnovnyye ponyatiya perevodovedeniya (Otechestvennyy opyt) Terminologicheskiy slovar'-spravochnik* [Basic concepts of translation studies (Russian experience). Terminological dictionary-reference book]. Moscow, 2010, 260 p. (In Russian).

10. Romanovskaya E. V. Fascination as a semantic category. *Nauchnyye chteniya, posvyashchennyye Viktoru Vladimirovichu Martynovu : sb. nauch. tr. Vyp. 3* [Scientific readings dedicated to Viktor Vladimirovich Martynov. Collect. of papers, Iss. 3] Ed. board G. A. Tsykhun (responsible ed.), A. Hardzei (deputy ed.-in-chief) [et al]. Minsk, RIVSH Publ., 2016, pp. 16–25. (In Russian).

11. Romanovskaya E. V. The Theory of Fascination in the Context of the Problems of Literary Translation (on the Example of Translations of the Chinese Classical Poetry "Shi"). *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny* [Proceedings of Gomel State University named after Francisk Skorina]. Gomel, Gomel State University Publ., 2019, no. 1 (112), pp. 125–131. (In Russian).

12. Torop P. *Total'nyy perevod* [Total translation]. Tartu, Nauchnyy poisk Publ., 1995. 256 p. (In Russian).

13. Ukhtomsky A. A. *Dominanta* [Dominant]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2019, 512 p. (In Russian).

14. Shveytser A. D. *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Translation theory: status, problems, aspects]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 212 p. (In Russian).

15. Shchichko V. F. *Kitayskiy yazyk. Teoriya i praktika perevoda: uchebnoye posobiye.* [Chinese language. Theory and practice of translation: textbook. 2nd ed.]. Moscow, Vostok-Zapad Publ., 2007, 223, [1] p. (In Russian).

16. Andreas Blumhofer, Donghui Yang. Chinese poems of the Tang period. Reading — Translating — Understanding. Production and publishing house, BoD — Books on Demand, Norderstedt, 2015, s. 68–68. (In German).

17. Climbing High by Tu Fu (712–770) by Du Fu — Famous poems, famous poets. All Poetry. Available at: https://allpoetry.com/poem/13958183-Climbing-High-by-Tu-Fu---712-770--by-Du-Fu (accessed 10.08.2022).

18. Zhou Ning. The Transference of Imagery in Classical Chinese Poetry Translation Available at: https://www.researchgate.net/publication/255591900_The_Transference_of_Imagery_in_Classical_Chinese_Poetry_Translation (accessed 01.08.2022).

19. 唐诗的美学阐释/李浩著——合肥：安徽大学出版社，2000, 316页 [Li Hao. Aesthetic Interpretation of Tang Poetry. Hefei, Anhui University Press, 2000, 316 p.]. (In Chinese).

20. 刘勰。文心雕龙 [Liu Xie. The Literary Mind and the Carving of Dragons]. Available at: https://www.gushiwen.cn/guwen/wenxin.aspx (accessed 12.08.2021). (In Chinese).

Информация об авторе

Романовская Елена Викторовна — научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси.

Information about the author

Romanovskaya, Elena — researcher, The Centre for the Belarusian Culture, Language and Literature Researches of the National Academy of Sciences of Belarus.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023;
одобрена после рецензирования 05.02.2023;
принята к публикации 06.02.2023.

Submitted 30.01.2032;
approved after reviewing 05.02.2023;
accepted for publication 06.02.2023.

Требования к публикациям
и правила представления рукописей авторами

(The Requirements for publication are also available in English at: http://fljournal.rsu.edu.ru/en/*)*

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина».

Журнал «Иностранные языки в высшей школе» выходит с 2004 года с периодичностью (с 2009 года) — один раз в три месяца.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 года. ***Регистрационный номер ПИ № ФС 77-72456.***

Подписной индекс журнала — № 55170 в каталоге «Объединенный каталог Пресса России».

Журналу присвоен международный стандартный серийный номер (ISSN) 2072-7607.

Журнал с 1 декабря 2015 года ***входит в перечень рецензируемых научных изданий***, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций по филологии (языкознание) на соискание ученой степени кандидата наук и на соискание ученой степени доктора наук.

Публикации бесплатны, при этом учредитель ограничивает количество печатных экземпляров, обеспечивая только обязательную рассылку и рассылку по подписке. Авторам бесплатно высылается электронный макет журнала, подготовленный к отправке в НЭБ (РИНЦ). Желающие приобрести печатный экземпляр могут заблаговременно оформить подписку на соответствующий квартал.

Журнал принимает статьи по методике преподавания иностранных языков, если исследование содержит лингвистическую составляющую, напр.: 5.9.8. Исследование языковых и речевых нарушений. Язык в контексте культуры. Лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка.

Значительное внимание уделяется проблемам теории и практики перевода, в том числе художественного перевода.

Список специальностей научных статей, публикуемых в журнале «Иностранные языки в высшей школе»

5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»

5.9.6. «Языки народов зарубежных стран» (германские языки, романские языки, китайский язык).

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных авторов на русском языке или на английском как языке межнационального общения. В порядке исключения возможна публикация на других ведущих европейских языках — немецком или французском.

Условия и порядок приема публикаций

1. Редакционный совет принимает к публикации статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости и соответствующие тематике журнала. Научные статьи направляются на независимую экспертизу и при положительном заключении, являющемся основанием для публикации, включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.
2. К публикации принимаются научные статьи, соответствующие этическим принципам опубликования научных работ (см. раздел на сайте www.fljournal.rsu.edu.ru «Этика научных публикаций»).
3. Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.
4. Для аспирантов и соискателей кандидатских диссертаций обязательно наличие отзыва научного руководителя.
5. Сведения об авторах представляются на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью; буква «ё» не должна заменяться на «е»);
- ученая степень, звание, должность, место работы без сокращений (с точным, официальным названием кафедры, вуза, страны); для аспиранта либо соискателя — место учебы (кафедра, вуз), отрасль науки и специальность предполагаемой защиты;
- наличие правительственных званий, относящихся к профессии (например, заслуженный работник высшей школы РФ);
- приблизительное количество научных публикаций (монографий, учебно-методических пособий, статей);

- основные направления научных исследований;
- средства оперативной связи в процессе подготовки статьи к печати: личная электронная почта, мобильный телефон, при наличии — WhatsApp (личные данные, кроме электронной почты, в журнале не публикуются).

6. Статьи должны быть оформлены в строгом соответствии с техническими требованиями.

7. Статьи присылаются по электронной почте на адрес e.ustinova@365.rsu.edu.ru, с копиями на адреса: e.ustinova.rsu@yandex.ru и e.ustinova.rsu@gmail.com. Отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей) присылается по почтовому адресу: 390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46, Рязанский государственный университет, Институт иностранных языков, Устиновой Елене Сергеевне. Электронный вариант отзыва научного руководителя присылается вместе со статьей как приложение в формате, воспроизводящем подпись и печать.

8. Окончательное решение о приеме научной статьи к публикации принимается редакционным советом журнала «Иностранные языки в высшей школе». Извещение о решении редакционной коллегии направляется автору.

Требования к оформлению статей

1. *Индекс УДК*. Для публикации статье должен быть присвоен классификационный индекс универсальной десятичной классификации.

2. *Название статьи* (на русском и английском языках) пишется строчными буквами, с использованием заглавных только там, где это необходимо, по возможности без аббревиатур и сокращений.

3. *Аннотация* (на русском и английском языках) объемом 100–300 слов, по возможности без аббревиатур и сокращений. Аннотация должна отражать цель исследования, его новизну, суть авторского видения проблемы, основные положения, выдвигаемые автором, и результаты. Англоязычная аннотация может представлять собой перевод русскоязычной аннотации, но может быть и более развернутой, чтобы создать у читателей, не владеющих русским языком, более полное впечатление о сути исследования и его результатах.

4. *Ключевые слова* (на русском и английском языках). Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, по возможности не повторять термины заглавия и аннотации, использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, которые позволяют облегчить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы. Минимальный объем — 10 ключевых слов; ключевое словосочетание не должно превышать 5 слов. Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой (;). Недопустимо использование любых аббревиатур и сокращений.

5. *Текст статьи*. Рекомендуется деление статьи на основные части с помощью подзаголовков. Все аббревиатуры и сокращения должны быть развернуты при первом использовании. Недопустимо использование расставленных вручную переносов. Объем статьи с учетом информативности текста может варьироваться от 0,3 до 1,0 авторского листа, или от 12 до 40 тыс. знаков. В зависимости от материала произведения 1 авторский лист равен: для прозаического текста — 40 тыс. печ. знаков, для стихотворного текста — 700 строк, для изобразительного материала — 3 тыс. см^2 площади изображений. Текст статьи следует оформлять в 1,5 интервала при шрифте 14 Times New Roman стилем «Строгий» Microsoft Office Word. Редакционный совет оставляет за собой право сокращать статью (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

6. *Таблицы и рисунки.* Каждый рисунок должен быть пронумерован, подписан и сгруппирован (то есть не «разваливаться» при перемещении и форматировании). Таблицы и рисунки должны иметь порядковую нумерацию, при этом нумерация рисунков и таблиц ведется раздельно. В тексте статьи на таблицы и рисунки обязательно должны быть отсылки.

7. *Список использованной литературы (источников)* оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

7.1. Чтобы все авторы публикации были учтены в системе цитирования, в библиографическое описание необходимо вносить всех авторов.

7.2. Недопустимо сокращать название статьи, книги, отечественного журнала, кроме тех случаев, когда сокращение имеется в предписанном источнике информации. Название англоязычных журналов следует приводить в соответствии с общепринятыми сокращениями.

7.3. В периодических или продолжающихся изданиях указывается текущий номер и (в скобках) валовой, то есть номер с момента основания издания.

7.4. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть цифровой идентификатор (Digital Object Identifier — DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. В этом случае электронный адрес опускается.

8. *Библиографическая ссылка* оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

8.1. Приветствуется наличие ссылок на иноязычные публикации зарубежных исследователей.

8.2. При ссылках на электронные ресурсы следует указывать дату обращения.

8.3 Ссылки на Википедию недопустимы.

9. *References.*

9.1. Список использованной литературы на латинице (References) составляется в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту.

9.2. При описании изданий без авторов (коллективных монографий, сборников, материалов конференций) указывается отв. редактор (под редакцией), но не более двух.

Ниже приведены примеры описания использованных источников (литературы) и References.

Книги, монографии

Список литературы	References
Несколько авторов	
Железняк Ю. Д., Петров П. К. Основы научно-методической деятельности в физической культуре и спорте : учеб. пособие для вузов. — Ростов н/Д : Академия, 2002. — 264 с.	Zheleznyak Iu. D., Petrov P. K. *Osnovy nauchno-metodicheskoy deyatel'nosti v fizicheskoy kul'turei sporte* [Bases of scientific and methodical activity in physical culture and sport]. Rostov-on-Don, Academy Publ., 2002, 264 p. (In Russian).

Периодические издания (статьи журналов, сборника научных трудов, материалов конференции)

Список литературы	References
Несколько авторов	
Загайнов С. С., Митчелл П. Д. История развития военных словарей-разговорников как малого литературного жанра // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». — 2016. — Т. 21, вып. 11 (163). — С. 46–51. DOI : 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51.	Zagaynov S. S., Mitchell P. D. The history of the development of military phrase books as a small literary genre. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"* [Tambov University Review. Series "Humanities"]. 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 46–51. (In Russian). DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51.
Материалы конференций	
Калинина Т. Л., Щекочихина С. В. Особенности перевода парадоксов на материале перевода пьес О. Уайльда // Язык в различных сферах коммуникации : материалы Междунар. науч. конф. / под ред. Т. Ю. Игнатович. — Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2014. — С. 233–236.	Kalinina T. L., Shchekochihina S. V. Translation of Paradoxes in O. Wilde's plays. Ignatovich Yu. (ed.) *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Yazyk v razlichnyh sferah kommunikacii"* [Papers of the International scholarly conference "Language in Various Spheres of Communication"]. Chita, Zabaikal'sky State University Publ., 2014, pp. 233–236. (In Russian).

Электронные ресурсы

Список литературы	References
Электронный журнал	
Рыбаков С. Ю. Проблема духовности в педагогическом аспекте // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 16. — URL : http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/pedagogics/rybakov.pdf (дата обращения: 10.09.2016).	Rybakov S. Iu. The problem of spirituality in the context of education. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [The Theory and Practice of Social Development]. 2014, vol. 16. (In Russian). Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/pedagogics/rybakov.pdf (accessed 10.09.2016).

Направляя статью для публикации в журнале «Иностранные языки в высшей школе», автор тем самым дает согласие на ее размещение на сайте РГУ имени С. А. Есенина, а также в Российской научной электронной библиотеке на условиях открытого бесплатного полнотекстового доступа.

Электронные адреса и контактные телефоны:
e.ustinova@365.rsu.edu.ru; e.ustinova.rsu@yandex.ru; e.ustinova.rsu@gmail.com
(4912) 21-57-23; (4912) 97-15-15 (доб. 1030).

Иностранные языки в высшей школе

Научный журнал
Выпуск 1 (64)

2023

Главный редактор
Колкер Яков Моисеевич

Редакторы иностранного текста:
Е. С. Устинова (английский язык)
Ван Цзиньлин (китайский язык)
Е. В. Игнатова (немецкий язык)
Н. К. Костина (французский язык)
Т. Я. Кузнецова (латинский язык)

Редактор Н. И. Тангаева
Технический редактор Д. А. Филатов

Дата выхода в свет 24.03.2023. Цена свободная.
Гарнитура SimSun, Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 11,62. Уч.-изд. л. 9,6. Заказ № 88. Тираж 100 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Адрес издателя:
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Адрес типографии:
Редакционно-издательский центр РГУ имени С. А. Есенина
390023, г. Рязань, ул. Ленина, 20а